



ЖУРНАЛЪ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САТИРЫ.

Подъ редакціей Р. Л. Антропова.



(Библия. „Пиръ Вальтасара“).

СКОМОРОХЪ.

(Изъ современныхъ пѣсень не-Беранже)

Въ службѣ матери-отчизнѣ
Не отстану отъ другихъ —
Въ боевомъ театрѣ жизни
На подмосткахъ роковыхъ;
Въ наши дни переполоха,
Въ эти дни страстей гульбы,
Въ вольной роли скомороха —
Насмѣшу я васъ, рабы!
Въ разукрашенномъ камзолѣ,
Въ ярко-красномъ колпакѣ,
Выхожу я въ этой роли
Съ бубномъ трепетнымъ въ рукѣ...
Пусть камзолъ мой не изъ новыхъ.
Пусть давно тощъ кошелекъ, —
Заткнуть за-поясъ — терновыхъ
Розогъ ласковыхъ пучокъ...
Веселъ я, мнѣ роль по нраву;
Жребій мой — совсѣмъ не плохъ.
Вызывать всѣхъ на расправу
Смѣло можетъ скоморохъ!.

Выходите!.. Всѣмъ я буду
Въ этой роли — по-плечу:
Я предателя Іуду
Хоть въ министрѣ уличу...
Эй, кроты-сверхбюрократы,
Паразиты хлѣбныхъ мѣстъ,
Всѣхъ россійскихъ вѣдомствъ хваты,
Палачи изъ всякихъ тѣстъ!..
Эй, вы! Гдѣ вы? Аль заснули
Послѣ тѣхъ «кровавыхъ бань»,
Гдѣ вы — вмѣсто хлѣба — пули
Слали всѣмъ голоднымъ въ дань?!

Не ношу я револьвера
И подъ краснымъ колпакомъ,
Лишь встряхну я для примѣра
Розогъ ласковымъ пучкомъ, —
И мгновенно атакую
Свору вашу всю врасплохъ...
Всѣмъ вамъ рѣчь держать такую
Можетъ только скоморохъ!

Пусть вы — перлы-адаманты
Всей родимой стороны,
Генералы-адъютанты —
Вѣдь и тѣ мнѣ не страшны!..
Шашки, ружья, пулемѣты
Я не ставлю ни во грошъ, —
Пусть всѣхъ давятъ санкюлоты
Казачи, а мнѣ то что-жъ?!
Скомороху удалому
Даже имъ не запретить
По раздолью по родному
Слово вольное пустить...
Полетитъ — упало съ возу;
Вѣтра въ полѣ кто ловилъ?
Я-жъ словомъ своимъ занозу
Многимъ въ сердце посадилъ...
Пусть бѣснутся, — встревожить
Всѣхъ ихъ мой предсмертный вздохъ;
Помнить весь народъ, что можетъ
Правду молвить скоморохъ!..

Пусть убьютъ, — тужить не стану!..
Пращуръ мой умѣлъ смѣшить:
Самому царю Ивану
Смѣлъ всю правду говорить...
Онъ — убить, но слово живо:
Нѣтъ-да-нѣтъ, взлетитъ, какъ встарь...
Дурново-жъ грозитъ ретиво,
Но пока еще не царь!..

Неиздакхья новеллы Боккачю.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями Романа Доброго.

(Первыя двѣ новеллы были помѣщены въ „Буреломѣ“).

О полководцѣ нетерпѣливомъ и о полководцѣ трижды терпѣливомъ.

Королева и всѣ придворные были очень опечалены судьбою растаявшаго сахарнаго губернатора Ротра Dur'a.

— Чья очередь сегодня развлекать насъ? — спросила королева.

— Мнѣ, ваше величество.

— Отлично. Но я попросила-бы васъ рассказать намъ чтонибудь позабавнѣе.

— Хорошо, ваше величество... Я расскажу вамъ о двухъ полководцахъ, изъ которыхъ одинъ былъ страшно нетерпѣливъ, а другой, наоборотъ, трижды терпѣливъ.

Слушайте. Одной огромной провинціи, подъ названіемъ Красной *) пришлось вести войну, упорную и ожесточенную, съ сильнымъ и храбрымъ противникомъ.

Въ числѣ главныхъ полководцевъ былъ назначенъ одинъ молодой, полный силы, ума и таланта, signor-генералъ, по имени Scobelio.

Помимо беззавѣтной храбрости, онъ отличался еще однимъ: непобѣдимымъ влеченіемъ къ красивымъ женщинамъ.

Стоило ему, бывало, увидѣть какуюнибудь прелестницу, какъ онъ моментально воспламенялся и сейчасъ-же начиналъ ее штурмовать. Прицѣлъ его былъ вѣренъ и всѣ штурмы увѣнчивались блестящимъ успѣхомъ.

То обстоятельство, что столь молодой Scobelio занялъ такую важную должность, породило раздраженіе и за-

вистъ въ средѣ другихъ военачальниковъ, у которыхъ, по выраженію Scobelio, „сыпался песокъ изъ того мѣста, гдѣ кончается спина и начинаются ноги“.

Всѣ эти старые полководцы приступили къ принчице:

— Какъ, ваша свѣтлость?! вы назначаете Scobelio на такой постъ? но, вѣдь, онъ и на войнѣ будетъ заниматься только любовными утѣхами, виномъ.

Мудрый и благородный принчице, отлично понимающій настоящую цѣль этихъ „благоразумныхъ“ предостереженій, отвѣтилъ съ улыбкой:

— О, не волнуйтесь, почтенные синьоры! Тотъ, кто такъ смѣло и увѣренно беретъ приступомъ женскія крѣпости, тотъ такъ-же смѣло и увѣренно возьметъ крѣпости и врага, ибо первое бываетъ, порой, гораздо труднѣе второго. Я знаю это по собственному опыту...

Все-же принчице призвалъ къ себѣ Scobelio и сказалъ ему:

— Я знаю тебя и люблю тебя. Ты — молодецъ! Но, однако, ты того... не очень ужъ увлекайся тамъ... Штурмуй не только женщинъ, но и врага...

Scobelio преклонилъ колѣна.

— О, ваше свѣтлость! я чую козни моихъ недруговъ; они боятся, что я имъ ничего не оставлю. А знаете, ваша свѣтлость, это, пожалуй, будетъ и лучше: по крайней мѣрѣ, они дѣломъ будутъ заниматься...

Принчице расхохотался.

— Молодецъ ты! Однако, дабы сдерживать твою нетерпѣливую натуру, я назначу къ тебѣ няньку — дядьку.

И принчице назначилъ къ Scobelio синьора Fasanio*). Битва слѣдовала за битвой. Молодой Scobelio проявлялъ чудеса храбрости. Послѣ ночи, проведенной въ объятіяхъ красавицы, онъ, какъ левъ, шелъ на приступъ враговъ и разбивалъ ихъ на голову.

*) У Боккачю въ рукописи стоитъ: provincia Ross. Дальше — буквы стерты; такъ какъ rosso по-итальянски означаетъ красный, то мы и переводимъ заглавіе провинціи: красная.

*) Fasanio — нѣчто вроде нашей куропатки.

Пусть предъ нимъ дрожитъ самъ Витте,—
 Не премьеръ я и не графъ!
 Чѣмъ хотите мнѣ грозите—
 Знаю я, что былъ я правъ:
 Ни овсомъ я не торгую,
 Манифесты искажать
 Никогда и не дерзну я...
 Ну, такъ что-же мнѣ дрожать?!..

Веселья! Мнѣ роль—по нраву!..
 Жребій мой—совсѣмъ не плохъ...
 Смѣло звать всѣхъ на расправу
 Можетъ русскій скоморохъ!..

12 января 1906 г. Евстигней Нагайкинъ.

Брызги и занозы.

I.

Иванъ Толстой, графъ,—недалѣкъ *)
 Не по себѣ взялъ обязательства...
 Да, въ этомъ тонкій есть намекъ
 На толстыя обстоятельства!
 Надеждами чревата Русь,—
 Но по пути освобожденія
 Пойдетъ-ли (молвить не берусь!)
 Она изъ чрева просвѣщенія,
 Когда такой имъ править гусь?..

II.

Землеустройства планами,—
 Вахлацкаго-крестьянскаго,—
 Онъ занятъ купно съ панами
 Сословія дворянскаго...
 О, Кутлеръ! Русь не видѣла
 Такихъ—какъ ты—радѣтеля..

*) См. послѣдніе циркуляры М. Н. Пр.

Еще не остывшій отъ любовнаго жара, съ еще горѣвшими отъ страсти глазами, онъ гордо и безтрепетно стоялъ передъ врагами, наводя на нихъ ужасъ.

А въ это время, послѣ каждой такой побѣды Scobelio пестунъ его бездарный и ничтожный сеньоръ Fasanio, доносилъ:

— Ахъ, если-бы не я, не моя мудрая воздержанность, Scobelio проигралъ-бы всю кампанію.

Окончилась война. Имя Scobelio прогремѣло повсюду, какъ величайшаго полководца. Принципе осыпалъ его милостями, съ гордостью говоря:

— Развѣ не правъ я былъ, когда доказывалъ, что только тотъ побѣдитъ, у кого *все* сильно и твердо?

Послѣ окончанія войны, храбрый Scobelio съ еще большимъ стараніемъ бралъ добровольно и штурмомъ амбразуры женскихъ крѣпостей.

Но, вдругъ, при одномъ штурмѣ, онъ не выдержалъ и умеръ, но умеръ все-же, какъ герой: не отступивъ ни на волосъ отъ врага...

Шли годы. Странное дѣло, дамы и кавалеры: съ каждымъ годомъ память о Scobelio стушевывалась и наоборотъ, слава бездарнаго Fasanio росла. Онъ не на шутку всѣ побѣды блестящаго Scobelio сталъ приписывать себѣ, и когда черезъ много лѣтъ возгорѣлась новая война, онъ облегся ужъ въ званіе любимаго народнаго героя и поѣхалъ воевать съ врагомъ.

На прощаніе съ народомъ онъ сказалъ ему:

— Я ѣду сражаться не доблестью и талантомъ, а трижды-терпѣніемъ.

Однако, на помощь этому терпѣнію онъ взялъ безчисленные изображенія св. Керулярія, св. Бонифація, шляпу достопочтеннаго радге Джованни и прочіе чудодѣйственные предметы.

Но увѣ!—на посту не няньки-дядьки, а полководца,

За что-жъ судьба обидѣла
 Голодныхъ благодѣтеля?!
 Тебѣ—при этомъ рвеніи
 Мужицкаго печальника—
 Запятъ всего бы менѣе
 Постъ... земскаго начальника!..

Внукъ своего дѣда.

Изъ Апухтина.

Ночи безумныя, ночи безсонныя,
 Обыскъ свирѣпый, жандармы привычныя,
 Своры полиціи, властью снабженныя,
 Въ пору реакціи гости обычные.
 Пусть даже опытъ рукой безпощадною
 Намъ указалъ, сколько было въ васъ ложнаго —
 Все же летимъ отъ васъ поступью жадною
 Съ чувствомъ презрѣнья, презрѣнья глубокаго.
 Призракомъ крѣпости вы затемняете
 Митинга звуки нестройныя, шумныя,
 Страхъ на собранія вы нагоняете,
 Обысковъ, арестовъ ночи безумныя.

Ивичъ.

Какъ нынѣ собирается вѣщій князь М.
 Отомститъ петербургскимъ журналамъ
 И пагубный складъ ихъ рѣчей и всѣхъ темъ
 Поставить на видъ либераламъ.
 И вотъ въ безкорыстномъ припадкѣ своемъ
 Онъ пишетъ статейки—гусинымъ перомъ:
 „Россія за мною, Россія со мной!
 „Въ столбцахъ моей вѣрной газеты
 „Обрушусь на дерзкихъ я скоро грозой
 „И грозные дамъ имъ отвѣты!
 „Хотѣлъ „Гражданинъ“ свой закрыть я, друзья,
 „Да вижу погибнете вы безъ меня“.

„Заноза“.

ничтожнѣйшій Signor Fasanio потерпѣлъ скандальнѣйшій провалъ.

Такъ какъ онъ самъ не обращалъ никакого вниманія на прелести походныхъ дѣвицъ, то этимъ занялись многіе изъ его приближенныхъ и, вмѣсто сраженій, они давали такія оргіи, отъ которыхъ пришли-бы въ конфузъ даже аеиняне ночью.

Нѣкоторые воины „высоко“—благородной крови насильно купали самоотверженныхъ женщинъ, ухаживавшихъ за ранеными въ то самое время, когда тысячи доблестныхъ воиновъ, солдатъ и скромныхъ офицеровъ проливали свою кровь.

Бездарный полководецъ оставался невредимымъ. Одинъ разъ только онъ былъ раненъ, получивъ ударъ въ лицо. Рана оказалась не опасной. Шляпа радге Джованни спасла „любимаго героя“.

Говорятъ, передъ однимъ большимъ сраженіемъ было ему видѣніе: предъ нимъ предстала гнѣвная тѣнь покойнаго Scobelio, закричавшая громовымъ голосомъ:

— Ты, военный слуга, сдерживалъ меня отъ моего „нетерпѣнія“ ну, а кто-же спасетъ страну отъ твоего „терпѣнія“? Эхъ, если-бы у тебя въ башкѣ было хоть сотая часть той твердости, которая находилась вотъ здѣсь!..

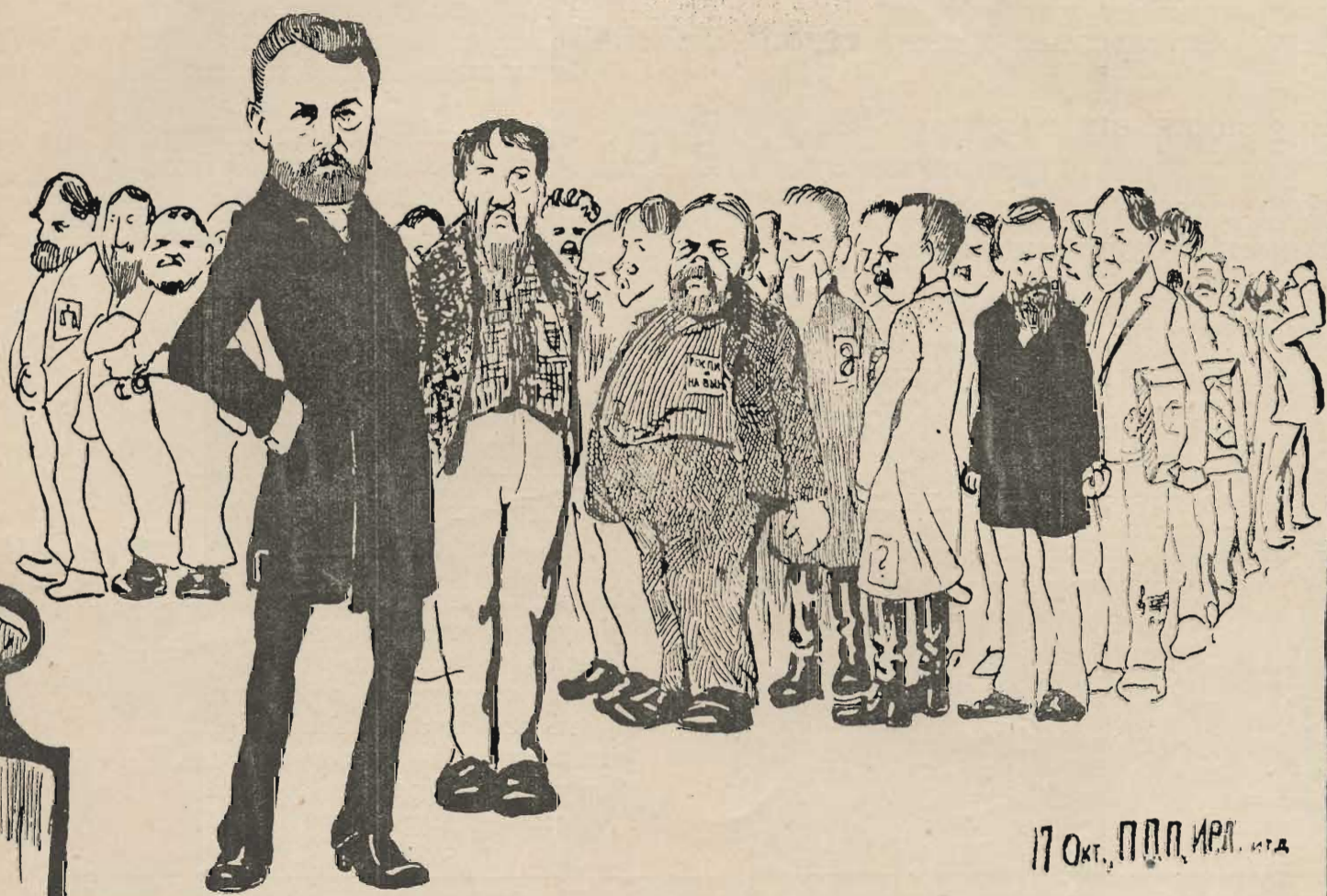
И Scobelio указалъ, сдѣлавъ какой-то неопределенный жестъ рукою.

(Продолженіе слѣдуетъ)





КТО ПОБ



17 Окт., П. П. И. Р. Л. И. Д.



А. П. - 42
1906

С-Р

ОБЪДИТЬ?

Нигдѣ не помѣщенное стихотвореніе Д. Минаева *)

У памятника Петра Великаго.

Дантонъ подѣ шапкой Мономаха,
Звѣрь, геній, труженникъ, герой,
Своей дубинкою съ размаха
Разбилъ онъ древней жизни строй.

* *

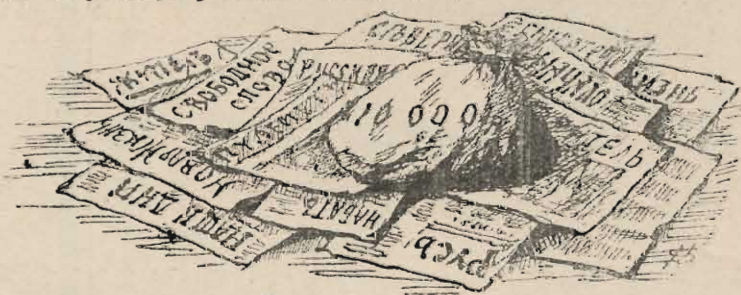
Своими мощными трудами
Въ Европѣ мѣсто русскимъ далъ,
И часто вмѣстѣ съ бородами
Славянамъ голову срывалъ.

* *

Того не вѣдалъ онъ заранѣ,
Что нашъ братъ-русскій жить здо-
ровъ,

И до-петровскіе славяне
Живутъ донынѣ безъ головъ...

*) Это стихотвореніе покойнаго талантливаго поэта достав-
лено въ редакцію уважаемой А. Г. Шиле.



Первое засѣданіе Государственной Думы.

(Экстренный отчетъ хроникера).

Огромный залъ Таврическаго дворца пере-
полненъ. На трибунахъ возсѣдаютъ трибуны,
гордость и надежда Россіи, въ совершенно
новой роли ходоковъ отъ русскаго народа.
Они сидятъ важно, чинно, направо и налево.
Посмотрѣть, совсѣмъ парламентъ или рейх-
сратъ. Одно только обстоятельство наруша-
етъ идиллію, гармонію и стиль „европейскаго
учрежденія“. Это фигуры казаковъ, мирно
ковыряющихъ въ носу и исправляющихъ по-
грѣшности въ нагайкахъ.

Предсѣдатель, (по привычкѣ всѣхъ пред-
сѣдателей, хвастаясь неизвѣстно для чего за коло-
кольчикъ.) Я пригласилъ васъ всѣхъ, господа,
затѣмъ, чтобы сообщить вамъ...

Шумъ. Направо—апплодисменты, налево—
саркастическій смѣхъ. Слышны, возгласы:
„Ловко! Это онъ изъ „Ревизора“ хватилъ!
Ахъ, сердешный, дочего забылся“.

Депутатъ—членъ Петрунке-
вичъ (негодующе). Я попросилъ-бы г. предсѣ-
дателя взять свои слова обратно. Не онъ „при-
гласилъ насъ“, а сошлись мы здѣсь по волѣ
народа. Насъ пригласилъ народъ.

Шумъ. Апплодисменты налево, свистъ въ
дудки направо. Казаки настораживаются.
Приставъ вздрагиваетъ, эффектно выпячивая
грудь.

Предсѣдатель (уже звонитъ). Господа,
призываю васъ къ порядку. Такъ какъ мы не
отмѣнили еще статьи закона о нарушеніи об-
щественной тишины и порядка, то я напо-
минаю о возможности составленія полицей-
скаго протокола и фигурированія въ камерѣ
мирового судьи.

REQUIEM.

Requiescant in pace...

Въ общихъ гробахъ ихъ тайкомъ хоронили,
Въ колоколъ грустно при томъ не звонили
Въ темной и сонной дали...

Рыли могилы... Команды звучали...

Мѣрно и грозно о крышку стучали

Комья лишь мерзлой земли...

* *

Шепчутъ чуть слышно солдаты молитвы
За души тѣхъ, кто изъ жизненной битвы

Выхваченъ ихъ же рукой...

Скоро оконченъ обрядъ погребальный...

Крестъ не укажетъ могилы печальной—

Вѣчный страдалецъ въ покой...

* *

Тѣхъ, кто за правду тяжелой дорогой
Шелъ за свободу съ надеждой, тревогой,

Трудно могилы искать...

Снѣжнымъ, пушистымъ скрывая покровомъ,

Вѣтеръ холодный дыханьемъ суровымъ,

Будетъ ихъ вѣчно ласкать...

В. Т—овъ.

Въ былое время, чтобъ прочнѣе
Держалась память о межахъ,
Исправникъ, розогъ не жалѣя,
Лоролъ крестьянъ на бороздахъ.
Теперь все тоже съ манифестомъ:
Чтобъ тверже помнили о немъ
Сидятъ полъ-Руси подъ арестомъ,
А остальные подъ судомъ.

Неро.

Приставъ Государств. Думы
(щелкаетъ шпорами). Къ вашимъ услугамъ...

Гомерическій хохотъ. Слышны возгласы:
„Изъ парламента да на Казачій!“ „Двистви-
тельно!“

Представитель „кадетовъ“ *).
Кто далъ вамъ право грозить намъ мирош-
кой и казачимъ? Намъ—выборнымъ людямъ
русской земли!

Предсѣдатель. Мое право основы-
вается и покоится на томъ, что я занимаю,
такъ сказать, штатную должность, да при
томъ еще—утвержденную, тогда какъ вы всѣ
служите просто по вольному найму.

Эти слова вызываютъ неописуемый шумъ.
Кто-то даже пробуетъ пѣть: „Бѣхалъ чирикъ
въ лодочкѣ въ генеральскомъ чинѣ. Не вы-
пить ли водочки по этой причинѣ?“ „Вѣрно!“
„Ловко!“ „Позвольте, да“.

Приставъ (стрѣло). Господа, господа,
прошу васъ прекратить безобразіе.

Предсѣдатель (звонитъ что есть силы).
Господа, пора приступить...

Бочаговъ (икая). Двиствительно...

Корреспондентъ „Figaro“ (рус-
скому коллежѣ). Ma foi, je ne comprends rien... Что
говорять и отчего такъ свистятъ эти депу-
таты?.. Hein?..

Хроникеръ. А это, видите-ли, collega,
дебатируется вопросъ о томъ, куда лучше
препроводить депутатовъ послѣ засѣданія: въ
участокъ или въ предварилку.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Просить не смѣшивать съ обитателями вяземской лавры
или съ суздальноморскими кадетами, а отнести къ партіи К. Д.

ПУТНИКЪ.

Тяжелой дорогою путникъ впередъ
 Къ намѣченной цѣли идетъ,
 Онъ еле влачить утомленные ноги
 По камнямъ тернистой дороги...
 Идетъ напрямикъ онъ, не хочетъ свернуть,
 Не хочетъ присѣсть отдохнуть...
 Въ объятія нѣжно манить
 Суровый холодный гранить:
 Присядь! Погоди!
 Тебѣ впереди
 Пути безконечные дни!
 Постой! Отдохни!

Онъ шелъ по зеленому морю впередъ
 И ночи, и дни напролетъ...
 Прошелъ онъ рѣшительнымъ шагомъ могучимъ
 И рошей, и лѣсомъ дремучимъ...
 Манилъ утомленного мягкій коверъ
 Вѣтвей изумрудныхъ шатеръ...
 И полныя нѣги слова
 Шептала ему мурава:
 Прилягъ! Погоди!
 Тебѣ впереди
 Пути безконечные дни!
 Постой! Отдохни!

И по морю шумному путникъ впередъ
 Безстрашно на лодкѣ плыветъ:
 Съ трудомъ управляють усталыя руки,
 Лицо искривилось отъ муки...
 Волна набѣгаетъ, дробясь на волну,
 Чтобъ лодку отправить ко дну...
 Таинственной страсти полна,
 Любовно шептала волна:
 Прилягъ! Погоди!
 Тебѣ впереди
 Пути безконечные дни!
 Постой! Отдохни!

Таинственный путникъ, не вѣрь ты въ слова,
 Что шепчетъ тебѣ мурава,
 Не вѣрь ты тому, что на водномъ просторѣ
 Къ тебѣ прижималось море,
 Не вѣрь ты тому, что суровый гранить
 На грудь откровенно манить!
 Борьбу и тревоги упрямо сносишь,
 Своихъ не жалѣя ты силъ!!
 Не бойся! Иди!
 Тебѣ впереди
 Уже зажигаютъ огни
 Свободные дни!

В. Тр—овъ.

ИНТЕРВЬЮ.

На дняхъ я совершенно внезапно очутился въ роли интервьюера подобно сенатору Акимову, столь-же внезапно очутившемуся въ роли министра юстиціи.

Попавъ въ кабинетъ англійскаго посланника, я, не долго думая, задалъ ему вопросъ:

— Будьте совершенно откровенны: ваше правительство ничего не намѣревается предпринять противъ насъ?

Отъ моихъ зоркихъ глазъ не ускользнуло его удивленіе, когда я произносилъ слова „будьте откровенны“.

— Видите ли, я членъ партіи правового порядка, состоящей исключительно изъ искреннихъ, извѣстныхъ патріотовъ. Вы говорите, что ваше правительство совершенно мирно настроено въ отношеніи нашего любезнаго отечества,—мы охотно вѣримъ вамъ. Но, какъ истые патріоты, не сможемъ успокоиться, пока вы не докажете ясно, какъ дважды два четыре, что вамъ нѣтъ никакого разсчета утратить у насъ ту или другую часть нашихъ владѣній. Тѣмъ болѣе, что вы уже неоднократно, извините за чисторусское, самобытно-русское выраженіе, подкладывали намъ свинью.

— Охотно готовъ успокоить черезъ васъ господъ русскихъ патріотовъ—съ улыбкой отвѣтилъ мой высокопоставленный собесѣдникъ.

— Намъ не только нѣтъ прямого разсчета беспокоить васъ, нопрямо боязно. Судите сами. Ваши войска, перевоспитанныя на принципъ свободъ 17-го октября ст. стиля, одержали столько блестящихъ побѣдъ надъ латышами, поляками, евреями и армянами, что покрыли себя всемірной, можно сказать, славой. Престижъ вашего христіанскаго воинства, который почему то считался за послѣдніе 2—3 года нѣсколько пошатнувшимся, опять высоко поднялся и держится гораздо прочнѣе уровня вашей Государственной ренты. Сколько у васъ теперь боевыхъ генераловъ, флигель-адъютантовъ, полковниковъ и даже корнетовъ. Кому же охота васъ теперь задѣвать? Кромѣ того, если ваше войско во время Японской войны было плохо вооружено, то теперь оно въ смыслѣ оружія обогатилось на счетъ вашихъ побѣжденных враговъ—студентовъ, курсистокъ и рабочихъ. Одно покореніе Москвы внушило всѣмъ страхъ передъ вашими адмиралами. А потому, увѣряю васъ, намъ англичанамъ и въ голову не приходитъ воевать съ вами.

Я поблагодарилъ за цѣнныя свѣдѣнія и пошелъ доложить о нихъ Русскому собранію, гдѣ послѣ этого состоялось нужное торжество.

П. П. П.

Отъ редакціи „Занозы“.

„Горькій смѣхъ“, о которомъ говорилъ великій Гоголь,—тотъ смѣхъ, въ которомъ сверкаютъ незримыя міру слезы,—вотъ наша платформа.

Надъ чѣмъ мы будемъ смѣяться? Боже мой, да буквально и безъ исключенія надъ всѣмъ, что смѣшно, надъ всѣмъ, что порой вызываетъ жгучія ѣдкія слезы обиды, досады, горя за нелѣпую судьбу нашей дорогой родины, интересамъ которой, мы вѣримъ, готовы служить всѣ оскорбляемые и гонимыя „народности“, идущія рука объ руку съ русскимъ народомъ.

„Нѣсть ни элина, ни іудея“, есть только могучая человѣческая душа, рвущаяся къ правдѣ, добру, справедливости, красотѣ.

Этимъ великимъ завѣтамъ мы будемъ служить всею силой нашего посильнаго таланта. Мы сказали.

Въ каждомъ слѣдующемъ № „Занозы“ будутъ помѣщаться:

- 1) Новый Декамеронъ. Неизданныя новеллы Д. Боккачіо, подъ редакціей и съ примѣчаніями Романа Доброгаго.
- 2) Полная панорама (въ рисункахъ-карикатурахъ) русско-японской войны, во всѣхъ ея достопримѣчательностяхъ.
- 3) Живые отклики въ текстѣ и рисункахъ на все, касающееся будущаго русскаго парламента—Государственной Думы.

Кромѣ этихъ постоянныхъ отдѣловъ, въ журналѣ всегда будетъ звучать эхо всѣхъ текущихъ злобъ дня.

Участіе въ журналѣ обѣщали многіе извѣстные писатели, поэты и художники.

Въ № 1 приняли участіе: Р. Л. Ахтроповъ, М. Турвичъ, Аполлонъ Коринфскій, С. Р. Михцловъ, Ж. М. Спасскій, В. В. Трофимовъ и другіе.

Полный списокъ всѣхъ сотрудниковъ мы объявимъ въ № 2.

Три граціи.

Статуя не Кановы.



ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 г.

на еженедѣльный журналъ

художественной сатиры

Подъ редакціей и при постоянномъ участіи Р. Л. Антропова.

Подписная цѣна: годъ—4 руб., $\frac{1}{2}$ г.—2 р.; съ пересылкой во всѣ города Россіи—годъ—5 р., $\frac{1}{2}$ г.—3 руб.

Цѣна отдѣльнаго № — 10 коп. безъ пересылки.

Подписка принимается въ редакціи: Спб. Итальянская, 27 и во многихъ городахъ Россійской Имперіи.

Редакторъ для личныхъ объясненій принимаетъ ежедневно отъ 2—4 час. дня.

Редакторъ Р. Л. Антроповъ.

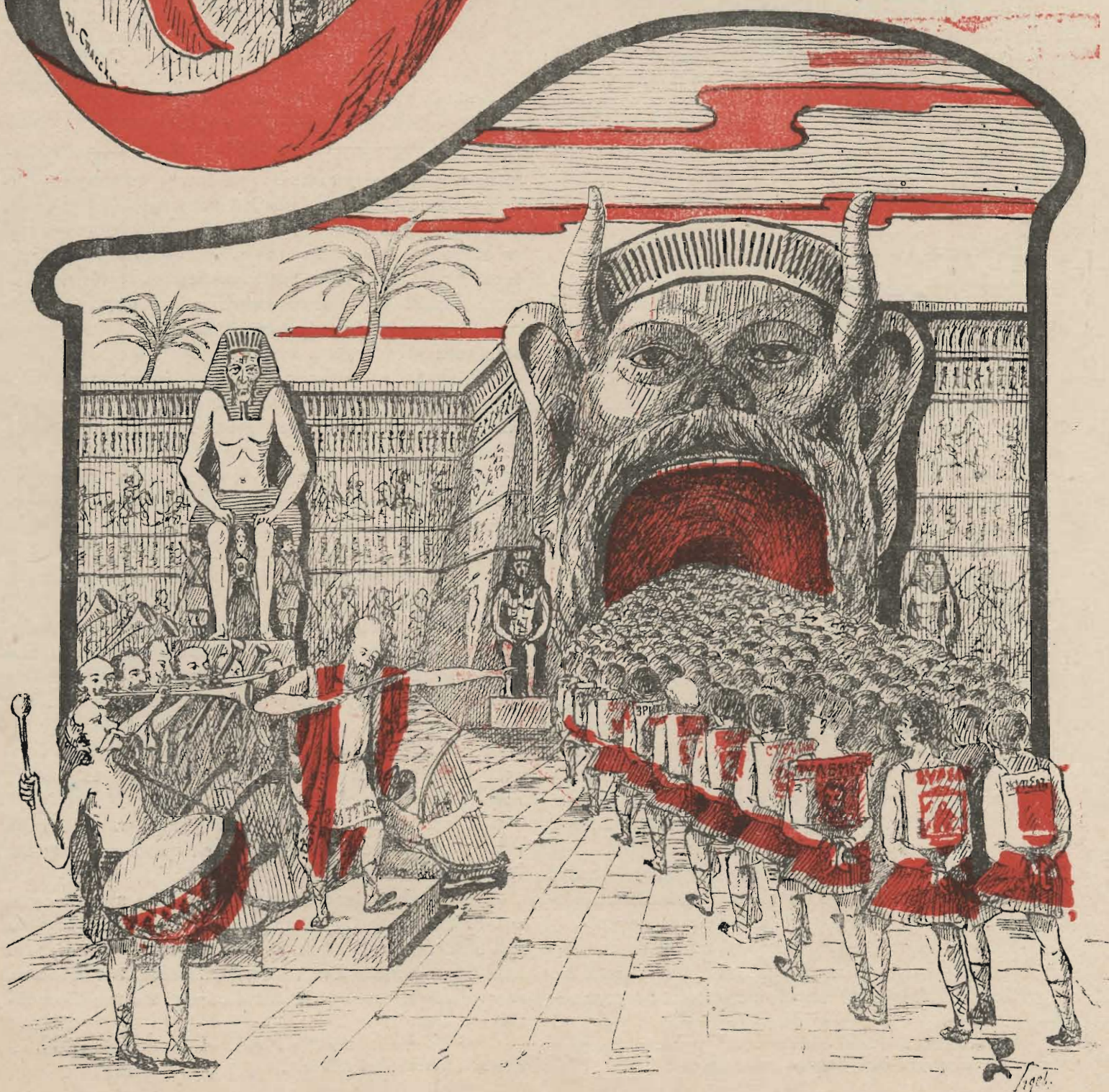
Издатель С. Д. Новиковъ.

„З А Н О З А“.

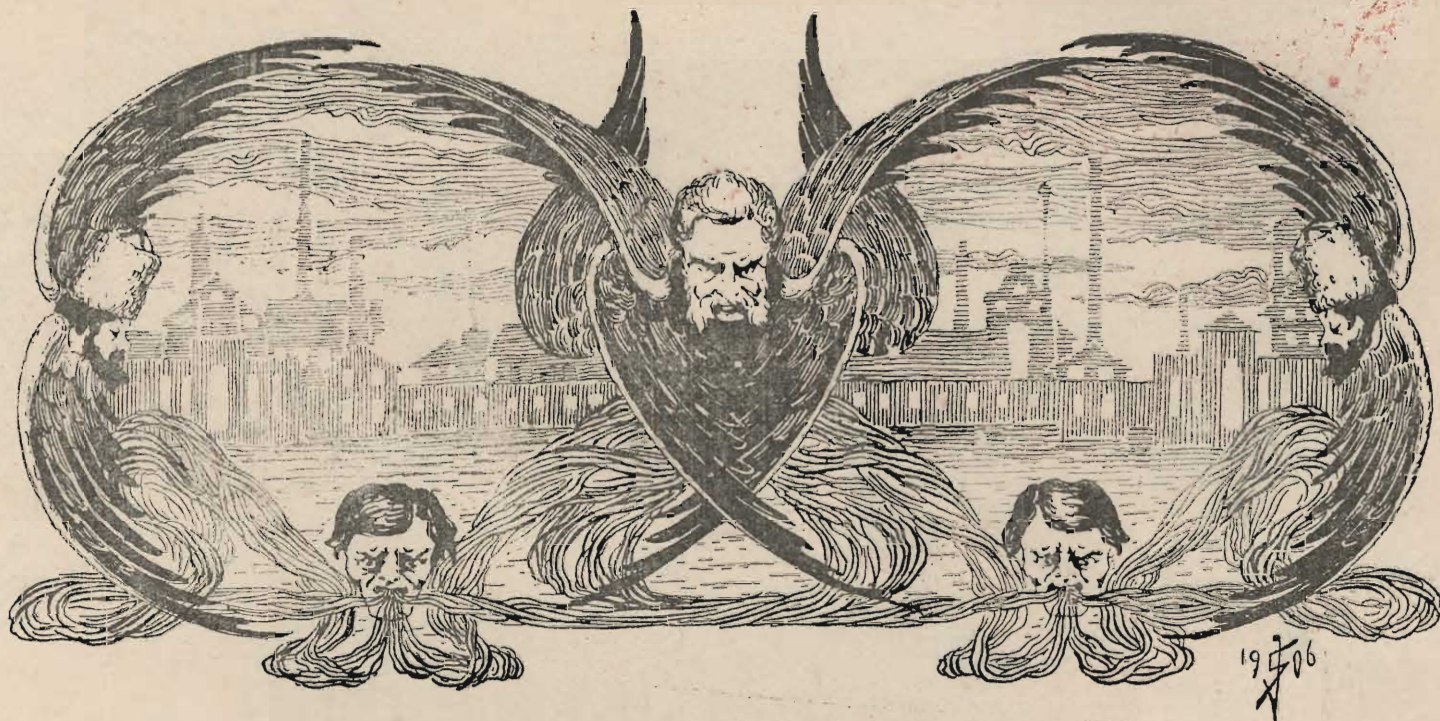


ЖУРНАЛЪ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САТИРЫ.

Подъ редакціей Р. Л. Антропова.



Жертвоприношеніе богу Ваалу. (I Кн. Царей 16. 31).



ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

(Изъ современныхъ пѣсней не-Берадзе).

Зловѣщій гулъ и шумъ борьбы кровавой
Со всѣхъ сторонъ доносится до насъ;
Потрясены жестокою расправой
Москва, Одесса, Кіевъ и Кавказъ...
Друзья мои, товарищи и братья!
Забудемъ разнь,—мы вѣримъ всё въ одно,
Намъ слышны стоны, вопли и проклятья,
Хоть пьемъ мы здѣсь веселое вино!..
Лжетъ, кто сказалъ: „Одинъ—не воинъ въ полѣ!“

Отъ каждаго отъ лишняго бойца
Войска растутъ... Кто гибнетъ въ битвѣ воли,
Достойнъ лавровъ вѣчнаго вѣнца!
Борьба кипитъ... Не побѣдитъ Орловымъ,
Дубасовымъ и Минамъ тѣхъ, кто правъ,
Кто борется не пулями, такъ словомъ,
За честь страны, за мощь народныхъ правъ!..
Полнѣй стаканы! Прочь невзгоды!..
Межъ нами трезвыхъ трусовъ нѣтъ!..
До дна—за всѣхъ борцовъ Свободы,
За всѣхъ несущихъ въ жизнь намъ свѣтъ!..
Реакція грозитъ намъ не на шутку,
Что новый день—ряды ея растутъ,—

Жендакхия ковеллы Ёккачю.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями Романа Доброго.

О чудесахъ въ женскомъ монастырѣ, основанномъ padre Джованни.

..Королева и всѣ придворные были весьма довольны энергичнымъ возпасомъ тѣни Scobelio.

— Такъ ему и надо, этому бездарному полководцу Fasanio! — воскликнула королева. Кому сегодня развлекать насъ?

— Минѣ, ваше величество. Я расскажу вамъ сегодня о чудесахъ въ женскомъ монастырѣ, который основалъ достопочтенный падре Джованни.

Лишь только имя padre Джованни было произнесено, какъ всѣ дамы, съ лукаво-стыдливой улыбкой, потупили свои глазки, а казначеры весело поглядѣли на свои шляпы и на то мѣсто, гдѣ кончается ихъ жилетъ и начинаются ноги.

— Слушайте. Последнее чудо со шляпой окончательно укрѣпило благочестиваго падре Джованни въ сознаніи, что всю свою чудотворно-чудодѣйственную силу онъ долженъ посвятить пользѣ женщинъ, женской благодати.

Онъ еще съ большимъ рвеніемъ сталъ разъѣзжать по Пизѣ, въ сопровожденіи двухъ женщинъ, и съ еще большей любезностью относиться къ синьорѣ Porful'и, которую возвелъ въ санъ Sant'ы Mari'и.

Наконецъ, онъ рѣшилъ основать женскій монастырь и далъ благословеніе на то, чтобы всѣ женщины, вѣрющія въ его чудеса, назывались „джованистками“ *).

И вотъ, на тѣ деньги, которыя стекались къ нему со всѣхъ сторонъ, деньги, за которыя Джованни и его секретари, подобно папѣ, давали индульгенціи (отпущеніе

грѣховъ), на берегу грязнаго канала *) въ городѣ Св. Петра выросъ красивый женскій монастырь.

Такъ какъ въ постройкѣ его не принималъ участіе ни одинъ изъ принцipes, то сооруженъ этотъ „храмъ“ былъ весьма быстро, на вящую радость богатыхъ жителей города Св. Петра, которымъ надоѣли ужъ всѣ старыя, прежнія богоугодныя заведенія, гдѣ они изливали свои накопившіяся чувства...

Уставъ этого замѣчательнаго монастыря ордена „джованистокъ“ былъ, по истинѣ, высоко мудръ и строго опредѣленъ; совершенно въ духъ благочестиваго падре Джованни

Сущность его заключалась въ томъ, что „праведницамъ“ нечего удалаться отъ міра, ибо міръ въ нихъ нуждается... Спасенія за святыми монастырскими воротами могутъ искать лишь всѣ погибшія созданія, всѣ тѣ, у кого желаніе любовныхъ утѣхъ превышаетъ ихъ совѣсти и женской гордости и чести“.

— Тамъ вы найдете желаемое, т. е. успокоеніе своимъ женскимъ страстямъ! — скромно заявилъ достопочтенный падре Джованни. — Если же вы, собственными средствами, не съумѣете успокоиться, то на помощь къ вамъ приду я.

Всѣ возликовали. Послѣ поразительнаго чуда со шляпой, всѣ женщины увѣровали окончательно въ силу и мощь благочестиваго Джованни.

Скоро слава о самомъ благочестивомъ монастырѣ „джованистокъ“ широко разнеслась по всему граду Св. Петра.

Всѣ заблудшіяся женщины стремились попасть туда, всѣ гетары града Св. Петра только мечтали, какъ-бы имъ примкнуть къ ордену джованистокъ. Были среди нихъ красивыя женщины, величавшія себя Магдалинами, хвастающіяся, что онѣ грѣшили съ помощниками минист-

*) Такъ какъ Джованни соответствуетъ русскому Іоанну, то и джованистки могутъ быть названы: „іоаннистками“.

*) Въ городѣ Св. Петра есть нѣсколько каналовъ, ну, на примѣръ, нѣкто вродѣ Пряжки...

Наперекоръ и сердцу, и разсудку
Гнетѣтъ она и мысль, и вольный трудъ.
Давя порывъ могучаго протеста,
Ея жрецы кричатъ: „Назадъ, назадъ!
Хватай, лови“! Нѣтъ въ тюрьмахъ больше мѣста...
Но подожди смѣяться, ретроградъ!..
Недаромъ есть пословица: „смѣется
Тотъ хорошо, чей смѣхъ послѣднимъ былъ.“
Тебѣ твой смѣхъ слезами отольется...
Разумнѣй будь, сдержи свой рьяный пылъ!
Не подавить ни треповскимъ патронамъ,
Ни обыскамъ, ни арестамъ того,
Что вызвано всего народа стономъ
И кровью тѣхъ, кто гибнетъ за него...

Полнѣй стаканы! Жизнь природы—
И то—впередъ идетъ всегда...
Пьемъ—за апостоловъ Свободы,
За вольныхъ ратниковъ труда!..

Я былъ всегда пѣвцомъ страны родимой,
Я воспѣвалъ богатырей родныхъ...
Родной народъ! Ты—мой герой любимый!..
Богатыри?.. Готовъ воспѣть я ихъ;
Но гдѣ они?! Не тѣ-ль, что отступали
Средь чуждыхъ намъ Манчжуріи полей?
Не тѣ-ль, что флотъ топили и сдавали,
Позоря знамя родины своей?
Быть можетъ, тѣ—кто съ дерзостью слѣпою
Стрѣляли въ дѣтей и женщинъ, какъ въ мишень,
За то, что тѣ съ ликующей толпою
Шли, празднуя свободы первый день?!
Стихъ никогда мой не былъ фарисейскимъ,
Открыто шелъ онъ къ другу и къ врагу;
Опричникамъ, ворахъ и полицейскимъ
Хвалебныхъ одъ слагать я не могу!..

Полнѣй стаканы! Прочь всѣ оды!..
Идутъ на смѣну дни ночамъ...
Пою и пью я—въ честь свободы,
На страхъ—свободы палачамъ!..

Преступны тѣ, кто—слабыхъ угнетая—
Чины за то хватаютъ, ордена,—

Преступнѣй тотъ, кто—рабство прославляя—
Всѣхъ сталъ-бы звать отъ жизни къ царству сна!
Преступны тѣ, кто предлагаетъ камень
Голодному, а хлѣбъ себѣ беретъ;
Преступнѣй вдвое—кто погаситъ пламень,
Ведущій къ свѣту темный нашъ народъ!..
Измѣнники народа, казнокрады,
Поклонники нагайки и штыка,
Потомство васъ осудитъ безъ пощады,
Земля могила вамъ будетъ не легка;
Исторія—судья нелицемѣрный—
Произнесетъ надъ вами приговоръ,—
Онъ будетъ кратокъ: „Стыдъ вамъ безпримѣрный!
Позоръ вамъ, несмыаемый позоръ“!..

Полнѣй стаканы!.. Всѣ народы
Презрѣнъ чествуютъ рабовъ...
Пьемъ за расцвѣтъ родной Свободы,
За гибель тюремъ и оковъ!

Но, кажется, я впалъ въ тонъ Ювенала?
Опасный тонъ—но нашимъ временамъ!..
Полиція-бы насъ не услышала,—
Вѣдь довѣрять нельзя здѣсь и стѣнамъ:
Ой-ой, тонки порой онѣ бываютъ!..
Подслушаютъ, запишутъ все, войдутъ,
На мѣстѣ преступленія поймутъ
И—за Неву въ каретахъ повезутъ...
Не бойтесь! Нѣтъ... Я подшутилъ надъ вами,—
Нѣтъ мѣста въ тюрьмахъ... Гдѣ-жъ набраться имъ?..
Войдутъ сюда,—съестъ пригласимъ ихъ съ нами
И дѣляна ихъ всѣхъ перепоимъ...
Пусть входятъ, пусть!.. Свободою собраніи
Насъ подарилъ октябрь: разрѣшено
Тамъ избирать мѣста для застѣваній,
Гдѣ продаютъ казенное вино...

Полнѣй стаканы!.. Прочь невзгоды!..
Для вольной пѣсни—пѣть цѣпей...
Проклятье всѣмъ врагамъ Свободы,
Иудамъ родины своей!..

Евстипей Нагайкинъ.

ровъ, избиравшія себѣ въ утѣху мужчинъ, которыхъ называли божественными именами и изображеніе которыхъ носили на брошахъ.

Каждый день приносилъ извѣстіе о какомъ-нибудь новомъ чудѣ въ монастырѣ падре Джованни.

То, вдругъ, проносилось извѣстіе, что въ монастырѣ собственной своей персоной объявился съ того свѣта Св. Керулярій, то—открытіе, будто ночью, къ воротамъ монастыря подѣхала кучка синьоровъ, изъявившихъ желаніе покаяться въ кельяхъ благочестивыхъ джованнистокъ и въ трудѣ до пота лица проработать подъ крышей душе-спасительнаго учрежденія падре Джованни.

Самъ падре Джованни довольно часто навѣщалъ своихъ благочестивыхъ дѣвъ. Сопутствуемый двумя женщинами, онъ обходилъ келіи монашенокъ, спрашивая ихъ съ отеческой нѣжностью:

— Стараются, святые синьорины?

— Стараемся...—скромно отвѣтствовали тѣ.

Къ этому времени относится чудо, которое могло случиться съ самимъ падре Джованни и которое не случилось. Вы нѣсколько удивлены, дамы и кавалеры? Слушайте. Говорятъ, одинъ важный сановникъ по имени Victorio Ferens*) призвалъ къ себѣ въ стѣнахъ монастыря падре Джованни и сказалъ ему:

— Вы знаете меня хорошо, падре Джованни. Вы

знаете, съ какимъ стараніемъ я насаждаю благочестіе въ народѣ. Теперь этотъ глупый народъ что-то перестаетъ вѣрить въ чудеса монаховъ и иныхъ благочестивыхъ людей. Чтобы укрѣпить его въ стойкости вѣры и тѣмъ самымъ отвлечь его отъ участія въ политическихъ смутахъ, раздирающихъ страну, требуется событіе, чудо особенной важности.

— Но, ваша свѣтская эминенція, я, кажется, стараюсь... Мое послѣднее чудо со шляпой...

Важный сановникъ улыбнулся.

— Ну, знаете, padre Джованни, это чудо вышло нѣсколько... скоромнымъ... Я, признаться, ожидаю отъ васъ иной услуги.

— Приказывайте...—покорно отвѣтилъ Джованни.

— Умрите, padre Джованни!

— К...к...какъ?!—въ сильнѣйшемъ недоумѣніи и ужасѣ воскликнулъ благочестивый padre.

Холодный потъ ужаса прошибъ Джованни.

— Да, да, дорогой мой, именно умрите, — невозможно продолжалъ сановникъ.

— Но... но для чего-же... зачѣмъ?—лепеталъ Джованни.

— Я вамъ объясню. Когда вы умрете, то я ровно черезъ годъ объявлю всенародное торжество: открытіе вашихъ мощей. Это событіе отвлечетъ народъ отъ политическихъ глупостей... вы понимаете?..

— Но, ваша свѣтская эминенція... я очень польщенъ такимъ великодушнымъ вниманіемъ къ моей скромной особѣ, но я долженъ замѣтить, что открытіе мощей полагается черезъ сто лѣтъ!

— Э! махнулъ рукою сановникъ, — бываютъ времена, когда мы можемъ часъ считать за мѣсяць.

— Но есть еще одна помѣха... — скромно продолжалъ Джованни — Чтобы умереть — надо умереть.

— Гм... вы правы... — въ раздумьи prorонилъ сановникъ. — Жаль, очень жаль, что васъ нельзя ни повѣсить, ни разстрѣлять... Что дѣлать...

Огорченный сановникъ удалился отъ дѣлъ, а среди джованнистовъ и джованнистокъ настало ликование. Когда они узнали, какой смертельной опасности подвергся ихъ благочестивый учитель и какъ счастливо случайно онъ избѣгъ ея — сердца ихъ умилились и три дня подрядъ въ монастырѣ происходили чудеса, одно другого замѣчательнѣе. О нихъ я сейчасъ расскажу вамъ, дамы и кавалеры...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

*) Victorio Ferens — по русски — *вѣкторіо ференс*.



КУМАЧЪ

(сказка).

Утромъ только разсвѣло,
Всполонилось все село,
Взволновались мужички,
Мужички—не дурачки;
Судятъ эдакъ, судятъ такъ,
Лишь молчитъ Иванъ-дуракъ...
Вотъ напасти! Вотъ бѣда!
Мы не ждали никогда
Изъ столицы чтобы къ намъ
Ревизоръ былъ присланъ самъ!
Долетѣла, вишь ты, вѣсть—
Крамола межъ нами есть,
Онъ пріѣхалъ разобратъ
И крамольниковъ забратъ!
Въ удивленьи старички,
Мужички—не дурачки
Тужать, плачутъ надъ бѣдой
И качаютъ бородой...

Въ полдень въ хату на поклонъ
Все село сзываетъ онъ:
Непреклоненъ и могучъ
И грозитъ черныхъ тучъ...
Коль я вамъ не по нутру,
Все село съ земли сотру,
Мнѣ дана такая власть—
Удалось бы лишь напасть,
Кто по вашему селу
Смѣетъ сѣять крамолу...
Объявлю на первый разъ
Нижеписанный указъ:
На кроваво-красный цвѣтъ
Налагается запретъ:
И рубахи, и штаны—
Всѣ должны быть мнѣ сданы,—
Если-жъ красное смѣшу,
То найду, не спущу!



Почесались мужички.
Молодежь и старички;
Бабы воютъ—крикъ и плачъ:
Ихъ любимый цвѣтъ кумачъ...
Манифестъ намъ словно данъ!
Промычалъ дуракъ-Иванъ...

Это что-же? Бунтъ? Протестъ?
Я задамъ вамъ манифестъ!
Всю крамольную страну
Въ три погибели согну!
Размышленію для васъ
Дамъ всего я только часъ!

Испугались мужички,
Мужички—не дурачки:
Кто несетъ ему кафтанъ,
Кто рубаху, сарафанъ,
Кто кумачевый платокъ,
Нитокъ красныхъ кто мотокъ,
А испуганный дуракъ
Притащилъ ему пятакъ.

Въ воскресенье нашъ Иванъ,
Словно взялъ его дурманъ,
Нарядился въ красный цвѣтъ:
Дуракамъ запрета нѣтъ.
Ванькѣ дали тумака
И связали дурака;
Притащили на допросъ,
Задаютъ ему вопросъ:
Моль, сознательно иль нѣтъ
Онъ одѣлся въ красный цвѣтъ.
—„Ваше-ство, исправлюсь я,
„Отпустите лишь меня!
Ванькѣ дали тумака,
Отпустили дурака...

Въ воскресенье нашъ Иванъ
Кумачевый спилъ кафтанъ,
(На дворѣ стоялъ морозъ),
На кумачъ нашилъ полосъ
Синихъ, бѣлыхъ поперекъ
Симметрично, какъ лишь могъ...
Засмѣялись мужички,
Мужички—не дурачки...
—„Говорилъ, исправлюсь я!
„Ну, теперь возьми меня!
„Самъ ищу я по селу,
„Кто посѣялъ крамолу!“

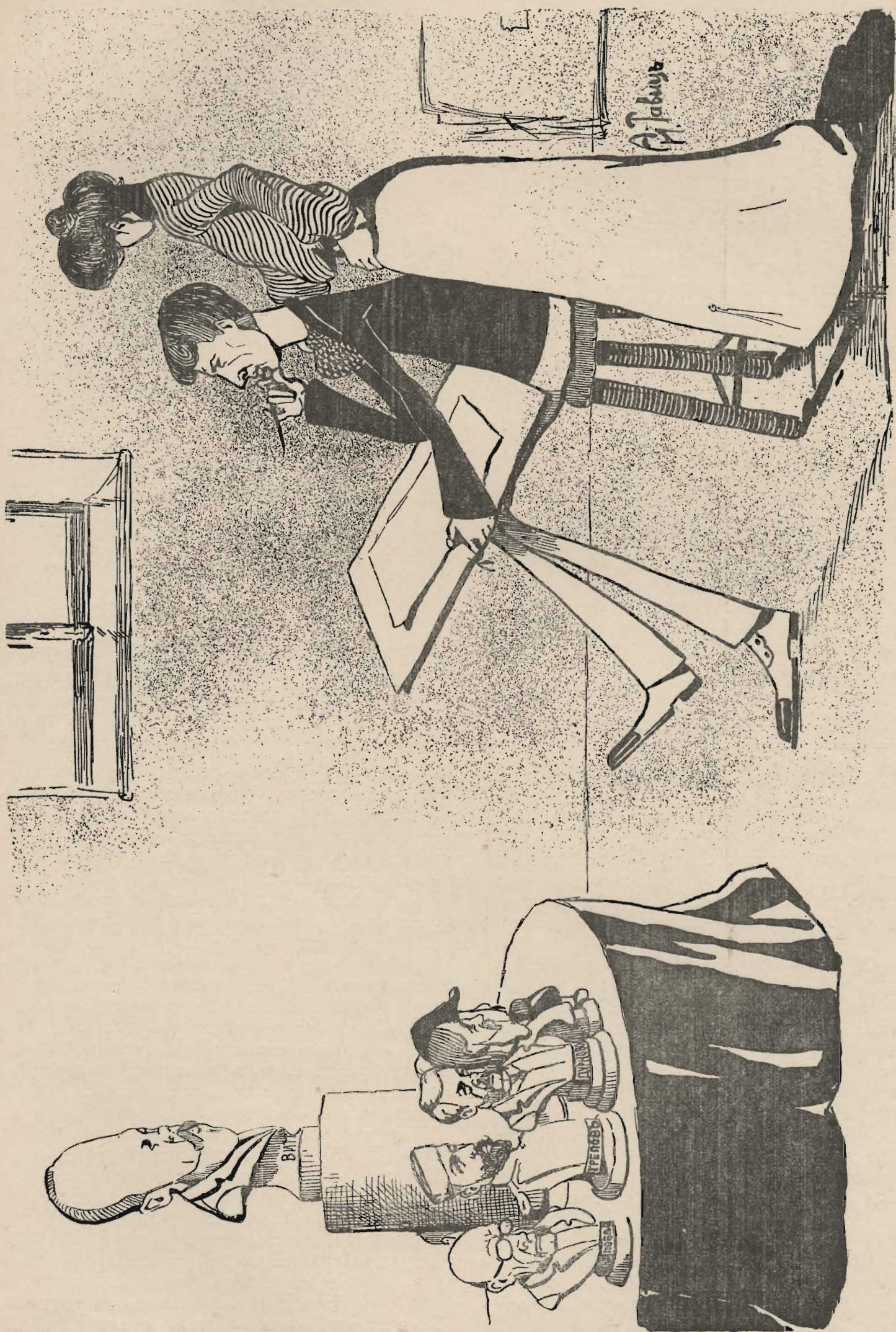
Ревизоръ подумалъ: „Тутъ
„Безъ меня ее найдутъ:
„Все народъ въ селѣ прямой,—
„Лучше ѣхать мнѣ домой,
„Предъ начальствомъ дать отвѣтъ,
„Какъ страну я спасъ отъ бѣды!“
И, усѣвшись въ тарантасъ,
Онъ уѣхалъ въ тотъ же часъ...



Не доѣхалъ онъ туда,—
Приключилась бѣда:
На него свалился дубъ,
Превративъ въ холодный трупъ...
Услыхали мужички,
Горевали старички:
—„Былъ правдивый человекъ!
„Не забыть его во вѣкъ!“

В. Трофимовъ.





ЖЕНА ХУДОЖНИКА (мужу). Неужели тебѣ еще не надоѣло рисовать эти фигурки?..

РЫЦАРЬ НАШИХЪ ДНЕЙ.

(Ода-баллада).

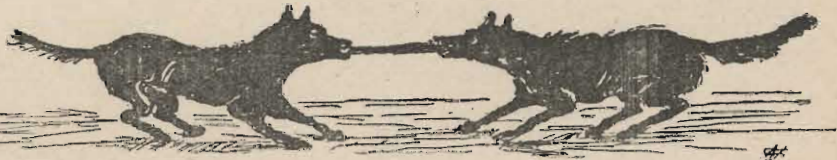
Ротмистръ фонъ-Сиверсъ! Тебя я пою,—
Славы ты Мина достоинъ;
Ты показалъ въ Прибалтійскомъ краю,
Что ты за доблестный воинъ!..
Взявши въ примѣръ голутвинскій разстрѣлъ,
Словно на дикихъ японцевъ,
Вмѣстѣ съ отрядомъ своимъ полетѣлъ
Ты на смиренныхъ эстонцевъ *).
Перновскій, Феллинскій взялъ ты уѣздъ,
Юрьевскій и Везенбергскій,—
Лихо себѣ зарабатывалъ крестъ
Въ битвѣ съ «крамолою дерзкой».
Сѣла-деревни ты самъ поджигалъ,
Въ дымѣ веселыхъ пожаровъ.
Каждому жителю ты разсыпалъ
По сту, по двѣсти ударовъ.
Розги и пули свистали, когда—
Вѣренъ великому дѣлу—
Ты присуждалъ безъ допроса-суда
Цѣлыя семьи къ разстрѣлу:
Женщины, дѣти,—разстрѣливалъ всѣхъ
(Кажется, даже и вѣшалъ!);
Славной побѣды блестящій успѣхъ
Душу геройскую тѣшилъ...
Кончилъ фонъ-Сиверсъ свой смѣлый наѣздъ,
Край усмирилъ изувѣрскій,—
Юрьевскій, Феллинскій взялъ онъ уѣздъ,
Перновскій и Везенбергскій.
Поняли всѣ въ Прибалтійскомъ краю,
Что онъ за доблестный воинъ...
Рыцарь фонъ-Сиверсъ! Тебя я пою..
Ты—славы Мина достоинъ!..

Фебуфисъ.

*) См. телеграмму изъ Юрьева въ 359 № „Слова“.

БОГАМЪ.

На усталыхъ
Пьедесталахъ
Вы еще сидите, боги...
Но какъ дики
Ваши лики
И тревожны, и убоги.
Въ сумракъ храма
Θиміама
Дымъ еще порою льется,
И лъниво,
Сиротливо
Пламень жертвенника вѣется.
Но, какъ птицы,
Вереницы
Черныхъ думъ надъ вами тихо
Собралися
И впилися
Въ грудь трепещущую лихо.
И часами
Предъ глазами
Поднимаются картины:
Вихрь летучій
Храмъ могучій
Обращаетъ весь въ руины.
Рухнетъ камень,
Гаснетъ пламень,
Разлетается безслѣдно,
И ликуетъ,
Торжествуетъ
Буря грозная побѣдно.
И забыты,
Мглою покрыты
Средь обломковъ ваши трупы,
Лишь порою
Предъ зарею
Вдругъ заплачетъ воронъ глупый.
И в и ч ѣ.



Первое засѣданіе Государственной Думы.

(Экстренный отчетъ хроникера).

(Продолженіе, см. № 1 «Заноза»).

Отвѣтъ хроникера своему французскому коллегѣ, что дебатировался вопросъ, куда лучше отправить депутатовъ послѣ засѣданія—въ участокъ или предварилку, нисколько не удивилъ того.

— Oh-là-là! — воскликнулъ корреспондентъ „Figaro“.—Я всегда доказывалъ, что ваша удивительная страна, le pays le plus remarquable du monde, создастъ нѣчто поразительное на почвѣ незыблемыхъ началъ полной гражданской свободы. Вы, русскіе, confrères, перещеголяли всю конституціонную Европу: тамъ депутаты дерутся въ самомъ засѣданіи, а у васъ депутатовъ дерутъ въ полиціи. Vive la Russie!

Хроникеръ (уже успѣвшій позавтракать). Миляга! другъ! (затягиваетъ марсельезу). Аллонъ занфанъ де ля патри...

Приставъ Государств. Думы (грудь совѣтъ ужъ колесомъ, видъ государственной важности). Господа, прекратите безобразіе. Я долженъ предупредить васъ, что пѣніе марсельезы запрещено.

Бочаговъ (икая). Двистительно! (входя въ азартъ). Ахъ, онъ прохвость: марсельезу пѣть? Такъ стой-же: я тебѣ на эту поганую пѣсню гимнъ устрою! (громовымъ голосомъ). Эй, братцы не выдавай! Кто въ Бога вѣруетъ—затягивай гимнъ!!

Гучковъ. Вѣрно! гимнъ, господа, гимнъ!

Въ залѣ Таврическаго дворца подымается нѣчто неопишное. Крикъ, гамъ, свистъ, топанье ногъ. Всѣ вскакиваютъ. Направо—трансъ, налево—паталогическій аффектъ. Направо кричатъ: „гимнъ! гимнъ!“! налево: „марсельезу! марсельезу!“!

Предсѣдатель (въ ужасѣ хватаясь за голову, звонитъ что есть силы). Господа, господа!! Вы хотите сорвать засѣданіе...

Приставъ Государств. Думы (отдастъ приказъ). Вводи попарно, повзводно, поэскадронно... Тьфу! все перепуталъ! Эй, городскихъ сюда! (судорожно хватается за звѣзду Льва и Солнца). Появляются городовые. Они, загадочно суровые, выстраиваются въ рядъ. За ихъ дюжими спинами юрко ютятся нѣсколько гороховыхъ пальто.

Шумъ достигаетъ своего апогея.

Общій ревъ. Гимнъ!! Марсельезу!!

Моментъ,—и дикие, ужасные звуки смѣшанныхъ мелодій („политическій диссонансъ“) оглашаютъ стѣны Таврическаго дворца.

Получается нѣчто весьма достопримѣчательное, приблизительно въ этакоемъ родѣ:

Боже... аллонъ занфанъ...

Царя храни... де ля патри...

Бочаговъ (уже не икая, а голоча отъ восторга). Ей-Богу, точь въ точь, какъ въ одномъ изъ моихъ трактировъ. Двистительно!

Скальковскій. Mes enfants, mes enfants...

Приставъ Государств. Думы. (укоризненно). Какъ, ваше превосходительство? и вы—марсельезу?!!

Скальковскій (кричитъ фистулой про-

Брызги и занозы

III.

Во всемъ онъ видитъ преступленья,
 Девизъ его: „Долой законъ!
 Усилить мѣры пресѣченья!..“
 Достойный жрецъ демиды онъ...
 Это агенты—прокуроры—
 Подъ-стать патроку своему
 Рычатъ, кругомъ вращая взоры:
 «Подъ стражу взять! Въ тюрьму, въ тюрьму!..»
 Спасется Русь—тюрьмой хракима,—
 Боготворитъ Акимовъ тьму;
 Но... про толстовскаго Акима
 Желанье вспомнить бы ему!..
 Министромъ не былъ тотъ, законовъ
 Родной страны не извращалъ;
 Но голосъ многихъ миллионовъ
 Онъ отъ него бы услышалъ,—
 Когда къ министру безъ доклада,
 Какъ самый близкій изъ коллегъ,
 Вошелъ-бы тотъ, сказавъ: «Же въкъ
 Жадъ Русью будутъ дни разлада!
 Плохая ждетъ тебя казнь...
 „Мае...по совѣсти бы кадо,
 Но божьи, милый человекъ!...“

Внукъ своего дѣда.

(Продолженіе слѣдуетъ)

зительный образъ). Mes enfants, ради Бога успокойтесь... зачѣмъ гимны, зачѣмъ марсельезы?.. Послушайте меня... я, знавшій сто сорокъ три министра и всегда доказывавшій *), что ничего глупѣе русскихъ министровъ не можетъ быть на свѣтѣ, я предлагаю лучше спѣть самую невинную пѣсенку—шансонетку.

Общій ревъ: „Къ черту шансонетку! Гимны! Марсельезу! Дубинушку! Нагаечку!“

Скальковскій (визжитъ). Да вы послушайте... ah, saparperlote, о это варвары! (Подымаетъ слегка свои панталоны жестомъ балерины, управляющей свои юбочки, начинаетъ канканировать и визжать—напѣвать голосомъ балетно-нифтяного тайнаго совѣтника).

Мой милый другъ, Коко,
 Тебя я обожаю...
 Я пью всегда Клико
 Когда съ тобой бываю...

Послѣ этой выходки, чисто провокаторской, балетно-нефтянаго депутата шумъ и волненіе мало-по-малу утихаютъ.

Приставъ (городовымъ). По-взводно, по-эскадронно... тѣфу! опять сбился! ну?! вонъ!!

Городовые въ полномъ порядкѣ покидаютъ залъ засѣданія російскаго парламента.

Предсѣдатель. Господа, приступимъ! На очереди вопросъ—объ амнистіи и законѣ о политическихъ преступникахъ. Фискально полицейскій билль.

Приставъ настораживается...

(Продолженіе слѣдуетъ)

*) См. „Новое Время“.

Интервью съ министрами.

Для пополненія портфеля редакціи „Занозы“ занозами я предпринялъ довольно рискованную въ смыслѣ достиженія цѣли и для неприкосновенности личности опасную экскурсію по министерскимъ кабинетамъ. Смѣлому все удается—и я не только вернулся въ редакцію цѣль и невредимъ, но даже привезъ богатую коллекцію занозъ. По тщательномъ ознакомленіи съ ними, редакція съ благодарностью возвращаетъ ихъ обратно тѣмъ высокопоставленнымъ лицамъ, которыя представили столь любезно въ наше распоряженіе эти занозы.

Доплывъ по Фонтанкѣ до министерства всякихъ дѣлъ, я бросилъ якорь. Высадка тутъ оказалась весьма затруднительной, но въ концѣ концовъ состоялась довольно благополучно при помощи лодочниковъ, носящихъ почему-то полицейско-жандармскую форму. Я остановился въ кабинетѣ министра.

— Ваше высокопревосходительство, какая, главнымъ образомъ, забота руководить вами, какъ полномочнымъ министромъ, въ настоящее время?

— Ага, какъ полномочнымъ министромъ „въ настоящее время“—понимаю! Это значитъ, вы совершенно игнорируете мою прошлую дѣятельность. Напрасно! Она очень плодотворна и важна. Даже прежде боялись моего вліянія и приказали убрать меня въ 24 часа. Или стоило мнѣ заговорить съ глупѣйшимъ и ничтожнѣйшимъ изъ дворянъ Стаховичемъ о такомъ, извините за выраженіе, скотскомъ продуктѣ, какъ овесъ—и вся Россія, нѣтъ вся Европа заговорила объ овсѣ. Вотъ каково мое вниманіе! Но Аллахъ съ вами. Вы интересуетесь мной только какъ полномочнымъ министромъ. Какая руководить мной въ настоящее время забота? Одна, скажу вамъ, одна забота. Это о тюрьмахъ. За послѣдній годъ обывателей нашего обширнаго отечества обуяло какое то неслыханное безуміе—лѣзутъ въ петли, лѣзутъ подъ жерла пушекъ и пулеметовъ и гибнутъ тысячами. А потому я всѣхъ лучшихъ обывателей прячу въ тюрьмы, чтобъ сохранить имъ жизнь. Повѣрьте, что за послѣдніе два только мѣсяца я такимъ образомъ спасъ десятки тысячъ обывателей. Не обращаю вниманія ни на рангъ, ни на общественное положеніе обывателя—если только онъ не глупъ сажаю его въ тюрьму для его безопасности. Профессора, телеграфисты, желѣзнодорожные служащіе, крестьяне, литераторы,—о всѣхъ я забочусь. Вѣдь отечество въ нихъ нуждается. Ну, а что касается остального безумнаго народа, такъ пускай его гибнетъ. Отъ его гибели отечеству бѣды не будетъ. Наоборотъ, тише заживемъ.

Но такъ какъ мнѣ хочется спасти отъ пушечныхъ выстрѣловъ еще нѣсколько сотъ тысячъ обывателей, а тюремъ свободныхъ нѣтъ, то моя главная забота направлена къ тому, чтобъ явились тюрьмы. Строить новыхъ нельзя, а потому мной вырабатывается грандіозный проектъ о передачѣ тюремному вѣдомству всѣхъ зданій высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Надѣюсь, что проектъ мой препятствій ни откуда не встрѣтитъ.

— Вамъ все ясно?..

— Ясно, какъ Божій день, ваше высокопревосходительство.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Илюша.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Агентства „Дмитро Гудзь“.

КИЕВЪ. Мѣстная партія правоваго порядка привлекаетъ къ отвѣтственности конституціонно-демократическую партію за плагиатъ, выразившійся въ перепечаткѣ программы.

Редакторъ-издатель „Киевлянина“ г-нъ Пихно категорически утверждаетъ, что не имѣлъ и не имѣетъ ни малѣйшаго желанія сходить съ ума, въ виду остраго политическаго состоянія Россіи, нуждающейся въ умныхъ людяхъ.

ВАРШАВА. По слухамъ, ген. Скалонъ неодобрительно отзывался о мѣстныхъ крайнихъ партіяхъ.

Бывшій ректоръ университета единогласно постановилъ бойкотировать всѣхъ студентовъ.

ТУЛА. Арестованъ старшій дворникъ Дмитрій Федоровъ, сообщившій въ публичномъ мѣстѣ своей знакомой о непреклонномъ своемъ рѣшеніи выпустить сатирическій журналъ „Заноза“.

ГОМЕЛЬ. Введена конституція. Убѣски еще не выяснены. Евреи и демократы продолжаютъ скрываться въ погребѣхъ.



Отъ редакціи.

Нумера „Занозы“ въ оптовой продажѣ высылаются наложеннымъ платежемъ лишь по полученіи задаточной суммы въ размѣръ половинной стоимости заказа.

Пробный № высылается за двѣ 7-ми копѣеч. марки.

Рукописи, не принятыя къ печати, не возвращаются. Редакторъ принимаетъ ежедневно, за исключеніемъ праздничныхъ дней, отъ 2½ до 4½ ч. д.

Нахоракма (въ каррикатурахъ) Русско-Японской войны
начнется съ № 3.

— Следующія новеллы будутъ съ иллюстраціями. —

Редакторъ Р. Л. Антроповъ.

Двѣ новыхъ книги Аполлона Коринфскаго только что вышли изъ печати и поступили во всѣ книжные магазины.

1) ВЪ ЛУЧАХЪ МЕЧТЫ нов. стих. 1898—1905 гг.

I. Въ лучахъ мечты. — II. Думы жизни. — III. На груди природы. — IV. Бывальщины (22 нов. сказ.) — V. Отголоски (на совр. темы). — VI. Славянскіе напѣвы. — VII. Пѣсни Арменіи. — VIII. Изъ иностранн. поэтовъ. Изящно изданная томъ, болѣе 30 печатныхъ листовъ (800 страницъ), отпечатанный на лучшей глазированной бумагѣ большого формата, съ приложеніемъ (на отдѣльномъ листѣ меловой бумагѣ) портрета автора.

ЦѢНА 2 РУБЛЯ.

2) ПѢСНИ БАУМБАХА. Стихотворенія знаменитаго нѣмецкаго поэта Рудольфа Баумбаха въ переводѣ А. А. Коринфскаго.

I. „Съ проѣзжей дороги“ („Von der Landstrasse“) — II. „Пѣсни странствующаго подмастерья“ („Lieder eines fahrenden Gesellen“) Изящно изданная книга въ 12 печат. листовъ (192 стр.), съ биографіей и двумя портретами и факсимиле Баумбаха († 21 сент. 1905 г.).

ЦѢНА ОДИНЪ РУБЛЬ.

Обращающіеся въ редакцію „Занозы“ пользуются 10% скидки.

Издатель С. Д. Новиковъ.



Сенаторы и „варвары“ (изъ истории Рима).

Памяти друга.

Онъ былъ поэтъ, поэтъ—отъ головы до ногъ,
Вся жизнь его была прекрасная поэма;
Но всю прочесть ее намъ не позволилъ рокъ,—
Не по-сердцу прилась ему такая тема!
Роль злою цензора онъ принялъ на себя
И вычеркнулъ ее—въ расцвѣтъ лѣтъ—съ-размаха,
Не испыталъ при томъ онъ ни стыда, ни страха,
Красу поэзии безжалостно губя!
Поэтъ—онъ пѣлъ и жилъ, какъ призванный пророкъ
Любви и красоты, и мощныхъ силъ свободы...
Два года—нѣтъ его... Но минутъ годы, годы—
Все будетъ свяжъ его поэзии вѣнокъ!..

А. М. Горький

С. А. Сафоновъ.

(Серг. Печоринъ).

5-го февраля, ровно два года тому назадъ, скончался великолѣпный поэтъ, истый наслѣдникъ Пушкина, Сергѣй Александровичъ Сафоновъ, олицетворяющій въ себѣ и превосходнаго сатирика—юмориста „Сергѣя Печорина“.

Память его должна быть дорога всѣмъ, кому доступны чистая поэзія и высоко-благородный юморъ.

Ахъ, если-бы не этотъ проклятый рокъ, тяготѣющій надъ русскими избранниками небесъ, рокъ, вырвавшій изъ нашей среды этого благороднѣйшаго человѣка, какими-бы дивными произведеніями подарилъ онъ „Занозу“!

Я помѣщаю въ этотъ скорбный для русской литературы день смерти Сафонова его портретъ. Онъ дорогъ не мнѣ одному, но, думаю, многимъ и многимъ...

Р. Андреевичъ



Жиздакхья ховеллы Ъоккачио.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями Романа Доброго.

5. О разныхъ новыхъ чудесахъ въ женскомъ монастырѣ, основанномъ padre Джованни.

...Королева и всѣ придворные съ нетерпѣніемъ ожидали продолженія разсказа о чудесахъ въ знаменитомъ монастырѣ padre Джованни.

— Продолжайте!—отдала приказъ королева.

— Слушайте, ваше величество, дамы и кавалеры. Однажды, настоятельница этого богоугоднаго заведенія, сестра Марія, женщина пріятная и сравнительно далеко не старая, проходила по длинному корридору, по обѣимъ сторонамъ котораго были расположены келіи благочестивыхъ дѣвъ—монашенокъ. Вдругъ до ея слуха донеслись изъ одной келіи подавленный смѣхъ, таинственный шопотъ, тихіе возгласы и даже—о чудо!—звуки поцѣлуевъ.

Это поразило несказанно достопочтенную настоятельницу.

Она быстро подошла къ закрытой двери и трижды постучала въ нее со словами:

— Во имя св. Бонифація, св. Керулярія и св. padre Джованни откройте дверь, сестра!

Въ келіи послышался испуганный возгласъ. Прошло нѣсколько минутъ. Дверь келіи все еще не отворялась.

— Откройте-же дверь, сестра!!—закричала взволнованная настоятельница.

Наконецъ дверь открылась.



Достопочтенная мать Марія быстро вошла въ келію, съ жадностью охватывая глазами ея внутренность. Передъ ней стояла почти раздѣтая, въ одной рубашкѣ, смущенная, взволнованная, очень красивая сестра Епистимія. Волосы ея были распущены, полуобнаженная грудь порывисто подымалась. Сзади нея виднѣлась огромная фигура, одѣтая въ костюмъ монахини. Лица таинственной фигуры не было видно: оно было наполовину закрыто чернымъ покрываломъ отъ клобука. Полы рясы монахини едва доставали до колѣнъ ея. Огромныя ноги въ высокихъ сапогахъ смѣшно выглядывали изъ подъ юбки—сутаны.

— Кто это? съ кѣмъ вы здѣсь находитесь, моя воз-

Веселый карнавалъ.

(Изъ современныхъ пѣсенъ не-Беранже).



НА пришла—веселая недѣля,
Нашъ добрый старый русскій карнавалъ,—
Хоть не успѣлъ опомниться отъ хмѣля
Родной народъ, споенный наповалъ...
Тяжелъ былъ хмѣль, не легче и похмѣлье—
Подъ пушекъ громъ и пуль зловѣщій свистъ,
При заревѣ пожаровъ... Но веселье
Не умерло для тѣхъ—кто правъ и чистъ...
Работаютъ еще и пулемѣты,
Взвиваются казацкіе кнуты;
Сверхъ-патріотамъ мало-ли работы
Средь логовищъ рабочей нищеты...
Но мнѣ до нихъ какое дѣло!
Какъ всѣ „отчества сыны“—
Смотрѣть на жизнь могу я смѣло,
Меня ждетъ хмѣль недѣли цѣлой,
Попойки, тройки и блины!..

Стоитъ надъ Русью призракъ смертной казни,
Грозитъ онъ сотнямъ близкихъ намъ людей,—
Но передъ нимъ пою я безъ боязни:
На баррикадахъ не былъ я—ей-ей!..
Союзы наши рьяно протестуютъ,
Взывая къ тѣмъ—въ рукахъ чьихъ мощь и власть;
Весельчаки-жъ, какъ я, и въ усь не дуютъ:
Возможность есть—повеселиться в-сласть!..
Пусть подписи собираютъ Донъ-Кихоты,
Заступниковъ пусть къ намъ въ столицу шлютъ,—
Съ меня довольно и своей заботы:
Меню составить—развѣ малый трудъ?..
Я—врагъ протестовъ, врагъ протестовъ,
Другъ нашей доброй старины..
Что мнѣ за дѣло до арестовъ,
До искаженныхъ манифестовъ,
Когда на свѣтѣ есть блины!..

Свободой бредить мнѣ совсѣмъ не ново...
Пусть партіи всѣхъ видовъ бьютъ въ набатъ:
„Объединяйтесь!.. Зданіе готово
Для русской Думы!.. Выборы спѣшаты!..
Внѣ партій—я, мнѣ всѣ равно—кого тамъ
Въ санъ депутатовъ облечетъ народъ,
Кто будетъ крѣпкимъ родины оплотомъ,
Кто—можетъ быть—въ конецъ еѣ добьетъ...

До Думы-ль мнѣ—въ разгарѣ карнавала?

Что избирать мнѣ, если избранъ самъ

Я осушать дно рюмки и бокала—

Во славу благосклоннымъ небесамъ!..

Я не педачѣ съ душонкой узкой!

Какъ вѣрный сынъ своей страны—

Воздамъ честь масляницѣ русской!

Вѣдь къ зелено-вину закуской

Мнѣ будутъ русскіе блины!..

Что день—несутъ газеты вѣсти злая:

Царь-Голодъ сталъ по деревнямъ блуждать—

То здѣсь, то тамъ... Намъ голодъ—не впервые,

Мужикъ нашъ русскій любитъ голодать!..

Отвыкъ и жить онъ въ сытости-отрадѣ,—

Покрѣпче перетянетъ лишь животь,

Пѣснь запоетъ: „Подайте Христа-ради!“

И по-міру съ котомкою поидетъ...

Не подадутъ,—есть лѣсъ, въ лѣсу—осина;

Снять поясъ долго-ль? Глядь—и въ петлѣ онъ

Качается... Знакомая картина!

Кормильцевъ нашихъ намъ привыченъ стонъ!..

Стонать не стану я—повѣрьте!

Вѣдь рестораны всѣ полны...

Свой пылъ, печальники, умѣрьте!

Я не боюсь голодной смерти,

На свѣтѣ есть еще блины!..

Икорки взять, да сѣмучки; про масло

И про сметану—что и говорить?—

Они нужны безспорно, чтобъ не гасло

Въ душѣ сознанье, что не только пить

Мы собрались, а ради тризны блинной

По всѣмъ допившимъ жизненный бокалъ...

Бесѣдою разумною и чинной

Мы встрѣтимъ нашъ кровавый карнавалъ...

Блинковъ съѣдимъ, „по рюмочкѣ пройдемся“—

Какъ говоритъ покойникъ Беранже...

Еще блинковъ... За ними—не напьемся,

А будемъ такъ, въ приличномъ куражѣ...

Я—карнаваловъ чуть не сорокъ,

Успѣлъ прожить... Дни жизни—сны!..

Но каждый день теперь мнѣ дорогъ...

Объединяйтесь, другъ и врагъ!

Засядемъ дружно за блины!..

Евстипей Нагайкинъ.

любленная сестра во св. Джованни? строго обратилась къ монашенкѣ настоятельница.

— Это... это...—въ волненіи и смущеніи начала сестра Епистимія...—это—одна монашенка, знакомая моя, изъ другого монастыря...

— Но развѣ вамъ неизвѣстно, что монахинямъ нашего ордена запрещается ночевать вмѣстѣ не только съ посторонними мужчинами, но даже и съ посторонними женщинами?—еще строже продолжала благочестивая настоятельница.

Потомъ она обратилась къ таинственной незнакомкѣ:

— Кто ты и откуда ты?..

— Изъ пятого своднаго баталіона пизанскихъ стрѣлковъ!—громовымъ, басовымъ голосомъ отвѣтствовала таинственная фигура.

— Однако... и голосокъ у тебя... совсѣмъ не женскій... Да и фигура тоже... слишкомъ большая и здоровая...—насмѣшливо, но и съ лаской въ голосѣ проговорила настоятельница.

— Насчетъ величины и здоровья—могу похвастаться!—задно отвѣтила таинственная фигура.

— Но какъ-же ты, сестра, попала въ пятый сводный баталіонъ пизанскихъ стрѣлковъ?—еще насмѣшливѣе и еще ласковѣе продолжала настоятельница...—Зачѣмъ? съ какой цѣлью?

— Для сбора пожертвованій... для проповѣдыванія слова Божія...—быстро, поспѣшно отвѣтила за „незнакомку“ красивая сестра Епистимія.

— Ахъ, вотъ что... Ну, что-жъ, пойдѣмъ теперь ко мнѣ, сестра, я хочу побесѣдовать съ тобой, узнать уставъ вашего монастыря...—обратилась къ гигантской фигурѣ монахини достопочтенная настоятельница.

— Съ превеликимъ удовольствіемъ!—пробасила „мо-

нахиня.“—Меня хватить на объясненія нашихъ уставовъ не только съ одной сестрой, но хоть съ десятью.

Тутъ вмѣшалась сестра Епистимія.

— О, мать настоятельница, не уводи отъ меня мою знакомую сестру!—умоляюще обратилась она къ настоятельницѣ.—Я не успѣла еще кончить... нашей бесѣды.

— Я кончу за тебя, моя возлюбленная сестра во св. Джованни!—ликующе и торжествующе проронила сестра Марія.—Идемъ!—отдала она приказъ пришедшей „сестрѣ“.

И пришедшая „сестра“, выправивъ свой могучій станъ, громко стуча и звеня высокими сапогами, покорно послѣдовала за строгой настоятельницей.

Когда они вышли изъ келіи, невообразимое бѣшенство овладѣло красивой Епистиміей. Какъ-то, что она заполучила съ такимъ трудомъ, спокойнымъ образомъ вырываютъ изъ ея рукъ? Она добровольно должна лишиться удовольствія въ теченіи всего остатка ночи?

Въ злобѣ, негодованіи бѣгала она по своей келіи.

— Погоди-жъ ты!.. Я отомщу тебѣ!.. Я выведу тебя на чистую воду!.. Я покажу тебѣ, какъ мѣшать чужимъ изліяніямъ накопившихся монашескихъ чувствъ!..

И лишь только разсвѣло, еще за часъ до ранней утренней мессы, *) сестра Епистимія побѣжала по всѣмъ келіямъ сестеръ-джованнистокъ.

— Мои возлюбленные сестры!—взволнованно заявляла она имъ,—хотите узрѣть новое поразительное чудо въ нашемъ монастырѣ?

— О, конечно! хотимъ! хотимъ!—восторженно заявляли благочестивыя дѣвы.

— А вы исполните для этого то, что я вамъ прикажу?

*) Ранняя утренняя месса соответствуетъ нашей заутрени.



Ночныя тѣни.

— Исполнимъ, сестра, исполнимъ!

— Ну такъ слушайте: сейчасъ мы должны собраться въ полномъ составѣ у дверей келіи нашей глубоочтимой настоятельницы, и всѣ, въ одинъ голосъ, громко закричать: „пожаръ! пожаръ! весь монастырь въ огнѣ! спасайтесь!“

— Но для чего-же это надо дѣлать, клянемся шляпой padre Джованни!—воскликнули благочестивыя дѣвы.



— А это вы сейчасъ узнаете!—съ загадочной усмѣшкой проговорила обиженная и оскорбленная въ лучшихъ своихъ чувствахъ сестра Епистимія.

И вотъ, процессія благочестивыхъ дѣвъ—въ стройномъ порядкѣ—направилась къ келіи матери настоятельницы.

Мигъ, дамы и кавалеры,—и... пронзительный крикъ, вопль цѣльныхъ дѣвъ потрясъ стѣны обители:

— Пожаръ! пожаръ! весь монастырь въ огнѣ!! спасайтесь!!

И лишь только эхо длиннаго монастырскаго корридора успѣло повторить этотъ страшный крикъ, какъ сейчасъ-же дверь келіи настоятельницы съ трескомъ распахнулась и изъ келіи опрометью выскочилъ огромный мужчина, почти обнаженный. На немъ лишь была солдатская фуфайка... За нимъ, въ смертельномъ страхѣ, неслась мать настоятельница, тоже въ весьма легкомысленномъ костюмѣ.

— Гдѣ горитъ? гдѣ горитъ?..—лепетала она.

— Штаны мои! Гдѣ штаны мои?!—ревѣлъ басомъ пизанскій стрѣлокъ.

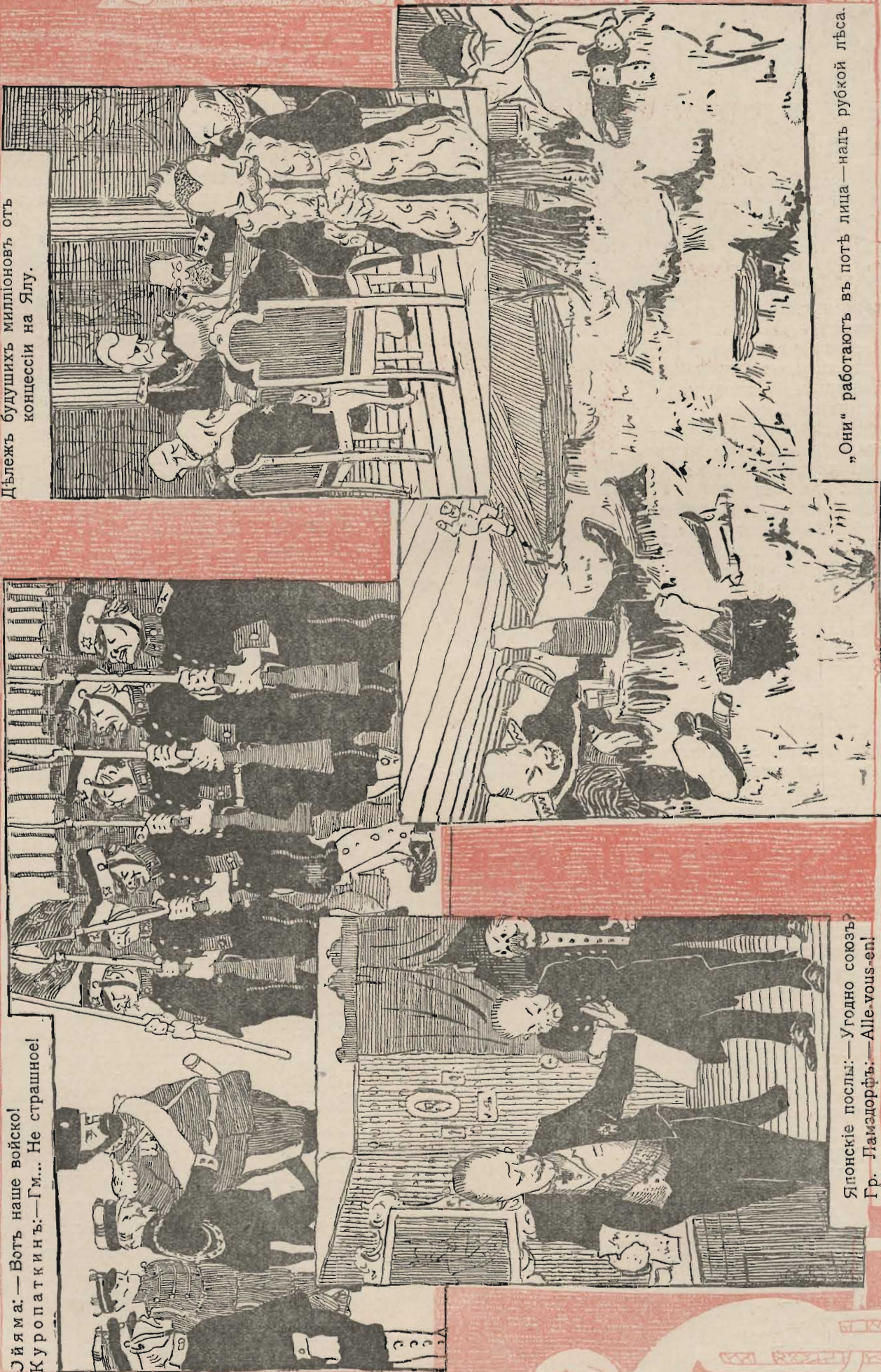
— Вотъ вамъ обѣщанное чудо, мои возлюбленныя сестры!—торжествующе—злорадно кричала отомщенная сестра Епистимія.

...„Бумъ... бумъ... бумъ“... раздался звонъ колокола. Наступалъ часъ ранней утрени въ мессы.

Когда извѣстіе о происшествіи въ монастырѣ дошло до свѣдѣнія padre Джованни, онъ положилъ такую резолюцію: „довести до всенароднаго свѣдѣнія, что въ келіи настоятельницы монастыря Джованнистокъ, въ такой-то день, явилась благодать. Сей благочестивой женщинѣ явился во плоти самъ св. Керулярій и, послѣ того, какъ утѣшилъ ее, предсталъ предъ всѣми дѣвами обители во всемъ своемъ большомъ величіи“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Уйяма: — Вотъ наше войско!
Куропаткинъ: — Гм... Не страшное!



Дѣлежъ будущихъ миллионныхъ отъ
концессіи на Ялу.

Японскіе послы: — Угодно союзъ?
Гр. Ламздорфъ: — Alle vous-en!

„Они“ работаютъ въ потъ лица — надъ рубкой лѣса.



Лѣсна узниковъ.

Въ подземельи, въ подземельи
Мы не знали о весельи
Зачарованнаго утра

Пламенѣющихъ цвѣтовъ;
И, великой полонъ жажды,
Былъ изъ насъ, безумцевъ, каждый,—
Чтобъ увидѣть солнце лѣта,—
Жизнь отдать свою готовъ.

Гулъ слышавъ, брови хмуря,
Мы гадали: это буря
Ночью къ призрачнымъ утесамъ,
Свирѣпѣя, гонить валъ?
Рухнулъ лѣсъ надъ моремъ? или
Землю тучи напоили,
И потомъ крылатый вѣтеръ

Въ тучахъ молніи сковаль?
Въ подземельи, въ подземельи
Мы не знали о весельи,
И, покинутые, хоромъ

Проклинали темноту;
Мы цвѣтовъ хотѣли алыхъ:
Свѣтъ полудня заливалъ ихъ!
Мы хотѣли звѣздъ лучистыхъ
И лелѣяли мечту...

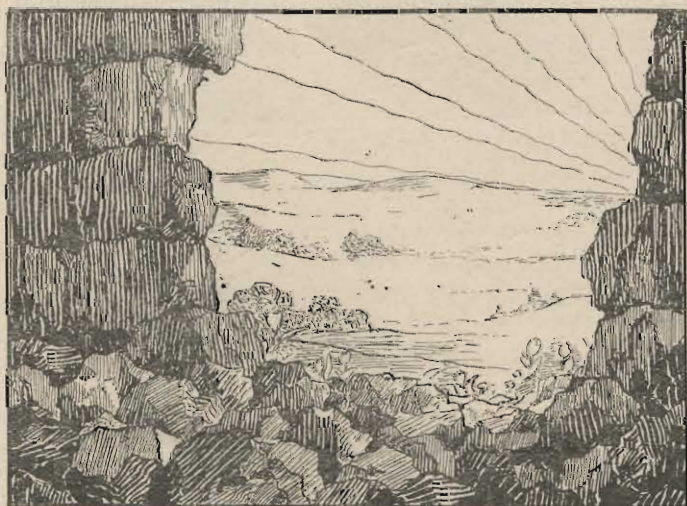
Но сокрылись навсегда-ли
Отъ угрюмыхъ взоровъ дали
И во вѣкъ-ли не увидимъ

Солнца радужныхъ лучей?
Не увидимъ, какъ бездонна
Въ нихъ прозрачность небосклона,
Какъ, рубинами бряцаая,

Блещетъ, искрится ручей?—
Долго мы рабами были,
Но въ дыму тяжелой пыли
Не забыли, не забыли,

Какъ свобода хороша!
Долго мы во тьмѣ неволи
Камни тяжкіе кололи:—
Лучшей доли, лучшей доли
Алчетъ гнѣвная душа!—

Близокъ часъ освобожденья!
Звучный молотъ возрожденья,
Грохоча, разрушить бодро
Холодѣющій гранитъ...



Отзвучала грусть былая
И, надеждою пылая,
Обольстительную грезу
Сердце чуткое хранить:
О, настанутъ дни веселья!
Изъ глухого подземелья,
Какъ орлы—со дна ущелья,

Мы уйдемъ счастливцевъ рать;
О неволѣ позабудемъ,
Кровь застывшую—разбудимъ
И съ полей росистыхъ будемъ
Розы пышныя собирать!

М. П.

Послѣднія извѣстія.

1) О переименованіи портовъ Севастополя и Кронштадта, въ виду происшедшихъ въ нихъ событій: перваго—въ Портъ смуть, второго—въ Юганштадтъ. По слухамъ, кандидаты въ Государственную Думу одобрительно относятся къ этому проекту.

2) О воспрещеніи воронамъ мѣстопробыванія въ Россійской имперіи, въ виду стремленія жителей оной къ произнесенію въ присутствіи администраціи названія „воронъ“ по слогамъ „вор—онъ“, что несомнѣнно вредно отражается на состояніи духа властей.

Гудзь.

Тревога патріота.

Мнѣ казалось—новой эры
Воцарились дни вездѣ:
Успокоились эс-эры,
Успокоились эс-де.
Думалъ я—дыханьемъ разныхъ
Положеній и охранъ—
Покушеній безобразныхъ
Въ мигъ разсѣялся туманъ.
Полонъ радости безмѣрной,
Я повѣрить былъ готовъ,
Что энергіей примѣрной
Нашихъ доблестныхъ полковъ
Подъ начальствомъ лейтенантовъ,
Подпоручиковъ лихихъ
И корнетовъ—адъютантовъ,
И ротмистровъ грозowychъ—
Агитаторы повсюду
За безумье темныхъ дѣлъ
Превратились тихо въ груду
Непробудныхъ мертвыхъ тѣлъ.
И отнынѣ всѣмъ достойнымъ,
Всѣмъ отечества сынамъ
Наслаждаться сномъ спокойнымъ,
Предаваться милымъ снамъ...
Вдругъ, подобно злой кометѣ,
Вѣсть ужасная летитъ—
Въ адмиральскомъ кабинетѣ
Весь въ крови Чухнинъ лежитъ.
Адмиралъ Чухнинъ, который
Севастополь покорилъ
И надъ врагомъ судъ скорый,
Судъ примѣрный совершилъ.
Нѣчто дикое случилось—
Это есть бѣда изъ бѣдъ—
И отечество лишилось
Славы доблестныхъ побѣдъ.
Да, проснулись эс-эры!
Снова стали на пути,
Никакія, видно, мѣры
Ихъ не въ силахъ извести.
И дрожа тревогой злобой,
Проливаю море слезъ—
Какъ бы вѣсточкой подобной
Изъ Москвы не донеслось.

Ивичъ.

Персидская конституція.

(Изъ газетныхъ мотивовъ.)

Отряси прахъ гаремныхъ шашней,
Внемля народу своему,
Персидскій шахъ—«чудакъ всегдашній» *)
И путешественникъ къ тому—
Плѣненный Эйфелевой башней,
Далъ конституцію ему.

Что всѣ Зорабы и Рустемы **)!
Премудрый Музафферъ-Эддинъ
Всѣ политическія темы
Геройски разрѣшилъ одинъ:
Купцы и мирзы, и улемы
Иранъ поднимутъ изъ руинъ...

Избранникамъ всего Ирана—
Повелѣно имъ засѣдать
Въ «Дворцѣ Совѣта» непрестанно,
Судить и думать, и гадать:
Для процвѣтанья Тегерана
Гдѣ денегъ взять, гдѣ денегъ взять?!.
Газетамъ вѣрить я не смѣю
(Блаженъ кто вѣритъ въ ихъ молву!),
Самъ догадаться-жъ не съумѣю—
Сонъ ихъ все то, иль на-яву;
Но отъ души теперь жалѣю,
Что я не въ Персіи живу!..

Вѣдь въ октябрѣ пообѣщали
Намъ конституцію; она-жъ
И въ февралѣ (къ моей печали)—
Одинъ обманчивый миражъ...
Съ народа-жъ за нее сорвали
Кровавый Шейлока куртажъ!..

Кто тормозитъ—судить мнѣ рано,
Лбомъ не пробить гранитъ скалы!
Но повелителю Ирана
Лишь поперечь кто—„тѣнь Аллы“
Всѣхъ,—будь то визири Дивана,—***)
Сѣсть пригласилъ бы на колы!..

Фебуфисъ.

*) Эпитетъ заимствованъ изъ стих. покойнаго сенатора Барыкова, бывшаго не только дѣйств. тайн. совѣтникомъ, но и дѣйств. тайнымъ юмористомъ.

**) Герои знаменитой Иранской эпопеи—«Шахъ-Наме».

***) Диванъ—высшее государств. учрежденіе, въ-родѣ Государственнаго Совѣта.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Агентства „Дмитро Гудзь“.

ОДЕССА. Выяснилась дѣйствительная причина конфискаціи юмористическихъ изданій ген. Карангозовымъ. Оказывается, что это распоряженіе вызвано опасеніемъ конкуренціи сатирическихъ журналовъ съ его циркулярами, имѣющими несомнѣнную цѣль развлекать гражданъ административнымъ юморомъ.

ХАРЬКОВЪ. Жандармское управленіе и не думало объявлять забастовку, такъ какъ послѣдняя, какъ увѣряютъ, не входитъ въ тактическую часть программы Управленія.

ГОМЕЛЬ. Задержанъ преступный агитаторъ, утверждавшій на Базарной площади, что манифестъ 17 октября относится и къ евреямъ.

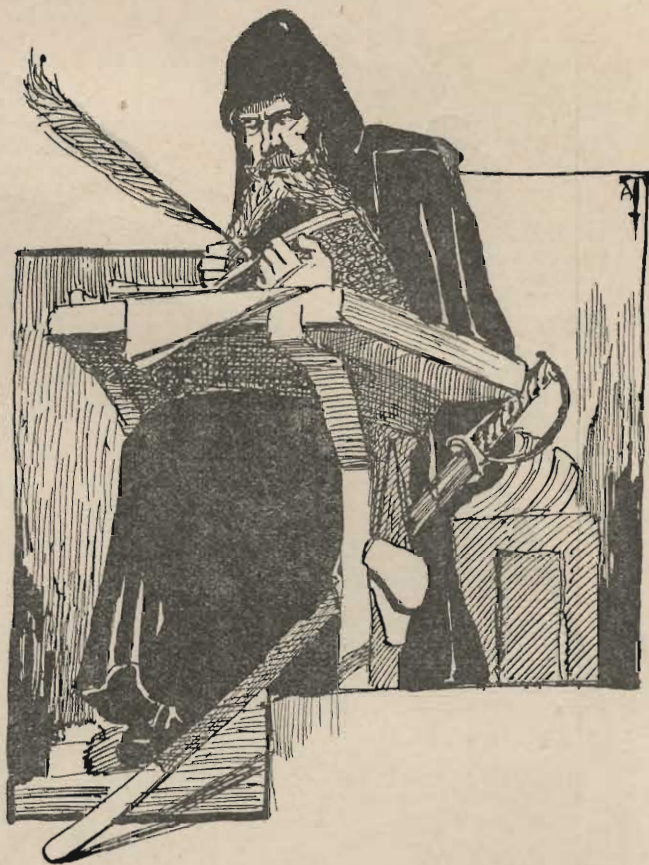
КИЕВЪ. Дума постановила учредить конкурсъ на соисканіе преміи за высшую догадливость. Тема: догадаться, куда дѣвались городскія деньги, если гор. голова Проценко недавно пріѣхалъ изъ-за границы.

БАКУ. Персы толпами уѣзжаютъ на родину, заявляя, что теперь у нихъ тоже объявленъ манифестъ, и слѣдовательно дома „работа“ тоже найдется. Въ виду массоваго отъѣзда ихъ, замѣчается удрученное состояніе партіи истинно-русскихъ людей, лишающейся наиболѣе активныхъ членовъ.

МОСКВА. Князь Евг. Трубецкой третьяго дня сообщилъ по секрету въ домъ кн. Галицына о своемъ предположеніи, что въ Россіи объявлена конституція. Какъ передаютъ, вѣсть эта была встрѣчена съ негодованіемъ. Въ виду опасенія со стороны гостей за свои уцѣлѣвшіе дома, Кн. Трубецкой еще не арестованъ.

СИМФЕРОПОЛЬ. Подъ временную тюрьму приспособлена гостиница и городское училище.

ГОЛУТВИНО. Установлена ошибка полковника Римана, разстрѣлявшаго Сапожкова Николая, вмѣсто обозначеннаго въ спискѣ Сапожкова Никона. „Главное управленіе по разстрѣлу жителей“ предписало полковнику Риману, во избѣжаніе подобныхъ неточностей, вооружаться на будущее время помимо всего прочаго, очками. Полк. Риманъ въ свое оправданіе сообщилъ, что, по его наблюденіямъ, надъ трупомъ Николая Сапожкова можно установить несомнѣнно революціонный образъ мыслей убитаго, такъ какъ кровь его имѣетъ ярко-красный оттѣнокъ.



Повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда смута російская пошла быти и кто первѣе почла на Руси мутитися.*)

Гл. I.

Ратоборству на Востоцѣ исходящу, се смута велія отъ Запада прииде, и востаху людіе мнози, крамольники нарицаеми, учаще народъ хулити и мутитися. Услышавъ же, единъ мужъ, имя же ему бѣ Сергій, рече: „Дѣло скверное! Чесо ради племя смятется?“ И учинивъ бесѣдословіе со мытари и фарисеи, повелѣ вразумити оно племя огнемъ и мечемъ. И позва мастеровъ дѣлъ еврейскихъ повелѣ учредити оныя и даде на подмогу людіе, черніи сотни нарицаеми. И бѣ ту плачь и скрежетъ зубовный.

Гл. II.

Смутъ же пакы взрождшися, пакы вопи народъ многая словеса дерзновенная и хулу рече мытаревъ фарисовы и ону мужу. И подъяхуса раби, трудъ оставивше, и воляху нѣко слово запретно „неработіе“, а по ихнему „забастовіе“. И устрашишися и мытари и фарисеи, и онъ мужъ, и бѣ тутъ плачь и скрежетъ зубовный.

(Продолженіе слѣдуетъ).

За лѣтописца Дмитро Гудзь.

*) Печатаемая „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ является трудомъ одного высокопоставленнаго лица, автора многихъ богословскихъ трудовъ и въ дальнѣйшемъ освѣтитъ происходящія событія съ богословской точки зрѣнія. Авторъ до сихъ поръ упорно не желаетъ обнаружить своего имени, и нашъ сотрудникъ Дмитро Гудзь вынужденъ подписываться вмѣсто него.



Первый блинъ, да и комомъ!



Отъ редакціи.

Нумера „Занозы“ въ оптовой продажѣ высылаются наложеннымъ платежемъ лишь по полученіи задаточной суммы въ размѣръ половинной стоимости заказа.

Пробный № высылается за двѣ 7-ми копѣеч. марки.

Рукописи, не принятыя къ печати, не возвращаются. Редакторъ принимаетъ ежедневно, за исключеніемъ праздничныхъ дней, отъ 2 до 4 ч. д.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 г.

еженедѣльный журналъ

художественной сатиры

Цѣна отдѣльнаго № — 10 коп. безъ пересылки.

Подъ редакціей и при постоянномъ участіи Р. Л. Антропова.

Подписная цѣна: годъ—4 руб., 1/2 г.—2 р.; съ пересылкой во всѣ города Россіи—годъ—5 р., 1/2 г.—3 руб.

Подписка принимается въ редакціи: Спб. Итальянская, 27 и во многихъ городахъ Россійской Имперіи.

„ЗАНОЗА“.

Редакторъ Р. Л. Антроповъ.

Издатель С. Д. Новиковъ.



ЖУРНАЛЪ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САТИРЫ.
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Р. АНТЮГОВА.

Современная Дирцея
(по Семирадскому)





ГОВОРЯТЬ *)—въ высшихъ сферахъ уже пред-
рѣшенъ
Тотъ вопросъ, что не спросать отвѣта
У сатраповъ новѣйшихъ россійскихъ временъ,
У безстыдныхъ гасителей свѣта:
Кто укралъ, кто укрылъ—неповиненъ за то,
Произволомъ законы кто рушилъ,
Кто людей убивалъ ни за что, ни про что,
Кто на счетъ голодающихъ кушалъ;
Чуть наступитъ моментъ проведенья реформъ,
Будетъ актъ всепрощенія явленъ:
Каждый плутъ и злодѣй — всѣхъ отгнѣнковъ и
нормъ —

Бу етъ снова младенцемъ объявленъ...
Ура!.. Не будемъ падать ницъ,
Предъ долгомъ совѣсти склоняться!
Какъ станетъ Дума собираться,
Синклитъ такихъ почтенныхъ лицъ
Невинный будетъ всѣхъ дѣвицъ
И чище кроткихъ голубицъ, —
Намъ—наши всѣ грѣхи простятся!..

Предъ амнистіей этой, повѣрьте, смѣшны
И ничтожны другія всѣ вмѣстѣ;
Кто придумалъ еѣ—поднести мы должны
Лавры славы гражданской и чести...

*) См. 375 № газ. „Слово“, замѣтку „объ ответственности за прошлое“.

Кто онъ? Гдѣ онъ? Откуда явился на свѣтъ?
Сынъ страны-ли снѣговъ и мороза,
Юга чадо-ль?! Намъ дѣла до этого нѣтъ!
Нашъ—онъ... Nomina sunt odiosa!..
Мы—виновны; должно быть, и онъ виноватъ
Въ чемъ-нибудь такомъ-эдакомъ тоже..
Не на каждомъ-же ворѣ и шапки горять!
Кто-бъ онъ ни былъ—воздай ему, Боже!..

Что-жъ, что за нами есть вина, —
Не намъ—въ раскаянье вдаваться!
Пусть насъ грязнятъ, пускай бранятся
Трибуны съ горьковского „дна“, —
Свобода имъ и намъ дана!..
Что грязь? — отмоеся она;
Намъ—наши всѣ грѣхи простятся!..

Есть не мало у насъ убѣжденныхъ враговъ,
Много будетъ ихъ послѣ въ народѣ:
Не жалѣютъ своихъ оголѣвшихъ головъ,
Помѣшались они на свободѣ!
Чуть что — крикъ поднимаютъ (должно быть—спьянъ),
О какомъ-то возмездіи бредить
Въ Государственной Думѣ... Да, будетъ она, —
Но — когда-то Улита пріѣдетъ!..
Да еще вѣдь вопросъ то — пріѣдетъ кому
Въ ней просиживать новыя кресла;
Вѣдь недаромъ-же, къ Витте слетѣвъ самому,
Вся тенденція Плеве воскресла!..



Жиздакхья хобеллы Ъоккачио.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями Романа Доброго.

6. Объ общей исповѣди и объ исповѣди за ширмами padre Джованни.

..Королева и всѣ придворные много смѣялись надъ чудеснымъ превращеніемъ монахини въ пизанскаго стрѣлка, котораго благочестивый padre Джованни возвелъ позже въ санъ св. Керулярія.

— Не расскажете-ли вы еще чего-нибудь о самомъ padre Джованни и объ его вѣрныхъ послѣдователяхъ? — спросила королева.

— Съ удовольствіемъ, ваше величество. Слушайте. Въ городѣ Пизу, какъ вамъ извѣстно, стекалось и стекается огромное количество пилигримовъ на поклоненіе звѣздамъ, лжкамъ, туфлѣ и чудотворной шляпѣ св. Джованни. Всѣ эти пилигримы ужасно любили каяться во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ передъ досто-почтеннымъ радѣ. Случалось гадъ, что они каялись не только въ томъ, что содѣяли, но и въ томъ, что собирались только совершить.

Этимъ обстоятельствомъ пожелали воспользоваться

два знаменитыхъ сановника, изъ которыхъ одинъ былъ Victorio Ferens *), великій инквизиторъ трибунала Совѣта Десяти, а другой—синьоръ V. Plevelio—просто генераль по всѣмъ тайнымъ сыскамъ.

Они призвали къ себѣ padre Джованни и сказали ему:

— Вотъ что, любезнѣйшій Джованни. На-дняхъ мы разослали тайную эпистолю всѣмъ священникамъ всѣхъ провинцій съ предписаніемъ, чтобы они немедленно до-водили до нашего свѣдѣнія обо всѣмъ — интересномъ въ политическомъ отношеніи для нашего тайнаго трибунала— что говорится исповѣдывающимися „на духу“. Съ такой-же просьбой обращаемся мы и къ вамъ. Къ вамъ стекается такая масса пилигримовъ... Вы понимаете?

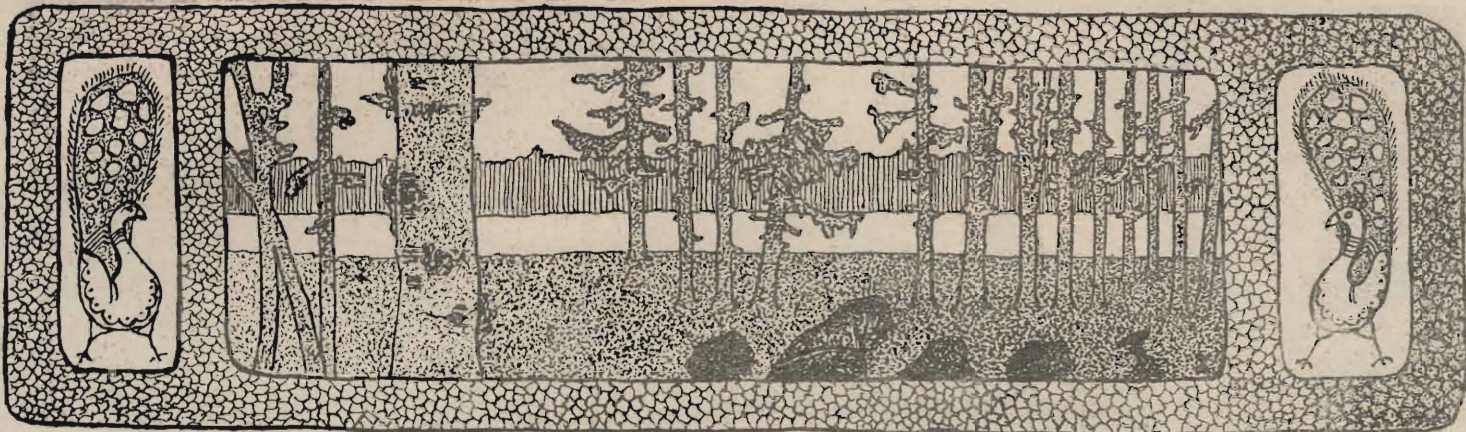
— О, ваша свѣтская эминенція и ваша экчеленція...— смиренно отвѣтствовалъ Джованни.—Я понимаю все это какъ нельзя лучше, но... Но я долженъ замѣтить, что я боюсь, какъ бы такая роль вѣрнаго слуги инквизиціоннаго трибунала не поколебала мою славу святого...

— Какъ вы думаете?—обратился синьоръ Плевеліо къ великому инквизитору Совѣта Десяти.

— Я не раздѣляю опасеній padre Джованни...—отвѣтилъ тотъ. — По моему, это еще больше упрочитъ вашу популярность, Джованни. Это—будутъ настоящія чудеса. Вы только представьте: вамъ на духу кто-либо сознается въ намѣреніи, скажемъ, выстрѣлить изъ пистоля въ одного изъ членовъ десяти. И вдругъ, это становится извѣстнымъ намъ. Развѣ это не будетъ чудо? развѣ тотъ, кто со-знался вамъ въ этомъ, не сочтетъ васъ за св. чудо-творца?

— Я, однако, предпочелъ-бы мое...—началъ Джованни.—А именно: общую исповѣдь. Всѣ эти пилигримы, въ экстазѣ религіознаго фанатизма, будутъ громко исповѣдывать свои грѣхи и помышленія, ну, а вы... вы должны помнить слова св. апостола Петра: „камни и тѣ могутъ слушать и слышать“. Вы поняли меня, высокоблгородные синьоры?

*) Побѣду-досецъ.



Не надо намъ враговъ щадить,
Когда патроны не щадятся:
Тамъ, гдѣ и сны о ней не снятся,
Крамолу можно находить!
Что пользы намъ слова плодить, —
Давайте всѣхъ хватать, ловить;
Намъ—наши всѣ грѣхи простятся!..

Пересуды газетъ намъ, ей-ей, ничо чемъ, —
Не какіе-нибудь мы кретины,
Чтобъ возможно всѣмъ было сатиры бичомъ
Прошибить наши крѣпкія спины...
За живое задѣтъ, въ глазъ попасть, а не въ бровь,
Не допустимъ и мы ихъ, пожалуй;
Слава Богу—не рыба въ насъ, русская кровь, —
Въ дѣлѣ сыска—народъ мы бывалый...
Стоить только черкнуть пару тепленькихъ словъ,
Смотришь—дерзкій листокъ конфискованъ
И пакетъ съ надлежащимъ приказомъ готовъ,
И редакторъ уже арестованъ!..

Мы всѣ—столпы, мы всѣ—умы, —
Такъ что-жъ съ глупцами намъ счи-
таться!

Пусть ихъ—шумать, пускай грозятся...
Всѣ тормозить — во славу тьмы,

Пѣть гимны въ честь родной тюрьмы
Теперь спокойно можемъ мы, —
Намъ—наши всѣ грѣхи простятся!..
Говорятъ—чуть не завтра изсякнетъ у насъ
Въ казначействѣ и въ банкѣ все злато,
Что не будетъ для насъ ни на хлѣбъ, ни на квасъ...
Хватить, хватитъ на нашего брата!
Только надобно знать, гдѣ что можно урвать,
Гдѣ что плохо лежитъ безъ призору...
Что тутъ думать-гадать? Для чего примѣрять?
Впору будетъ все доброму вору!..
Пусть несутъ всюду вѣсти газеты-гонцы,
Пусть грозятъ всѣмъ намъ карой суровой, —
Можно даже и въ воду не прятать концы —
Въ ожиданьи амнистїи новой!..

Еще не время унывать,
Передъ законами склоняться, —
Успѣемъ честиности набраться,
Какъ станетъ Дума засѣдать!..
Карманы можно набивать
И честь, и совесть продавать...
Смѣлый!.. Намъ—всѣ грѣхи простятся!..

Евстигней Назайкинъ.



— О! О!—въ голосъ вскричали обрадованные члены инквизиціоннаго трибунала.

И вотъ, padre Джованни сталъ устраивать общую исповѣдь. Онъ выходилъ на священническое горнее мѣсто и ласково заявлялъ пилигриммамъ.

— Кайтесь во грѣхахъ и дурныхъ помышленїяхъ вашихъ!

Мигъ, дамы и кавалеры, и общій нестройный гулъ потрясалъ стѣны того монастыря, гдѣ служилъ мессу Джованни.

— При живомъ мужѣ, Pistolio, я, Paolo, тайкомъ женился на женѣ его!—вопилъ одинъ.

— ...Отпускаются грѣхи... — бормоталъ padre Джованни.

— Обокралъ соборъ, который обѣщался выстроить... — кричалъ другой.

— ...Отпускаются грѣхи... — бормоталъ padre Джованни.

— Занимался содомскимъ грѣхомъ... — восклицалъ третій.

— ...Отпускаются грѣхи... — бормоталъ padre Джованни.

— До замужества съ тремя согрѣшила... — скромно,

но съ еле замѣтной лукавой улыбкой, шептала молодая женщина.

— ...Отпускаются грѣхи... — все также бормоталъ padre Джованни.

— Кайся! Кайтесь!—гремѣлъ голосъ padre Джованни...
Переодѣтые карабинеры и тайные слуги инквизиціоннаго трибунала ловко шныряли среди кающихся.

— Замышлялъ убить...—начиналъ громкую исповѣдь какой-нибудь синьоръ.

Padre Джованни вздрагивалъ, и ужъ не говорилъ: „отпускаются грѣхи“. Мигъ,—и кающемуся кто-то ласково шепталъ на ухо:

— Не пройдемъ-ли мы на паперть собора? Мнѣ надо объясниться съ вами, signor...

Объясненіе это оканчивалось въ застѣнкѣ Совѣта Десяти.

— Въ то-же время, дамы и кавалеры, padre Джованни не забывалъ и своего женскаго монастыря. Послѣ общей исповѣди въ Пизѣ онъ приѣзжалъ въ градъ св. Петра и тамъ устраивалъ то-же исповѣдь джованнисткамъ, но только исповѣдь за ширмами.

— Дѣтки, *) — объявлялъ онъ. — Сегодня я самъ хочу окукуться въ ваши грѣхи, избавить васъ отъ дурныхъ похотей—помышленій.

И вотъ процессія цѣломудренныхъ дѣвъ, одна за другой, скрывались за ширмами сытаго—при жизни—отца

— Ну, что, моя дочка?—Евстигнїя, —много-ли нагрѣшила на недѣлѣ безумнаго карнавала?—ласково спрашивалъ св. исповѣдникъ красную сестру Евстигнїю, ту самую, у которой похитила пизанскаго стрѣлка, св. Ксрулярїя, настоятельница, мать—Марїя.

— Ни разу...—грустно отвѣчала та.

*) У Боммачіо послѣ „дѣтокъ“ есть какая-то ссылка, которая въ рукописи стерлась. Не хотѣлъ-ли великій вѣдунъ сказать, что „дѣтки“—величїи свое пасты „пророки“ изверскихъ секулъ, наприѣмъ изродъ русскихъ кормщиковъ хлыстовскихъ караблей?



— И не искушалъ тебя діаволь соблазномъ?—продолжалъ Джованни.

— Какое-же могло быть искушеніе, когда ни одинъ діаволь не заглянулъ за эту недѣлю въ нашъ монастырь?—уже раздраженно вскрикивала красивая Епистимія.

— Уди-ви-тель-но! Это новое чудо...—произносилъ padre Джованни. Говорятъ, дамы и кавалеры, что послѣ этого padre Джованни призвалъ къ себѣ настоятельницу и кротко сказалъ ей:

— Мать Марія! Вы поступаете не благоразумно: вы возбуждаете недовольство въ средѣ нашихъ благочестивыхъ дѣвъ. Не согрѣшивъ, имъ не въ чемъ каяться. Довольно и такъ у насъ смуть и волненій раздирающихъ страну. Напрасно стараются новеллы и эдикты возстановить порядокъ въ провинціи.

— Я не понимаю васъ, о, padre Джованни...—въ смущеніи залепетала настоятельница.

— Я вамъ объясню. Вы не должны переманивать къ себѣ святыхъ изъ келій овечекъ *)—сестеръ. Чѣмъ будетъ больше святыхъ, тѣмъ будетъ проливаться больше благодати, что успокоитъ скорѣе обѣ стороны. Это—система достопочтеннаго Victorio Ferens'a (Побѣдо-носца). Поэтому, если вамъ лично не хватеть матеріала для успокоенія вашего религіознаго пыла, то я съ удовольствіемъ лично вамъ пришлю хоть дюжину взбунтовавшихся пизанскихъ стрѣлковъ.

— О! начала мать Марія,—хватить-ли моихъ силъ на такой подвигъ...

(Продолженіе слѣдуетъ **)



*) „Овечки“. Нѣтъ, положительно, Боккаціо имѣлъ въ виду нѣчто въ родѣ нашей хлыстовской секты.

**) Вторая иллюстрація относится не къ этой, а къ слѣдующей новеллѣ. Объясненіе ея читатели новеллъ Боккаціо найдутъ въ № 5 „Заноза“.

Ред.

Панорама русско-японской войны



Брызги и занозы.

IV.

Оболенскихъ было много
 „На виду“ всегда у насъ,
 Роли чуть-ли не министровъ
 Всѣ играли въ добрый часъ...
 Всѣхъ умнѣе былъ финляндскій—
 Очень умный человекъ,
 Хоть—любовь питая къ звѣздамъ—
 Мужичковъ изрядно сѣкъ.
 Гельсингфорсъ и даже Харьковъ
 Помнятъ князя до сихъ поръ;
 Но затмить его всю славу
 Новый оберъ-прокуроръ—
 Синодальный князь: онъ хочетъ *)
 Вольный духъ въ святыхъ отцахъ
 Истребить рукою властной—
 Всѣмъ крамольникамъ на страхъ..
 Кое-гдѣ съ церковныхъ кафедръ
 Раздались слова о томъ,
 Что Христосъ былъ противъ казней,
 Что разстрѣливать гуртомъ
 Всѣхъ—и правыхъ, и виновныхъ—
 Невозможно безъ суда
 (Это только въ Дагомеѣ
 И случалось иногда!)...
 «Хочетъ милости, не жертвы
 Кроткій Богочеловѣкъ...»
 Услыхалъ князь Оболенскій:
 — „Ну, тогда иной былъ вѣкъ!“—
 Онъ изрекъ и моментально
 Сверхъ-святительскій указъ
 Шлетъ по мѣсту назначенья:
 „Запретить имъ всѣмъ сейчасъ

Проповѣдывать во храмѣ
 Слово Божье! Подъ надзоръ
 Взять ихъ всѣхъ, подъ строгій розыскъ!..
 Славься, оберъ-прокуроръ!
 Синодальный Оболенскій,
 Ты финляндскаго затмилъ
 Оболенскаго,—хотя онъ
 Тоже былъ умнѣе и милѣ!..

V.

Кутлеръ палъ, его проекты
 Разлетѣлись безъ слѣда;
 Пишутъ новые конспекты
 Поощренія труда...
 Не тужи, голодный пахарь,—
 Новый есть тебѣ оплотъ:
 Кривошеинъ—вѣщій знахарь—
 Свѣтъ во тьму твою прольетъ!
 Всѣ устроить онъ весною:
 Будешь жить ты, припѣвать—
 Какъ за каменной стѣною—
 Изъ мякины хлѣбъ жевать...
 Былъ его однофамилецъ
 Въ санъ министра возведенъ;
 Грабилъ онъ тебя, кормилецъ,
 Но—съ позоромъ былъ смѣщенъ...
 Услыхавъ про назначенье,
 Не на шутку я вструхнулъ:
 Неужель бразды правленья
 Ех-министръ себѣ вернулъ?!
 Мракъ сомнѣнія развѣянь,
 Но тревожитъ мысль меня:
 Ну, какъ новый Кривошеинъ
 Будетъ старому родня!..



Внукъ своего дѣда.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Послѣднія похождения Чичикова.

(Случайно уцѣлѣвшія—отъ сожженія Гоголемъ—страницы его знаменитой поэмы «Мертвые Души» *).

...Чичикова, бѣднаго, еле державшагося на ногахъ, грубо схватили жандармы.

— Живо, живо, чортова кукла!—заорали они.— Идемъ до пана генераль-губернатора!

Почтенный Павелъ Ивановичъ Чичиковъ былъ ни живъ, ни мертвъ, а такъ... слегка избитъ и поломанъ.

— Позвольте, но какъ-же я предстану предъ его высокопревосходительствомъ въ такомъ поносомъ видѣ?—ужаснулся Чичиковъ, показывая на свое откровенное одѣяніе, состоявшее изъ однихъ исподнихъ. — Гдѣ же мой фракъ наваринскаго дыма съ искоркой? Подайте мнѣ, честию прошу васъ, его!

— А и то правда!—проговорилъ одинъ жандармъ, подмигивая лукаво другому. — Будь онъ дѣвкой, — такой конфузъ сошелъ-бы и его высокопревосходительство былъ-бы польщенъ, а то у пана генераль-губернатора есть то же самое, что и у этого стрелка.

Съ чувствомъ необычайнаго собственного достоинства Чичиковъ одѣлъ штаны, жилетъ и фракъ.

— Доплясался, Павелъ Ивановичъ, дотанцовался. Мать Пресвятая Богородица, выручи! — гвоздемъ шпыняло его мозгъ.

Онъ полѣзъ затѣмъ въ свой карманъ и такъ долго рылся въ своемъ карманѣ, что одинъ изъ жандармовъ помянулъ добрымъ словомъ мать Солоху.

— А скоро-ли бисовъ сынъ?—зарычалъ онъ.

— Прошу!—радостно воскликнулъ Павелъ Ивановичъ и моментально приставилъ къ носу жандарма табакерку. — Прошу, угощайтесь! Боже мой, что за табакъ! Его мнѣ далъ еще Собакевичъ, когда наступилъ—да будетъ ему такъ-же пріятно, какъ мнѣ!—на мою мозоль. Одинъ жидъ изъ Гядова...

*) Такъ, по крайней мѣрѣ, заявилъ намъ нашъ сотрудникъ, г. Скорбный. За достоверность того, что это принадлежитъ действительно Н. В. Гоголю, редакция не отвѣтствуетъ.

— У-у-у... а-а-а! Ступай!—зарычали обманутые въ своихъ ожиданіяхъ жандармы.

...И Павла Ивановича Чичикова ввели въ большую комнату. То есть Боже ты мой, что это было за великолѣпіе!.. Повсюду позолота, картины въ широкихъ золотыхъ рамахъ, на которыхъ, какъ добрые кони, гарцовали на своихъ двухъ ногахъ важные генералы въ оттопыренныхъ бѣлыхъ штанахъ, и съ такимъ важнымъ видомъ, будто хотѣли крикнуть: „а какъ мать твою зовутъ, вражій сынъ?“

Какъ только Чичиковъ вышелъ, изъ за стола поднялся высокій генералъ съ такими длинными усами, точно—вотъ ей Богу—хвостъ у поповой кобылы.

— А-а-а?!—захрипѣлъ онъ.

Чичиковъ сомлѣлъ. Его толстенькія ножки задрожали, подогнулись и онъ, какъ то нелѣпо подкачнувшись, опустился на колѣни.

Послышался трескъ сукна наваринскаго дыма съ искоркой.

„Проклятый жидъ подвелъ! гнилое сукно подсунулъ“, пронеслось въ его головѣ.

— Ваше сіятельство! Ваше Высокопревосходительство!—залепеталъ онъ въ смертельномъ ужасѣ.—Не погубите! пощадите! Пять женъ... то-бишь: одна жена и пять человекъ жандармовъ... Ахъ, ахъ, что я говорю! пять человекъ дѣтей...

— А-а-а, каналья, мертвыхъ душъ покупать?!

(Продолженіе слѣдуетъ)





Балаганный дѣдъ.



ЖИВЕМЪ ПОКА!

Отъ редакціи.

Нумера „Занозы“ въ оптовой продажѣ высылаются наложеннымъ платежемъ лишь по полученіи задаточной суммы въ размѣрѣ половинной стоимости заказа.

Пробный № высылаеся за двѣ 7-ми копѣеч. марки.

Рукописи, не принятыя къ печати, не возвращаются. Редакторъ принимаетъ ежедневно, за исключеніемъ праздничныхъ дней, отъ 2 до 4 ч. д.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 г.

еженедѣльный журналъ

художественной сатиры

„ЗАНОЗА“.

Цѣна отдѣльнаго № — 10 коп. безъ перес., съ перес. — 15 к.

Подъ редакціей и при постоянномъ участіи Р. Л. Антропова.

Подписная цѣна: годъ—4 руб., 1/2 г.—2 р.; съ пересылкой во всѣ города Россіи—годъ—5 р., 1/2 г.—3 руб.

Подписка принимается въ редакціи: Спб. Итальянская, 27 и во многихъ городахъ Россійской Имперіи.

Газетное агентство для иногороднихъ Г. Г. Москвича. С.—Петербургъ, Кузнечный пер., 15.

высылаетъ въ провинціи всѣ газеты и журналы по цѣнамъ редакціи.

Редакторъ Р. Л. Антроповъ.

Издатель С. Д. Новиковъ.



ЖУРНАЛЪ

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САТИРЫ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ВЛ. АНТЮГОВА.



«СЯСЪ ИДАЛИЛА» или
«НАРОДЪ И РЕАКЦІЯ»
по картинѣ Соломона Соломона

Безработные.

(Изъ современныхъ пѣсень не-Беранже.)

ЗА всѣми заставами бродить нужда,—
Хотя веселится столица, —
Повсюду въ кварталахъ борьбы и труда
Видны изможденные лица..
Голодныхъ, холодныхъ, теперь тамъ не счесть,—
Рабочій сидитъ безъ работы;
Забылъ буржуа нашъ и совѣсть, и честь,—
Всѣхъ гонитъ онъ прочь безъ заботы..
„Вонъ всѣхъ,“ — говоритъ онъ, — „всѣхъ, кто не
вступилъ

Въ союзъ правового порядка!
Вонъ всѣхъ—за машинами кто уложилъ
Всѣ силы свои безъ остатка!..
Что день—то угрюмый рабочій кварталъ;
Всѣ голодны, полураздѣты;
Стоитъ-стономъ стоитъ тамъ... Дѣтей я встрѣчалъ—
Не дѣти они, а скелеты!..

Здѣсь—медлить не годится!..
Но чѣмъ имъ, какъ помочь?!
Къ буржуямъ обратиться?—
И васъ прогонять прочь...
Того, что ожирѣло,
Мольбами не пронять!
Въ сердца начнемте смѣло
Стучать, стучать!..

Ужели намъ добрыхъ сердецъ не найти?!
Обломовыхъ мало-ль богатыхъ,
Что—лѣжа на деньгахъ,—Господь ихъ прости!—
Мечтаютъ сидѣть въ депутатахъ!..
Эй, вы, господа!.. Время—сидней не ждѣтъ:
День выборовъ скоро настанетъ;
Народъ-избиратель, рабочій народъ
Мирвѣлить бездѣлю не станетъ..
Не стыдно-ль лежать вамъ?! Внимайте уму:
Онъ—скажетъ, что будете правы,
Когда поспѣшите на помощь къ нему—
Къ народу труда—за заставы!
Прислушайтесь къ стомамъ, къ мольбамъ бѣдня-
ковъ,

Въ ихъ норы-жилища взойдите;
Откройте сердца имъ; своихъ кошельковъ
При видѣ нужды—не щадите!..
Пробудитесь вы сами, —
Воскресшею душой
Сольетесь съ ихъ рядами
Въ борьбѣ за край родной...
Прочь скуку! Прочь заботу!..
Всѣ—скоро оживемъ,
Всѣ—по-сердцу работу
Найдемъ, найдемъ!..



Жиздакхыя жовеллы Боккачю.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями Романа Доброго.

7. Последнее чудо въ монастырѣ джованнистокъ по благости, святости и милости padre Джованни.

...Королева и всѣ придворные съ живѣйшимъ интересомъ ждали продолженія повѣствованія о padre Джованни и о его богоугодномъ заведеніи — монастырѣ.

— Продолжайте!—отдала она приказъ.

— Слушайте, ваше величество, дамы и квалеры. Въ Пизѣ, въ той самой Пизѣ, гдѣ имѣлъ постоянное пребываніе достопочтенный padre Джованни, гдѣ обитали и santa Maria Порфурія, и святые Бонифацій, Керулярій и прочіе угодники Божіи, вдругъ вспыхнулъ неслыханный мятежъ. Взбунтовались матросы и часть пизанскихъ стрѣлковъ. Въ своихъ казармахъ, они поклялись уничтожить всю Пизу, если имъ не прибавятъ по одной сотой килло *) баранины на человѣка въ день и если имъ не будутъ давать бесплатно для бани марсельскаго мыла.

*) Килло — равняется 1 1/2 фунтамъ.

Всю провинцію объявъ ужасъ. Сановники совсѣмъ растерялись, потеряли голову, послѣдніе члены тайнаго трибунала Совѣта Десяти разбѣжались, слѣдуя мудрому примѣру Великаго Инквизитора — Victorio Ferens'a (Побѣдо-носца), давно уже удравшаго. Надъ Пизой вспыхнула кровавая заря.

Padre Джованни, этотъ незабываемый оплотъ Пизы, перепугался до того, что, говорятъ, въ ужасѣ схватился за край юбки Sant'ы Mari'и Порфуріи, лепеча въ смертельномъ страхѣ:

— О, Santissima! что-же намъ дѣлать?..

— А ну тебя въ преисподнюю!—воскликнула богородица—Порфурія.— „Что дѣлать?..“ — конечно,—удирать какъ можно скорѣй изъ Пизы, пока намъ всѣмъ не наломали бока...

И Santa Maria—Порфурія, захвативъ съ собой св. Керулярія и св. Бонифація, устремилась въ бѣгство.

Положеніе padre Джованни было отчаянное. Какъ ему быть? по условію, заключенному имъ съ правителями страны, онъ обязанъ былъ ежегодно творить извѣстное количество чудесъ. Но какое, въ данномъ случаѣ, чудо могъ онъ содѣять?

Вдругъ, его осянула благостная мысль. Padre Джованни, совсѣмъ уже готовый къ бѣгству изъ Пизы, явился къ пизанскому военачальнику и сказалъ ему:

— Давайте мнѣ скорѣе двѣ дюжины схваченныхъ бунтовщиковъ матросовъ, подъ конвоемъ какого-нибудь доблестно-благонамѣреннаго карабинера. Я отвезу ихъ въ мой святой монастырь, а тамъ мои святые, цѣломудренныя овечки быстро наставятъ ихъ на свой путь истины.

— Великолѣпно, padre Джованни!—воскликнулъ обрадованный военачальникъ.— Но отчего вы берете такъ мало, всего двѣ дюжины! Неуждно-ли цѣлую казарму?

— Моихъ овечекъ не хватитъ на такое количество наголодавшихся матросовъ!—со вздохомъ сожалѣнія проронилъ padre Джованни.



Не бойтесь, что золь вашъ униженный братъ, —
 Нужда озлобляетъ не въ мѣру;
 Повѣрьте, что даже въ паденьи хранятъ
 Иные и совѣсть, и вѣру!..
 Свѣтъ нуженъ голодному,—хлѣба ему
 Вы, раньше, работы вы дайте,
 А тамъ—чѣмъ и какъ захотите—во тьму
 Свѣтъ вашихъ идей проливайте!..
 Къ вамъ, свѣта поборники, рѣчь я веду:
 Будите всѣхъ спящихъ, стучите
 Въ сердца всѣ и въ двери! На злую нужду,
 На бой съ ней, всѣхъ добрыхъ ведите!
 Спѣшите, покуда не поздно, пока
 Не вынудилъ тягостный голодъ
 Схватиться за ножъ, не толкнулъ бѣдняка
 Поднять свой карающій молотъ!..

Не время изощраться
 Теперь въ однѣхъ рѣчахъ,
 Другъ съ другомъ препираться!
 Здѣсь дѣло—не въ словахъ!..
 Забудемте всѣ споры
 Хотя на пару дней;
 Заглянемте-ка въ норы
 Людей, людей!..

Гдѣ-жъ вы, устроители пышныхъ баловъ,
 Спектаклей, концертовъ обычныхъ,
 Аллегри—на благо калѣкъ бѣдняковъ,
 Излюбленныхъ лекцій публичныхъ?!
 Откликнитесь! Гдѣ вы? Въ какомъ царствѣ грѣзъ?!
 Надняхъ еще жертвъ добротныхъ
 Не мало въ театрѣ Маринскій отвѣзъ
 Бомондъ весь нашъ—въ пользу животныхъ!
 Тамъ—сценъ образцовыхъ и цвѣтъ, и краса
 Во что кто гораздъ—проявляли
 Могучихъ талантовъ своихъ чудеса:
 Играли и пѣли, плясали..
 Я радъ за лошадокъ, собачекъ; но чѣмъ
 Голодный рабочій ихъ хуже?
 На помощь къ нему бы, артисты, вамъ всѣмъ
 Теперь не придти почему-же?!

Бунтарь онъ—вамъ сдается?..
 Тутъ станешь бунтовать,
 Коль съ голоду придется
 Вповалку умирать!
 Минуютъ дни невзгоды —
 На умъ бунтъ не поидеть,
 И какъ солнышко Свободы
 Взойдетъ, взойдетъ!..

Евстипей Нагайкинъ.



И вотъ процессія бунтовщиковъ карабинера и padre Джованни устремила къ граду св. Петра. Дорогой, взбунтовавшиеся матросы вели себя свирѣпо—ужасно, то и дѣло крича:

— Мы покажемъ вамъ!

— Дѣти!—усовѣщевалъ ихъ padre Джованни.—За чѣмъ вы будете показывать намъ? Повремените немного, и покажите, лучше, моимъ святымъ овечкамъ, которыя должны васъ успокоить.

Когда процессія прибыла въ монастырь джованнистокъ, padre Джованни, оставивъ въ корридорѣ бунтовщиковъ и карабинера, поспѣшно вошелъ въ келію настоятельницы—матери Маріи.

— Ну, радуйтесь, мать Марія, вамъ хватитъ теперь работы. Вамъ предстоитъ успокоить двѣ дюжины пизанскихъ матросовъ.

— К... к... какъ?! — въ ужасѣ воскликнула почтенная настоятельница.—Мнѣ одной?!

— О, успокойтесь!—разсмѣялся padre Джованни.— Вы выберите тѣхъ, кого вамъ желательно наставить на вашъ путь истины, а остальныхъ распределите по всѣмъ сестрамъ.

Обрадованная настоятельница, приложившись къ шляпѣ padre Джованни, поспѣшно отдала приказъ:

— Созвать всѣхъ сестеръ! впускай матросовъ!

Черезъ нѣсколько минутъ двери распахнулись и въ келію, наполненную бѣдными овечками, ворвались матросы.

— Потрудитесь расписаться, мать настоятельница, въ принятіи на исправленіе и, главное, успокоеніе двадцати четырехъ преступниковъ!—громовымъ басомъ произнесъ пизанскій стрѣлокъ-карабинеръ, подавая настоятельницѣ свитокъ *).

При видѣ такой странной обстановки, при видѣ такого изряднаго количества дѣвъ, матросы испустили возгласъ удивленія, смѣшанный съ радостью.

— Э-о-э, э-о-ла!—закричали они.—За исключеніемъ нѣкоторыхъ особенностей, все остальное удивительно напоминаетъ намъ многочисленныя богоугодныя заведенія Пизы.

Цѣломудренныя овечки—джованнистки, охваченныя пламеннымъ желаніемъ наставить заблудшихся матросовъ на свой путь истины, устремились къ нимъ.

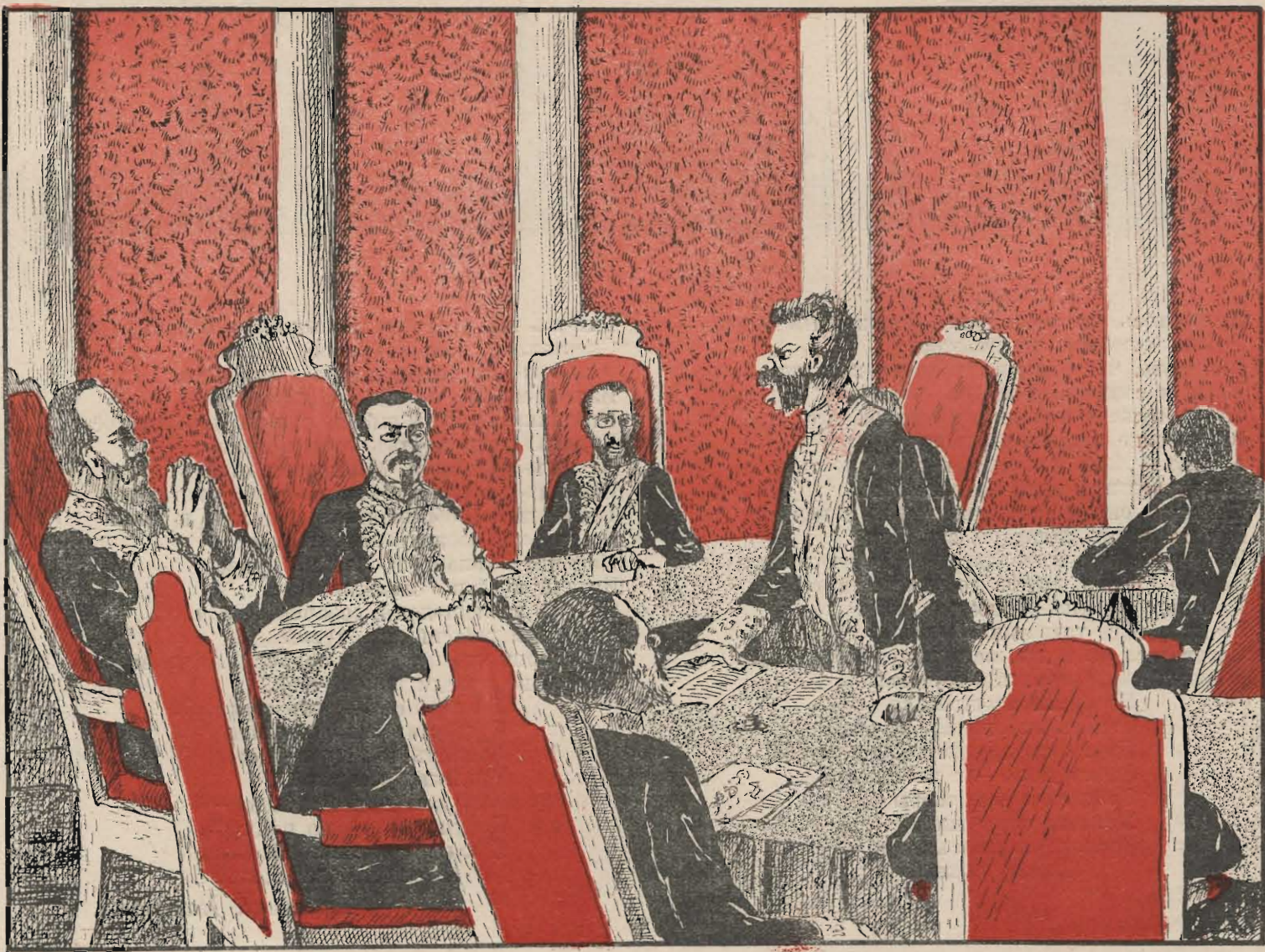
Получилась, дамы и кавалеры, поистинѣ, трогательная картина. Говорятъ, padre Джованни плакалъ отъ удивленія, смотря на начало трогательнаго слиянія цѣломудренной чистоты святыхъ дѣвъ съ звѣрско-бунтовщическими намѣреніями и инстинктами крамольниковъ.

— О!—воскликнулъ онъ.— Я докажу, что не потерялъ еще силы творить чудеса...

Вскорѣ мать-настоятельница обратилась къ своимъ дѣвамъ оъ такими словами:

— Мои возлюбленныя—во св. Бонифаціи, Керуляріи и padre Джованни — сестры! Пришелъ часъ, когда вы должны оправдать возложенныя на васъ надежды высокочтимаго padre Джованни. Вамъ предстоитъ трудный искусь: въ теченіи одной ночи обратить этихъ крамольниковъ-звѣрей въ послушныхъ — всѣмъ правителямъ страны —

*) Какъ эта иллюстрація, такъ и иллюстрація въ № 4 «Зановы» относятся къ этому моменту. *Ред.*



— Какъ?! Генераль-губернаторовъ отмѣнить или ихъ власть сократить? Нѣтъ, я не согласенъ... Или я уйду въ отставку! (Въ отвѣтъ гробовое молчаніе).

См. „Призывъ“.



барашковъ. Ничто дурное не должно завтра утромъ подыматься у нихъ. Беретесь-ли вы за такой подвигъ?

— Постараемся, о, мать Марія!..—хоромъ отвѣтили благочестивыя дѣвы, скромно потупляя глазки и чуть замѣтно лукаво улыбаясь.

— Въ такомъ случаѣ, грядите съ миромъ... Выбѣ-
райте себѣ по бунтовщику. Да благословитъ васъ св. Ке-
рулярій, а я... не виновата.

Настала ночь. Мать-настоятельница, уже успѣвшая наставить на путь истины двухъ бунтовщиковъ, стала производить свой обычный обходъ по корридору, по обѣимъ сторонамъ котораго были расположены келіи благочестивыхъ дѣвъ.

— Во имя св. Бонифація, Керулярія и св. padre Джованни! Наставляете? — спрашивала она, троекратно стучась въ двери каждой келіи.

— Аминь. Наставляю... — слышался подавленный шопотъ

На другой день, утромъ, явился карабинеръ.

— Ну, мать-настоятельница, удалось вамъ успокоить бунтовщиковъ?—крутя усь спросилъ онъ.

— Смотрите!—ликующе-торжествующе воскликнула настоятельница, указывая на рядъ матросовъ.

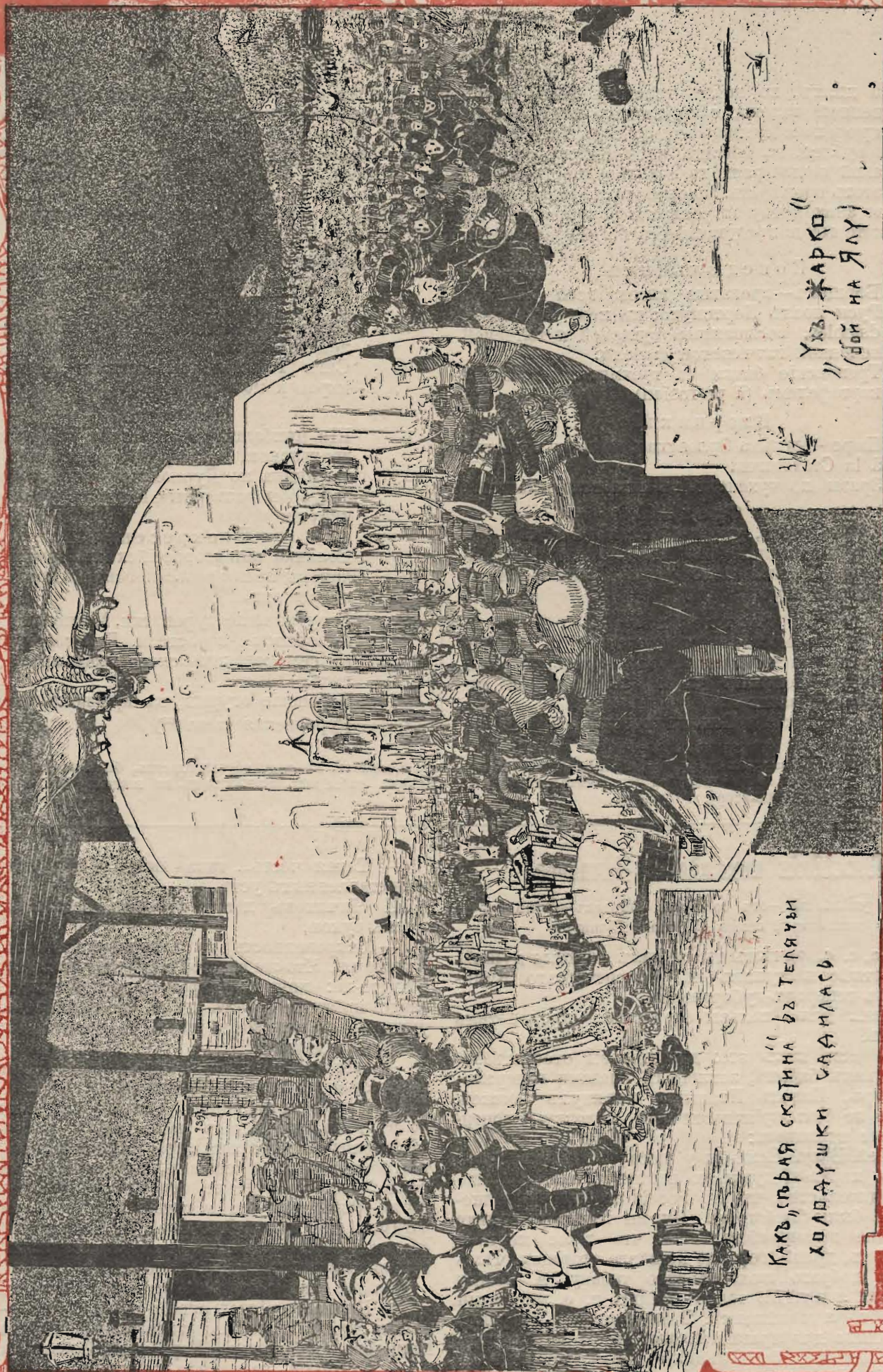
Карабинеръ съ почтеніемъ снялъ шляпу и набожно перекрестился:

— Поистинѣ, это—самое замѣчательное чудо padre Джованни!..

(Продолженіе слѣдуетъ).



Панорама русско-японской войны.



Какъ, горящая скотина въ телячьи
холодѣшки сажалась

„Ухъ, жарко“
„дой на ялу“



„Русское государство“

— * М Е Н Ю * —

лейбъ политическо-кулинарный завтракъ
графа С. Ю. Витте.

(ЗА НЕДѢЛЮ).



На дняхъ, во всѣхъ газетахъ было помѣщена замѣтка о томъ, что на содержаніе новой правительственной газеты, официального лейбъ-органа предсѣдателя совѣта министровъ, назначена ежегодная скромная сумма въ шестьсотъ тысячъ рублей, изъ которой девять тысячъ, т. е. по семисотпятидесяти рублей, въ мѣсяцъ, ассигнованы спеціально на завтраки гг. редактора и его сотрудниковъ.

Такой новый расходъ изъ государственной казны не могъ не заинтересовать и не заставить насъ слухъ этотъ провѣрить. По справкамъ, наведеннымъ нами, онъ оказался вполне достовернымъ, причемъ намъ по знакомству съ однимъ репортеромъ, удалось заполучить недѣльное росписаніе самыхъ завтраковъ, которые и представляемъ на апетитъ читателей.

Понедѣльникъ.

1. Борщекъ—кровавые слезы всей честной Руси послѣ Портсмута; къ нему—сухари—dsiables, посыпанные сушеной и толченой печенкой гатчинской форели.
2. Треповскіе битки съ трехмиллиметровымъ картофелемъ (à profusion).

Вторникъ.

1. Пюре—овсянка Орловская, къ нему отстеганъ à la Стаховичъ.
2. Зразы по чухонски, съ миновскою кашей.

Среда.

1. Супъ—тортю, улова 17 октября 1905 г.
2. Свиные котлеты въ папильоткахъ, à la Matilde, Харьковскаго убоя. Салатъ—Кишиневскіе огурцы.

Четвергъ.

1. Уха изъ московскихъ декабрьскихъ ершей, къ ней растегаи изъ свѣжей одесской рыбы Нейдгардовскаго улова, съ настоящею кашпирною вязигой.
2. Путиловскіе и Семянниковскіе обжаренные

рябчики, салатъ приневская красная капуста казацкой шинковки.

Пятница.

1. Бульонъ Ярославскій, съ кулебякою изъ демидовскихъ лицейскихъ рубцовъ.
2. Сиги Томскаго октябрьскаго копченья, съ икрою и молоками.

Суббота.

1. Щи прибалтійскіе, красные, съ феллинскою, драгунскою, поджареною размазней.
2. Баранина по Дурновски, съ чеснокомъ. Къ ней бобы разварные, парижскіе, заемные, въ укусу.

Воскресенье.

1. Селянка изъ всероссійскихъ разварныхъ судаковъ, по мендельсоновски, съ процентными пирожками.
2. Голутвинскіе куропатки, Московскіе бекасы, прѣсенскіе коростели, Дубасовской охоты, въ семеновскихъ скорострѣльныхъ кастрюляхъ.
3. Перовскіе огурцы, въ красномъ укусу.

Гурьевская каша **)

*) Росписаніе завтраковъ (меню) составлено только временно и можетъ, въ силу обстоятельствъ, быть измѣнено.

**) Гурьевская каша—только и исключительно по воскресеньямъ, дабы дать возможность не выдохнуться и долѣе сохраниваться главному редактору г. Гурьеву.

Дж. Буль.

Послѣднія похождения Чичикова.

(Случайно уцѣлѣвшія—отъ сожженія Гоголемъ—страницы его знаменитой повѣсти «Мертвыя Души» *).

А-а, с. с., зачѣмъ ты скупалъ мертвыя души?! еще яростнѣе наступилъ на распростертаго Чичикова панъ генераль-губернаторъ.

— Для... для... пользы отечества...—пролепеталъ Чичиковъ.

— То есть какъ это: для пользы отечества?—совсѣмъ какъ баранъ, захлопалъ глазами генераль-губернаторъ. Павелъ Ивановичъ шаркнулъ ножкой, склонилъ не безъ пріятности свою головку и почтительно произнесъ:

— А ей Богу. Если-бы у насъ, въ Россіи, всѣ покупали мертвыя души, то повѣрьте, ваше высокопревосходительство, что въ Россіи не было-бы нищеты, а всѣ были-бы богаты... Ну, вы только разсудите сами, ваше высокосіятельство: что такое мертвая душа? Такъ, дрянъ, гораздо дешевле стоящая, чѣмъ понюшка добраго нюхательнаго табаку. А между тѣмъ, если я владѣю такой дрянью, т. е. мертвыми душами, то я помѣщикъ. Теперь я васъ спрошу, что выгоды для правительства: чтобы не покупать мертвыхъ душъ и быть бѣднымъ, какъ пономарь села Овечій Подгузникъ, или-же разрѣшать покупку мертвыхъ душъ, дабы всѣ могли сдѣлаться состоятельными помѣщиками?

— Гм...—въ раздумьи произнесъ генераль-губернаторъ.—А знаете, что я вамъ скажу, господинъ Чичиковъ? Вы, положительно, не такъ глупы, какъ кажется съ виду.

— О, ваше сіятельство... ваше превосходительство...—запиркалъ толстенными ножками весьма польщенный Павелъ Ивановичъ.

— Такая честь... такая похвала изъ столь высокопоставленныхъ устъ.

И Чичиковъ даже сдѣлалъ весьма пріятный жестъ рукою.

— Откровенность за откровенность, господинъ Чичиковъ. Что-же вы стоите? прошу васъ, садитесь... Видите-ли: лично я держусь того взгляда, что гораздо пріятнѣе имѣть дѣло съ отъявленнымъ, но умнымъ мошенникомъ, чѣмъ съ весьма благонамѣреннымъ идиотомъ.

— „Ловко! Это онъ меня мошенникомъ смазалъ“...—пронеслось въ головѣ Чичикова.

— Но несчастье нашей родины заключается именно въ томъ, что у насъ такъ много высокоблагонамѣренныхъ дураковъ, что, положительно, не хватаетъ мѣста отъявленнымъ, но умнымъ мошенникамъ...—снисходительно бросалъ генераль-губернаторъ.—Впрочемъ, это я такъ... между прочимъ. Обратимся къ дѣлу. Скажите, г. Чичиковъ, что вы скажете, если я вамъ предложу служить мнѣ и, вмѣсто мертвыхъ, приобрѣтать живыя души?

Теперь ужъ Чичиковъ захлопалъ глазами.

— Но, ваше сіятельство...—началъ онъ.—Живыя души стоятъ довольно дорого...—Я справлялся у Манилова, Собакевича, Коробочки, Плюшкина...

— Ха-ха-ха!—загремѣлъ генераль-губернаторъ.—Положимъ, господинъ Чичиковъ, живыя души стоятъ теперь весьма недорого. Чикъ-чикъ—и изъ живой души сейчасъ-же получается мертвая... Прежде, чѣмъ вы затынете вашимъ кануперомъ, я способенъ сто живыхъ обратить въ сто мертвыхъ! Ха-ха-ха!..

— Хи-хи-хи!..—подобострастно залился и Павелъ Ивановичъ.

— Ну-съ, сейчасъ я вамъ объясню, въ чемъ заключается мое вамъ предложеніе...

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) См. № 4 „Зановъ“.

Брызги и занозы.

VI.

(Посвящ. гр. С. Ю. Витте, А. Н. Гурьеву и К°)

На бутерброды девять тысяч *)
 Ассигновалъ графъ Сергій тѣмъ,
 Кто—самъ себя способный высѣчь—
 Готовъ строчить на сотни темъ.

Помимо этой бутербродной
 Сверхсмытной суммы—имъ въ удѣлъ
 Графъ изъ «наличности свободной»
 Дать шестьсотъ тысячъ повелѣлъ.

«Конецъ субсидіямъ, мытарствамъ!»—
 Сказалъ онъ: „Встанемъ на амвонъ
 И будемъ «Русскимъ Государствомъ»
 Давать газетамъ новый тонъ!...“

Сказалъ... Тяпъ-ляпъ! И—дѣло въ шляпъ...
 Пospорь-ка съ органомъ такимъ,
 Когда онъ весь—подобно папѣ—
 Въ глазахъ властей непогрѣшимъ!..

Не органъ вышелъ, а кудесникъ!
 На скачкахъ слова бьетъ рекордъ:
 Гдѣ былъ «Правительственный Вѣстникъ»—
 Тамъ сталъ правительственный спортъ!...

Что день—то новыя затѣи,—
 Благословивъ свою судьбу,
 Литературные жокеи
 Летятъ къ... позорному столбу...

Очки втираютъ, лгутъ умѣло,
 Плодятъ туманныхъ фразъ хаосъ...
 Прекрасно понялъ—въ чемъ суть дѣла—
 Вечерній нашъ офиціозъ...

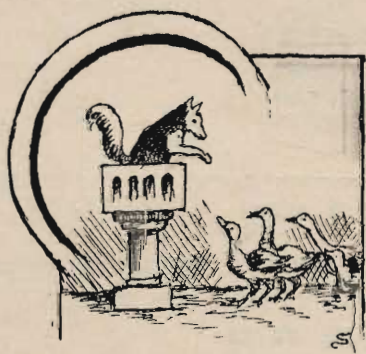
И бутерброды, и оклады!..
 Нетрудно тамъ ихъ взять съумѣть,
 Гдѣ на казенные подряды
 Привыкли денегъ не жалѣть...

Туда, туда—всѣ прожектеры,
 Хамелеоны нашихъ дней,
 Общедоступные фразеры,
 Лакеи выгодныхъ идей!

Подальше спрячьте совѣсть вашу—
 И вы придетесь ко двору:
 Графъ любитъ—«гурьевскую кашу»,
 Графъ льнетъ къ продажному перу!..

Внукъ своего дѣда.

(Продолженіе слѣдуетъ).

**Еще одна жертва правительственного произвола.**

Намъ сообщаютъ изъ вполне достовѣрныхъ источниковъ, что на дняхъ, по распоряженію председателя совѣта министровъ, будетъ арестованъ и привлеченъ къ отвѣтственности по ст. 101, 102, 1535 и др. Улож. о наказаніяхъ, талантливый публицистъ, временно редактирующій новый правительственный органъ: „Русское Государство“ г. Гурьевъ, газета-же приостановлена и типографія Правительственного Вѣстника опечатана, впредь до рѣшенія судебного дѣла въ Спб. судебной палатѣ. Мѣры эти вызваны цѣлымъ рядомъ статей, появившихся въ названной газетѣ, позорящихъ гр. Витте и бросающихъ тѣнь на его честную и открытую дѣятельность, по внутренней политикѣ, для спасенія Россіи. Къ этому добавляють, что по снятіи съ газеты запрещенія и ея выходъ вновь въ свѣтъ, редакторомъ ея будетъ, наконецъ-то, назначенъ г. Кривошлыкъ.

*) См. февральскіе №№ всѣхъ петербургскихъ газетъ.



Повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда смута російская пошла быти и кто первѣе почла на Руси мутитися.

Гл. V.

И прииде смута во храмъ ко іереомъ, и соблазняхуся іереи и книжники и вопяху въ сердцѣ своемъ: „Нѣсть правда доселѣ, имамы днесъ мутитися, да приидетъ правда и благолѣпіе“. Бѣ же ту игумень Арсеній, мнихъ блажененъ, пѣснопѣвецъ и чудотворецъ велій. И рече ко смятеннымъ притчу сію: „Изыде стрѣлецъ стрѣляти стрѣлами смуту. И вонзися единая отъ стрѣлъ во главу крамольную, и помре крамольникъ; иная же пронзи лоно дѣвичье, и лишился дѣва прелести; иная же оскопи мниха, и вопи мнихъ во страхъ:—Горе ми чернцу оскотленному, что имамъ творити, да возвратится утѣшеніе и слава?—Ей-ей глаголю вамъ, такожде и смута оскотитъ умы ваша, спасенія убо лишены есте. Покайтесь, грѣшники, покайтесь крамольники, покайтесь жены смутоносицы, грядетъ бо часъ, во онъ же судомъ судимы будете военнымъ“. И объя страхъ велій главы іерейскія, и престаху іереи мутитися.

Гл. VI.

И бысть ту знаменіе веліе: се прииде отъ злыхъ мѣстъ дѣва блудница Настасія Вальцѣйская ко крамолосѣятелю Григорію іереови и рече: „Отче смятенный! Како дерзаеши крамолу творити, яко и азъ, грѣшница, отъ дѣвъ блаженныхъ откровеніе пріяла есмь и обѣтъ сотворила не усладити ниже крамольниковъ, ниже смутотворителей. Вѣмъ бо, яко царствія небеснаго не обрящеши“. И устраши дѣва она сердце смутьянско, проявился бо сила небесная чрезъ уста блудливия.

(Продолженіе слѣдуетъ).

За лѣтописца Дмитро Гудзь.



Горилла, похищающій
свободу, то бить женщину.

скульптура
Д. Эрмье.



Отъ редакціи.

Нумера „Занозы“ въ оптовой продажѣ высылаются наложеннымъ платежемъ лишь по полученіи задаточной суммы въ размѣрѣ половинной стоимости заказа.

Пробный № высылается за двѣ 7-ми копѣеч. марки.

Рукописи, не принятыя къ печати, не возвращаются. Редакторъ принимаетъ ежедневно, за исключеніемъ праздничныхъ дней, отъ 3 до 4 ч. д.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 г.

еженедѣльный журналъ

художественной сатиры

„ЗАНОЗА“.

Цѣна отдѣльнаго № — 10 коп. безъ перес., съ перес. — 15 к.

Подъ редакціей и при постоянномъ участіи Р. Л. Антропова.

Подписная цѣна: годъ—4 руб., 1/2 г.—2 р.; съ пересылкой во всѣ города Россіи—годъ—5 р., 1/2 г.—3 руб.

Подписка принимается въ редакціи: СМЪ. Итальянская, 27 и во многихъ городахъ Россійской Имперіи.

Поступила въ продажу новая книга изданія С. Д. Новикова

«ДѢТИ УЛИЦЫ!». 1) Малолѣтнія проститутки.

Соч. М. Х. Мукалова. Цѣна 50 коп.

Съ требованіями просятъ обращаться въ главный складъ: Спб., В. Итальянская, д. 27, кв. 16.

Редакторъ Р. Л. Антроповъ.

Издатель С. Д. Новиковъ.

Коммерческая скоропечатня, Пиговская 57



ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САТИРЫ.
Подъ редакціей

Р. Л. Антропова



Вражда партій.

Пѣсни не-Беранже.

VI.

СКОЛЬКО партій!.. Всѣ—враждебны,
Всѣ—одна въ ущербъ другой—
Въ честь себя поютъ молебны,
Выхваляя лозунгъ свой..
Тамъ—„ка-деты“, здѣсь—„эс-эры“,
„Пе-пе-пе“—здѣсь, тамъ—„эс-де“,
Тутъ—„эрь-эсы“ изувѣры

Всюду партія, вездѣ..
И не счесть ихъ, не запомнить
Ихъ размашистыхъ программъ;
Не всегда легко найдѣмъ нить
Мы къ ихъ бьющимъ въ носъ словамъ..
Этотъ—правый, этотъ—лѣвый,
Тотъ—лѣвый, правѣ—тотъ,
Тотъ—дебелой полудѣвой
Къ сердцу центра тажъ и льнѣтъ..

Честить—во всю другого всякъ—
Въ своей враждѣ неистовъ..
Я имъ не врагъ—поэтъ бѣднякъ;
Есть у меня одинъ лишь врагъ—
И тотъ... судебный приставъ!..

Всюду—обыски, допросы..
Пусть!.. Не страшны мнѣ они,
Хоть партійные доносы
Процвѣтаютъ въ наши дни..
Больно жалать, пули-пчелы,
Но еще того больнѣй
Рѣчь воскресшаго Лойолы
Слышать въ партіи своей..
„Цѣль оправдываетъ средства!“—
Говорятъ и, сѣя ложь
Разноцвѣтнаго кокетства,
Подъ полой скрываетъ ножъ..
Эхъ, отцы-иезуиты!
Для чего пойду я къ вамъ?—
Всякихъ партій паразиты
Примелькались глазамъ..

Ни на ножахъ, ни на ножѣ
Ни съ кѣмъ я—взвѣсьте сами:
Какъ мой учитель Беранже,
Живу я въ пятомъ этажѣ—
Почти подъ небесами!..



Жиздаккыя новеллы Боккачіо.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями Романа Доброго.

8. О самыхъ сокровенныхъ чудесахъ и тайнахъ джованнистскаго ордена.

...Королева и всѣ придворные много смѣялись надъ чудеснымъ укрощеніемъ строптивыхъ матросовъ благочестивыми овечками высокочтимаго padre Джованни.

— По истинѣ,—это самый замѣчательный чудотворецъ!—вскричала королева.—Не будете-ли вы любезны рассказать намъ еще что нибудь о padre Джованни и о чудесахъ въ его богоугодномъ заведеніи?

— Съ удовольствіемъ, ваше величество, дамы и кавалеры. Сегодня я расскажу вамъ о самыхъ сокровенныхъ чудесахъ и тайнахъ джованнистскаго ордена. Слушайте. Святое святыхъ этого ордена, его, такъ сказать, сокровенное сredo заключалось въ томъ, что „всякое скаканіе получаетъ достиженіе“ *). Padre-же Джованни подкрѣпилъ уставъ своего ордена слѣдующимъ мудрымъ глаголомъ:

*) Это еще лишній разъ доказываетъ, что Боккачіо описываетъ секту, сходную съ русскими хлыстами.

— Скачите, и обрящете. Ибо въ св. Писаніи, въ главѣ отъ св. апостола Керулярія, сказано:

Живи, да съ дѣвою скачи,
Padre Джованни служи,
Матросовъ праведныхъ люби... *)

Обрядъ скаканія, извѣстный въ сектѣ джованнистовъ подъ именемъ „парадизовскаго („райскаго“—по-русски...) пролитія благодати совокупно“ состоялъ въ слѣдующемъ.

Padre Джованни взбирался подъ самый потолокъ и, въ видѣ огромнаго, цѣпкаго паука—тарантула, распростиралъ свои святые руки.

Въ комнатѣ, уготовленной для пролитія совокупной благодати, находились уже въ большомъ количествѣ члены святой секты джованнистовъ и джованнистокъ.

— Дѣти!—рекъ padre Джованни.—Смотрите внимательно! не пропустите самого интереснаго момента, когда св. Керулярій, въ образѣ первочеловѣка Адама, употребить благодать первоженщины Евы и когда онъ будетъ изображать, какъ кончилось райское блаженство посрамленныхъ грѣшниковъ.

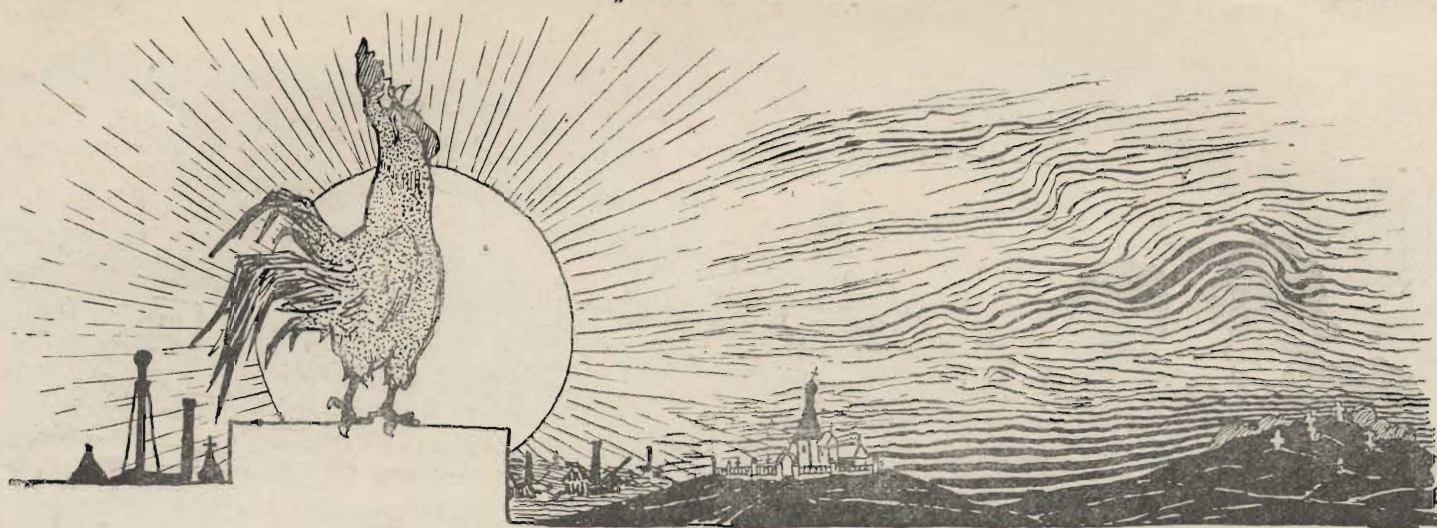
— Не пропустимъ!—хоромъ отвѣтствовали благочестивые джованнисты и джованнистки.—Будьте совершенно покойны, padre.

— Ну, я лѣзу подъ потолокъ... Оттуда виднѣе...—скромно замѣчалъ padre Джованни.—Готовы-ли Адамъ и Ева?... Нѣтъ, дамы и кавалеры, они еще не были готовы. Надъ ними совершали еще обрядъ вѣрные слуги джованнистскаго ордена. Св. Керулярія (изъ разряда пизанскихъ стрѣлковъ) разоблачала красивая Епистимія, взятая на подержаніе изъ монастыря въ Пизу на сей важный случай—обрядъ.

— Неудобно-ли вамъ снять ваши штаны—лосины?—скромно монашески съ лукавой улыбкой приглашала красавица Епистимія.

— Съ превеликимъ удовольствіемъ,—громовымъ басомъ отвѣтствовалъ св. Керулярій, быстро спуская штаны.

*) У Боккачіо въ рукописи неясно это мѣсто. Но какъ это напоминаетъ извѣстный стихъ хлыстовъ!



Доносите—правъ чей пылокъ!—
Придутъ, обыскъ наведутъ,—
Только строй пустыхъ бутылокъ
Въ уголкѣ моемъ найдутъ:
Нѣтъ ни бомбъ, ни прокламацій,
Ничего—нѣтъ у меня,—
Хоть всю жизнь въ честь музъ и грацій
Пѣлъ и пилъ я, ложъ казня...
Враждовалъ порой съ цензурой—
Изъ-за пѣсенъ, да съ женой—
Изъ-за Бахуса,—натурой
Данъ платя и той, и той...
Но и эта миновала
Внѣ партійная вражда;
Безъ нея—скучнѣе стало,—
Но большая-ль въ томъ бѣда?!

Друзей бывшихъ мнѣ не видать.—
Сижу всегда безъ денегъ;
Враги-жъ не придутъ враждовать:
Кому пріятно сосчитать
Сто двадцать шесть ступенекъ!.

Отрѣшился-ль я отъ партій,
Отъ меня-ли всѣ онѣ,—
Всѣ равно!—Безъ всякихъ хартій
Сталъ свободенъ я вполнѣ,—
Самъ-себѣ сталъ властелиномъ:
А какъ съ музою сойдусь—
Хоть съ фонъ-Сиверсомъ, хоть съ Миномъ
И безъ пуля я разочтусь...
Пусть „эсъ-эры“, пусть „эръ-эсы“,
„Це-пе-пе“ пусть, пусть „эсъ-де“,
Прогрессисты, мракобѣсы—
Про меня кричатъ вездѣ,
Что мой правъ—не современный,
Что отъ вѣка я отсталъ,—
Самому-себѣ измѣной
Я себя не запятналъ!.

Пусть ихъ—враждуютъ всѣ и всякъ!—
Вдали отъ октябристовъ.
Я счастливъ—самъ не знаю, какъ...
Вѣдь у меня одинъ лишь врагъ—
И тотъ... судебный приставъ!.

Евстигней Нагайкинъ.



— Теперь снимайте все остальное!—еще лукавѣе шептала красивая джованнистка.

— Къ вашимъ услугамъ, клянусь подметкой и шляпой padre Джованни!—еще веселѣе гримѣлъ св. Керулярій. И вотъ—Адамъ готовъ. Онъ стоялъ передъ Епистиміей во

всемъ своемъ большомъ величьи, полною элегической святости.

— Что прикажете о, святая дѣва, еще спускать?—браво обращалъ онъ къ овечкѣ—„джованнисткѣ“.

Та, оглядывая его критическимъ взглядомъ, ласково шептала:

— Теперь не спускать, а подымать надо выше ваше Адамское величіе. Будете тверды и непоколебимы.

— О, не беспокойтесь, сестра!—галантно расшаркнулся передъ Епистиміей Адамъ—Керулярій.—Еще никто не смѣлъ упрекнуть меня въ томъ, что я былъ не твердъ. Моя первая (о, Господи! какая по счету) жена Ева сію минуту подтвердить вамъ это.

Въ это-же самое время, дамы и кавалеры, приготавлилась и Ева. Ее „разоблачалъ“ („въ чинъ райскій представлялъ“) ражій, огромный карабинеръ, исполнявшій, обыкновенно, обязанность вышибать изъ „горницы сіонскаго блаженства“) всѣхъ незваныхъ, непрощенныхъ...

— Не угодно-ли вамъ, благочестивая сестра, спустить все, что полагается?—строго торопилъ онъ ее.

— Спустить? а Адамъ—святой Керулярій—готовъ?—смѣялась Ева, занимавшаяся дѣланіемъ вѣнковъ, хорошенькая блондинка.

— Одежду-съ, одежду долой! Padre Джованни давно уже ожидаетъ.

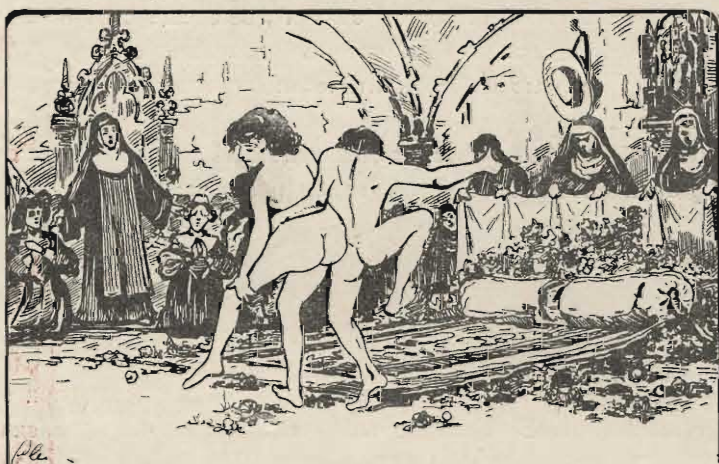
— Я—на легкѣ, нарочно. За мной дѣло не станетъ, любезнѣйшій. Ну-съ, какъ видите, я готова! Похожа на Еву?—съ веселой улыбкой сдѣлала пируэтъ благочестивая сестра.

Карабинеръ даже зажмурился, и сдѣлалъ джеттатуру *).

— Не искушайте меня безъ нужды, клянусь юбкой Sant'ы Mari'i Порфурія!—вскричалъ онъ.

— Пора дѣтки!—послышался строгій голосъ padre Джованни, которому уже надоѣло—въ столь неудобной позѣ—пребывать на потолкѣ.—Пора порадовать во славу мою,

*) Джеттатура—комбинація изъ трехъ пѣвцовъ, которую показываютъ суевѣрные итальянцы тому, отъ встрѣчи съ кѣмъ ожидаютъ неприятныхъ, опасныхъ послѣдствій Рэм. Добрый.



будущаго святого, чьи мощи хотѣлъ открыть при моей жизни Victorio Ferens (Побѣдо-носецъ).

Мигъ—и Адамъ—св. Керулярій, взявшись за ручку Евы—вѣнчницы вошли въ джованнистскую „сіонскую горницу“...

Гряди, Адамъ!
Гряди, Ева.
Не ты, а я дамъ
У сіонскаго древа...

самымъ тоненькимъ фальцетомъ затянулъ достопочтенный padre Джованни *), балансируя на потолкѣ.

...„Ахъ, что такое дѣвство

Когда—во имя Джованни—совершится „дѣйство“, дружнымъ хоромъ подхватили вступленія своего „учителя“ святые овечки.

Глаза ихъ горѣли. Грудь высоко подымалась. Онѣ не сводили своего разгоряченнаго взгляда отъ великолѣпной фигуры Адама—св. Керулярія.

— „Накати благодать, накати
На величіе Адама накати.

*) Гряди, Христе—Адаме..—такъ поютъ наши хлысты.

Сдѣлаи это величіе твердымъ,
Большимъ, сильнымъ, упорнымъ“...

приходя въ экстазъ, почти вижали овечки джованнистки. Ева лукаво улыбалась. Адамъ—св. Керулярій, съ твердой увѣренностью въ силу свою и „мощь адамовскую“ *) шель, гордо поднявъ свою голову.

— Св. сестры! дорогой padre Джованни! ради всѣхъ святыхъ, обитающихъ въ Пизѣ, не волнуйтесь, не безпокойтесь. Ей-Богу, накатитъ благодать. Будьте увѣрены.

И, вдругъ, онъ задорно шепнулъ Евѣ, бѣлокурой красавицѣ.

— Ну, бѣги, а я тебя догоню.

— „Призывайте на помощь мою шляпу, дѣти, не забываютъ чуда съ ней!“ —захлебнулся отъ восторга padre Джованни.

— „Ай, шляпа, ай, шляпа,
Да не будь куляпа“...

Адамъ загремѣло въ „сіонской горницѣ“.

Адамъ догонялъ и, наконецъ, догналъ Еву.

— Ну?!—черезъ минуту ликующе-торжествующе обратился онъ ко всѣмъ „радѣющимъ“.—Хорошо?

— Тебѣ знать лучше...—гремѣло въ отвѣтъ.

Padre Джованни благославлялъ ихъ.

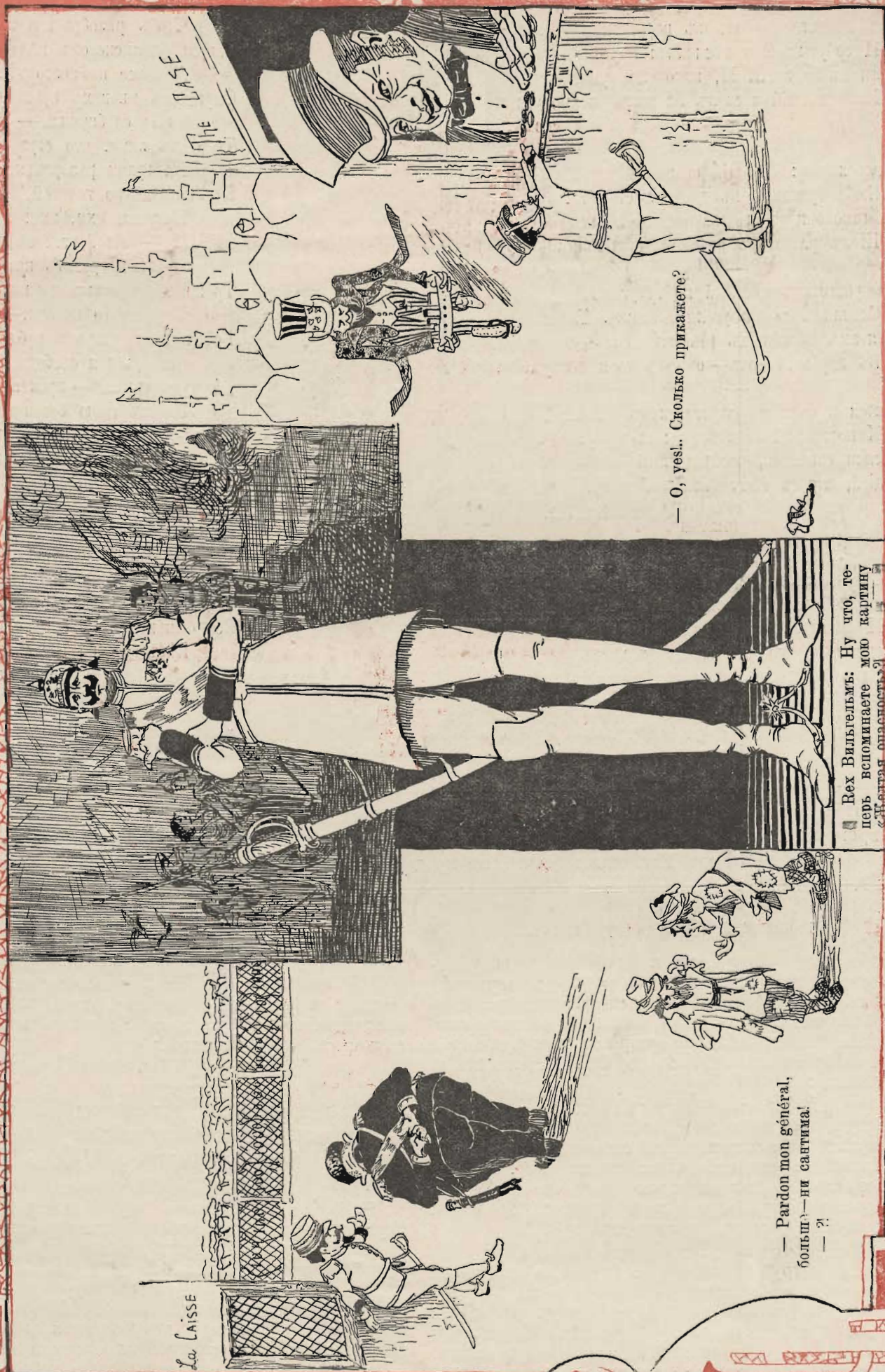
— Во истину пролилась благодать во вѣщую славу мою...—шепталъ онъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) О „мощи адамовской“ свидѣтельствуеетъ библія, откуда Боккачіо, очевидно, и взялъ ссылку сію.



Панорама русско-японской войны.



— O, yes!.. Сколько прикажете?

■ Rex Вильгельм: Ну что, теперь вспоминаете мою картину «Желтая опасность»?

— Pardon mon général, больш... — ни сантим.

* * *

Въ полдневный жаръ, въ
долинѣ Дагестана.
Въ февральскій день, въ Саратовскомъ трактирѣ
Съ субсидіей, что съ Витте взялъ Гапонъ
Матюшенскій сидѣлъ и думалъ онъ, что въ мірѣ
Устроиться нельзя удобнѣе, чѣмъ онъ.

Сидѣлъ мечтательно онъ въ ресторанѣ душномъ
И собутыльники тѣснились кругомъ...
И пили много всѣ... И, наконецъ, упившись,
Матюшенскій заснулъ на мигъ кошмарнымъ
сномъ.

И снилося ему: сіяющій огнями
Кюба трактиръ въ далекой сторонѣ;
Среди гапоновцевъ и ушаковцевъ юныхъ
Шелъ разговоръ веселый въ тишинѣ.

Но въ разговоръ веселый не вступая,
Склонившись въ уголокъ, сидитъ Гапонъ,
О тысячахъ погибшихъ размышлявшій
Въ глубокой сонъ—онъ съ горя погружонъ.

И снится и ему: въ саратовскомъ трактирѣ
Матюшенскій сидитъ, весельемъ упоенъ
И тысячи считаетъ, восхищенный
Субсидіей, что съ Витте взялъ Гапонъ.

Маркъ-Аврелій.

На сѣверѣ дикомъ, въ темницѣ суровой,
Сидитъ одинокій эс-де
И марксовой схемой восторженно бредитъ
И видитъ ее онъ вездѣ.
И снится ему, что на Западѣ дальнемъ,
Въ странѣ, гдѣ марксизма расцвѣтъ,
Эс-деки, съ властями сердечно обнявшись,
Совмѣстно спѣшаютъ на совѣтъ.

Вл. Вѣринъ.



Простецы и фихаксисты.

Вагонъ, вагонъ, еще вагонъ
Отправленъ за границу;
Всѣ—съ грузомъ золота они
Покинули столицу...
Въ Берлинъ? Въ Парижъ?! Богъ вѣсть
—куда...

Чтобъ разобраться въ этомъ,
Сверхъ-финансистомъ надо быть,
А вовсе не поэтомъ!..
Смушаютъ многихъ простецовъ
Такія сообщенья,—
Твердятъ иные, что страна—
На грани разоренья,
Качаютъ хмуро головой,
Несутся, охи, ахи:
„У насъ—застой, застой во всемъ,
Кругомъ грозятъ намъ крахи!..
Трепещутъ по всѣмъ по швамъ карманъ
У русскаго народа,—
Всѣхъ насъ ударила рублемъ
Октябрьская свобода...
„А тутъ еще...“—крещаютъ они,
Забывъ свою безличность:
„Куда-то шлутъ, несутъ, везутъ
Последнюю наличность!..
Сверхъ-финансисты крутятъ усь:
„Нужны намъ займы, займы!
Пошлемъ туда и—намъ дадутъ,
И—вновь попали въ рай мы.
Страна родная процвѣтетъ,
Промышленность воспрянетъ,
Все оживится... Вновь тогда
Вѣкъ золотой настанетъ!..
Не вѣрятъ наши простецы:
„Эхъ! Знаемъ эти штуки!..
Сулите въ небѣ журавля?!
Синицу—дайте въ руки!..
Дебужисъ.

Вслѣдствіи полнѣйшей распутицы, бричка Павла Ивановича Чичикова застряла въ огромной лужѣ. Къ тому времени, какъ выйдетъ № 7 „Занозы“, бричка, будемъ надѣяться, непременно вынырнетъ изъ трясины, и Павелъ Ивановичъ Чичиковъ продолжитъ свои послѣднія походы. Редакторъ.

Изъ записной книжки урядника.

„По случаю полученія приказа отъ г-на уѣзднаго исправника о неуклонномъ моемъ присутствіи на всѣхъ предвыборныхъ собраніяхъ для установленія благонадежности рѣчей и лицъ, оными произносящихся, выписываю нѣкоторыя грамматическія правила о распознаваніи словъ благонадежныхъ и преступныхъ:

I. Слова безусловныя:

1. Безусловно неблагонадежны слова на „уція“ или „юція“, за исключеніемъ слова „протестуція“. Примѣръ: резолюція, конституція и др.
2. Безусловно благонадежны слова на „авіе“, за исключеніемъ слова „равноправіе“. Примѣръ: здравіе, благоправіе, самоуправіе и др.

II. Слова подозрительныя.

1. Очень затруднительно распознаваніе словъ на „еніе“ и „авіе“, ибо оныя бываютъ то преступныя, то наоборотъ. Напримѣръ, преступныя: гоненіе, страданіе, волненіе, воззваніе, возстаніе, усмиреніе, разстрѣляніе и очень много иныхъ. Примѣръ на благонадежныя: терпѣніе, упованіе, смиреніе, ожиданіе и тому подобное христіанское слово.

Примѣчаніе I. При распознаваніи сихъ словъ надлежитъ имѣть въ виду личность оратора.

Примѣчаніе II. А также и слушателей.

2. Менѣе затруднительно распознаваніе словъ на „овка“. Здѣсь надлежитъ лишь помнить, что слова семейныя и военныя благонадежны, напримѣръ: золовка, воровка, винтовка, жидовка, маршировка и прочія; остальные же слова не-

благонадежны, напримѣръ: забастовка, голодовка и др.

III. Слова неудобопонятныя.

Къ таковымъ словамъ относятся всѣ слова на „истъ“, напримѣръ: социалистъ, атеистъ, монархистъ и спеціалистъ, къ каковымъ словамъ вообще относиться съ осторожностью.

Переписалъ Дмитро Гудзь.

Повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда смута россійская пошла быти и кто первѣе почла на Руси мутитися.

Гл. VII.

И бысть, егда внити смутѣ во страну Приморскую во образѣ лѣтописаній діавольскихъ смѣхотворія и погубленія души ради сотворенныхъ, се градоправитель Карангозій, славу велію имый, бѣ предъ нею. Узрѣвъ же сатрапа во гнѣвъ суща, рече ему смута смиренно глаголюще: „Мыслю, о муже воителю, яко смѣхотворія не убоишися, понеже и святіи отшельники во славу Божию усмѣхались. Писано бо есть во дни оны отъ іерарха: Имате свободы чтити, поучатися и усмѣхатися такожде.“ Отвѣщавъ же Карангозій смутѣ, рече: „Умри, сатано, что убо писаніе сіе, егоже небрегоша смутосижидатели: сказано первѣе отъ пророка Вячеславія: казни смуту рокошующую, казни смуту слезы проливающую, паче же казни смуту во ликованіи.“ И повелѣ верзати писаніе во тьму кромѣшную, и не узре свѣта смѣхотворіе, и прославися Карангозій мудростію, зане соблазнися словеса діавольскими и сотвори волю Вячеславія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

За лѣтописца Дмитро Гудзь.

Брызги и занозы.

VII.

Когда къ министру Дурново
Сановникъ нѣкій обратился
Въ совѣтъ вышемъ: отчего
Онъ такъ жестоко ополчился
На всѣхъ поборниковъ свободъ,
Что всѣхъ ихъ давить, душить, бьетъ,
Что обрекаетъ всѣхъ разстрѣлу
Порой во вредъ родному дѣлу?—
Спокоенъ сердцемъ, духомъ свѣтелъ,
Пьеръ Дурново ему отвѣтилъ:

«Въ томъ вина вѣдь не моя,
За другихъ не отвѣчаю!
Не министръ военный я,—
Моя хата вовсе съ краю..
Въ томъ вина—не моя.

Сыгралъ онъ мило роль Пилата,
Всѣмъ образецъ прекрасный далъ,
Какъ надо—чтобъ замять скандалъ—
Кивать на брата и на свата...
Всѣ промолчали на отвѣтъ...
И такъ—вины за Пьеромъ нѣтъ,
Хоть онъ стяжалъ большую славу
За всеросійскую расправу,
За море слезъ, за крови море,
За все страны родимой горе...

Дурново невиненъ, Пьеръ,—
Но отъ васъ мы ждемъ отвѣта,
Господинъ фонъ-Редигеръ!..
Что-жъ вы скажете на это,
Господинъ Редигеръ?!

Внукъ своего дѣда.

(Продолженіе слѣдуетъ).

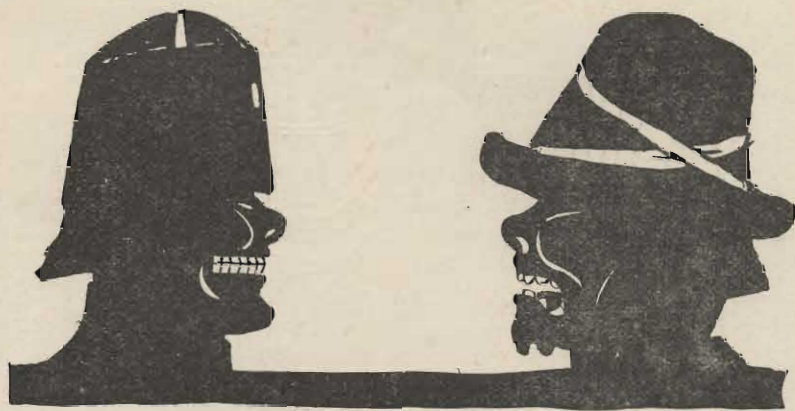


Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ редактора „Занозы“ Р. Л. Антропова за напечатаніе въ № 5 названнаго журнала рисунка съ надписью „Панорама русско-японской войны“. (Газ. „Рѣчь“).

Если это извѣстіе справедливо, то вотъ что я скажу судьямъ милостивымъ послѣ грозно-обличительной рѣчи какого-нибудь великолѣпнаго прокурора:

— „О, судьи милостивые, скорые и правые! Неужели вы вась хватаетъ судейско-гражданскаго мужества судить карикатуру на оригиналъ, который явился передъ взоромъ всей Европы самой поразительной и жестокой карикатурой. Карикатура на карикатуру... Мой Богъ, да что-же можетъ быть невиннѣе этого! Единственно въ чемъ я виновенъ, такъ это въ томъ, что—пройдя 24-хъ часовую типографско-тайно-полицейскую цензуру—не догадался попросить типографа все количество экземпляровъ журнала послать бесплатно по адресу многихъ военачальниковъ русскаго военнаго позорища...

Р. Л. Антроповъ



«Sè non è vero,—è ben bréhata!»*).

Перемѣны и новыя назначенія въ высшихъ правительственныхъ сферахъ.

Министръ финансовъ І. И. Шиповъ, какъ намъ сообщаютъ, въ виду сильнаго желудочнаго разстройства наличности государственной казны, по совѣту берлинскаго профессора г. Мендельсона, покидаетъ свой постъ и отбываетъ на Ривьеру. На его мѣсто премьеръ министромъ гр. С. Я. Витте приглашенъ статсъ-секретарь Безобразовъ, столь прогремѣвшій своими финансовыми операціями при концессіи на рѣкѣ Ялу. Въ помощники къ нему, новымъ товарищемъ министра финансовъ, приглашается бывшій поручикъ л.-гв. сапернаго баталіона, затѣмъ ссыльно-каторжникъ, сахалинецъ, г. Ландсбергъ, не менѣе удачно доказавшій свои блестящія финансовыя способности, получившій одобреніе даже на судѣ, по дѣлу объ убійствѣ имъ, съ цѣлью ограбленія, ростовщика и его прислугу въ 1880 году.

Можно съ положительностью предсказать, что въ такихъ умѣлыхъ и опытныхъ рукахъ пошатнувшіяся русскіе финансы окрѣпнутъ и быстро оправятся**).

Новая эра въ жизни русской женщины.

Графиня М. И. Витте получаетъ назначеніе на новую, специально для нея учреждаемую должность—генераль-инспекторши всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній съ правами товарища министра, замѣняющаго главноуправляющаго вѣдомствомъ, въ совѣтъ министровъ и государственномъ.

Юрисконсультами при ея сіятельствѣ назначается Павлоакій Крушеванъ и московскій присяжный повѣренный Шмаковъ.

Бывшій шлиссельбургскій палачъ, нѣкогда знаменитый Фроловъ***), участвовавшій своимъ, до тонкости доведеннымъ имъ, искусствомъ, во всѣхъ казняхъ за послѣдніе 25 лѣтъ, съ благословенія отца Іоанна Сергіева Кронштадтскаго принялъ монашество и назначается лейбъ-духовникомъ адмирала Дубасова и настоятелемъ церкви при Московскомъ генераль-губернаторскомъ домѣ.

Бывшая артистка французской драматической труппы Михайловскаго театра Г-жа Баллета, уѣхавшая въ Парижъ, къ началу осени возвращается въ Петербургъ, гдѣ намѣрена открыть спеціальныя высшіе курсы французскаго языка по системѣ извѣстнаго лингвиста профессора парижской желтой международной академіи (académie jaune internationale)

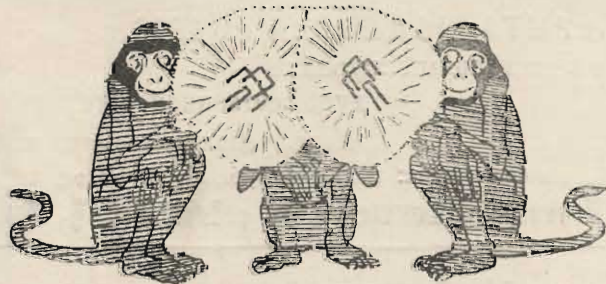
Fairemimi.

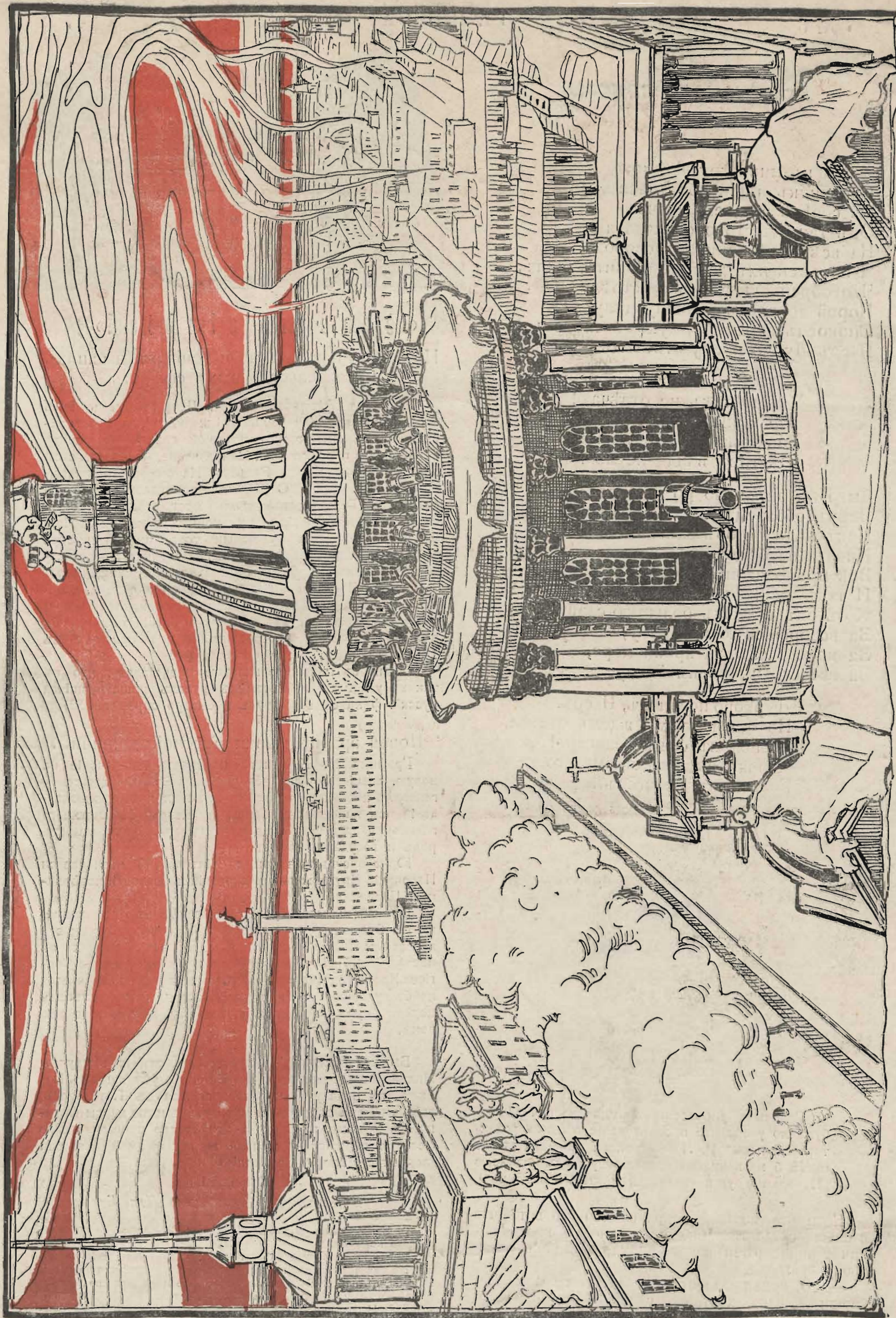
сообщилъ Дж. Буль.

*) Въ русскомъ переводѣ означаетъ: „не люблю—не слушаю, а вратъ не мѣшай“.

**) Примѣчаніе корректора:—въ послѣднее назначеніе не вѣрю. Ни одинъ каторжникъ, даже убійца, не согласится принять на себя, въ настоящія времена, управленіе и руководство русскими финансовыми дѣлами. Это, вѣроятно, утка.

***) Не смѣшивать съ корнетомъ л. гв. коннаго полка Фроловымъ, героемъ 18-го октября 1905. Даже не родственникъ.





ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 г.

еженедѣльный журналъ

художественной сатиры

Подъ редакціей и при постоянномъ участіи Р. Л. Антропова.

Подписная цѣна: годъ—4 руб., 1/2 г.—2 р.; съ пересылкой во всѣ города Россіи—годъ—5 р., 1/2 г.—3 руб.

Подписка принимается въ редакціи: Спб. Итальянская, 27 и во многихъ городахъ Россійской Имперіи.

„З А Н О З А“.

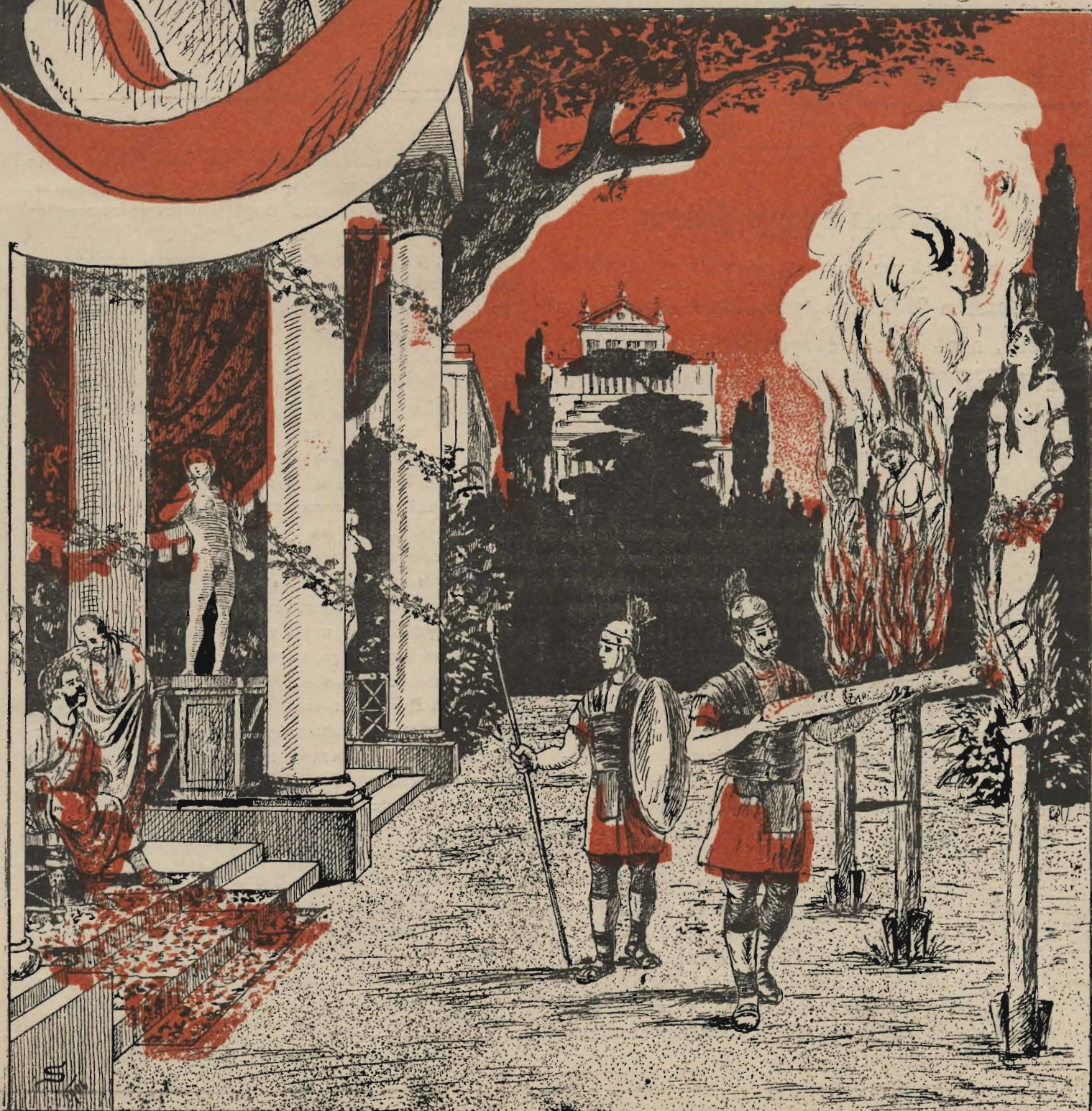
Редакторъ Р. Л. Антроповъ.

Издатель С. Д. Новиковъ.

Коммерческая скоропечатня, Лиговская 57.

№ 7-й

Цѣна 15 к., съ перес. 20 к.



Изъ Календъ проконсула Петровія Дурновіусса.



Просыпался свѣтъ — Народъ богатырь,
Видитъ: поле превращается въ пустырь;
Весь амбаръ заваленъ жадной стаей крысъ —
И откуда, только, въ хлѣбъ вы набрались? —

* * *

На дворѣ нѣтъ ни коровокъ, ни коней,
Въ огородѣ стадо грязное свиней...
Проняла тутъ злость Народушку:
Онъ берется за работушку.

* * *

Онъ пригналъ своихъ коровокъ и коней,
Припугнулъ дубиной пакостныхъ свиней;
Не жалѣлъ свиней тѣхъ русскій богатырь:
Онъ въ животики ихъ то-пырь-пырь-пырь

* * *

Принимался онъ за жадныхъ крысъ,
Приговаривалъ имъ: „брысь! брысь! брысь!“
Истравили вы мнѣ зернышко тутъ въ е-бѣ!“
И ихъ лапоткомъ-то топъ-топъ-топъ!

* * *

Разошелся на работѣ богатырь,
Развернулся во всю мощь свою и ширь...
„Много гаду на Руси моей святой“,
„Всѣхъ васъ выведу, анаемы, постои!“

Н. Ратомскій.



Неиздакхыя новеллы Ъоккачио.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями Романа Доброго

**Новелла 9. О томъ, какъ нѣкій хитроу-
мецъ, подъ видомъ старца Перуджино, попалъ
въ монастырь джованнистовъ, совратилъ шесть
благочестивыхъ овечекъ и отвезъ ихъ въ
заведеніе богомерзскихъ агарянь.**

Королева и всѣ придворные много смѣялись
предыдущей новеллѣ „о самыхъ сокровенныхъ чуде-
сахъ джованнистскаго ордена“.

Дамы стыдливо потупляли глазки, а кавалеры
игриво переглядывались.

— Кому сегодня развлекать насъ? — милостиво
обратилась королева.

— Мнѣ, ваше величество. Сегодня, послѣ долгаго
перерыва, я расскажу вамъ любопытную, забавную
исторію. Слушайте.

„Нѣкій субъектъ, еще молодой, пользующійся по-
зорной славой тайнаго продавца „живого товара“,
который онъ сбывалъ въ учрежденія, называть кои
неприлично, обратилъ свой благосклонный взоръ на
женскій монастырь радге Джованни.“

— Боже мой, — восклицалъ онъ сокрушенно, —
сколько тамъ прелестныхъ юныхъ дѣвъ пребываютъ
мало-производительно! Какимъ великолѣпнымъ ма-
териаломъ онѣ могли бы явиться для меня! Сколько
бы я могъ нажать на ихъ прелестяхъ!

И мысль во что-бы то ни стало похитить бѣд-
ныхъ овечекъ изъ ихъ убожища овладѣла негоднымъ
человѣкомъ съ неудержимой силой.

Но какъ привести планъ въ исполненіе? Какъ
попасть въ монастырь и вкрасться въ довѣріе? Долго
ломалъ онъ голову надъ разрѣшеніемъ этого вопроса.
Наконецъ его осягнуло!

Зная, что молодые мужчины могутъ попасть къ
джованисткамъ только по особой протекціи, тогда
какъ старцы, да еще „святые“, безъ всякой, онъ и
рѣшилъ превратиться на время въ „святого“ старца.
Тутъ надо замѣтитъ, что за послѣдніе годы по всѣмъ
провинціямъ развелось „святыхъ“ видимо-невидимо,
не менѣе, чѣмъ охранно-тайныхъ карабинеровъ.

— Я сдѣлаюсь святымъ старцемъ Перуджино!
Чѣмъ я хуже signor'a Petrovici, выдающаго себя за
архангела Михаила и другихъ?..

Онъ одѣлъ на голое тѣло желѣзныя доски и об-
ручи *), облачился въ грязный, въ засаленный бала-
хонъ, опрыскавъ его настоящимъ галлипольскимъ
масломъ и окуривъ роснымъ ладонемъ. На голову
напялилъ длинно-сѣдовласый парикъ, прицѣпилъ боль-
шую бѣлую бороду и въ такомъ необычайномъ видѣ
явился въ монастырь джованнистовъ.

Передъ обителью — по случаю ожидаемаго прибы-
тія радге Джованни — толпилась масса народу.

При видѣ Перуджино, изъ огромной толпы вдругъ
выдѣлилась одна молоденькая женщина съ весьма
округленнымъ животомъ, подбѣжала подъ его благо-
словеніе и источнымъ голосомъ возопила:

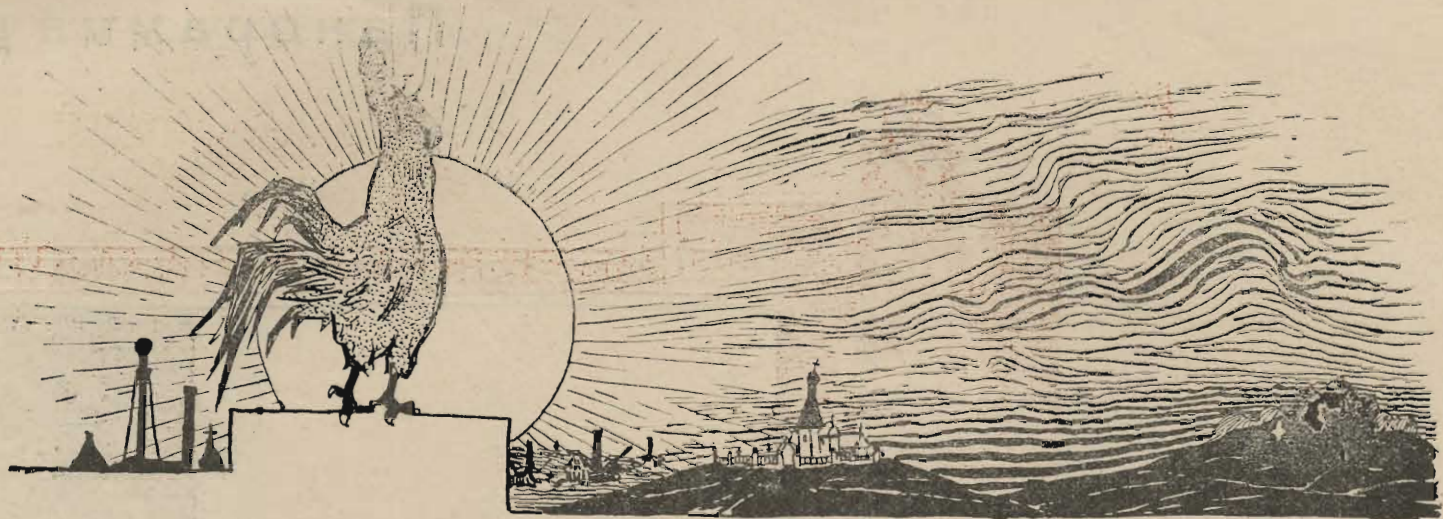
— О, святой старецъ, прозри и предекажи, кого
я рожу: дѣвочку или мальчика?

Въ толпѣ наступила благоговѣйная тишина. Всѣ
взоры были устремлены на Перуджино.

Перуджино смутился, но сейчасъ же возвелъ очи
горѣ.

Наконецъ послышался его голосъ, которому онъ
старался придать старческій отблескъ:

*) Вродѣ русскихъ „веригъ“.



Отрывокъ изъ рѣчи на проводахъ одного губернатора.

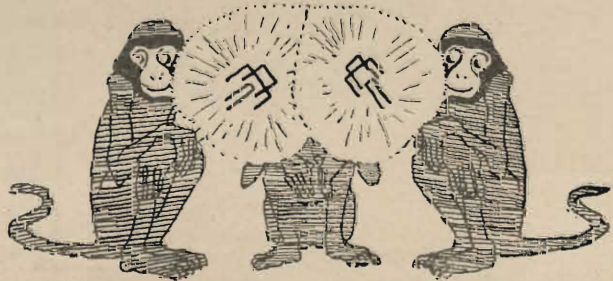
Россію Западъ и донинѣ
Поносить варварской страной...
Судя по нынѣшней картинѣ,
Пожалуй, враль онъ небольшой...
Разъ столько лѣтъ режимъ подобный
Открыто могъ существовать,
Такъ не насмѣшкой только злобной
Тотъ взглядъ приходится считать....

Бомба.

Послѣднее средство.

Въ Думѣ Государственной имѣ, со всѣхъ сторонъ
На трибуну лавившимъ, всѣ кричали: „вонъ!“
Но они лишь пятились, исполняя вѣрную
Службу самовластью, наглость непомѣрную
Высказавъ, не двинулись къ выходу... Теперь
Отворить приходится передъ ними дверь,
И подъ ручку вывести, безъ членовредительства,
Каждое, нейдущее вонъ, превосходительство.

Н. А. П.



— Запомни же, женщина, что я тебѣ скажу:
если ты не родишь дѣвочку, — то родишь
мальчика, если же не родишь мальчика, —
то родишь дѣвочку.

Всѣ умилились душой. Чудо было на лицо. Правда,
какой-то уличный мальчуганъ громко фыркнулъ, но
откуда-то моментально появившіеся карабинеры бы-
стро возстановили порядокъ въ народѣ.

Матери-настоятельница, утомленной послѣ укро-
щенія трехъ взбунтовавшихся матросовъ, китроуменъ
елейно заявила:

— Вотъ и я, „святой“ старецъ Перуджино, со-
брался къ вамъ, голубыни мои чистыя! На счетъ,
значить, того... этого... настоященія.

— Наставленія? — въ искупѣ, истинно вскричала
достопочтенная настоятельница. — Помилосердствуйте,
padre Перуджино, мы и такъ устали... Ужъ мы и такъ
наставляли, на единственный путь истинный. Шутка ли:
цѣлый флотскій экипажъ усмирить своимъ бунтовщи-
ческимъ волненіемъ!

— Сіе зачтется вамъ всемо не въ примѣръ про-
чимъ монахинямъ... — продолжалъ журчать Перу-
джино. — Однако, я все-жъ бы хотѣлъ убѣдиться,
сколь сильны въ устахъ монашеской вѣры сестры
ваши благочестивыя.

— Что-жъ, padre Перуджино, идите въ келлі...
Побесѣдуйте съ моими овечками... Я—благословляю
васъ на сей подвигъ... Добро дѣло сіе есть! Хитро-
умцу „Перуджино“ только этого и надо было. Ли-
кующій, подсмѣиваясь въ привязную бороду, началъ
обходить онъ келлі джованистокъ. Заглянетъ въ одну

келлі, узрѣтъ лико неподобающее — и сейчасъ же вонъ
оттуда.

— Молись, молись, — сурово говоритъ онъ.

Но лишь только на чего изъ келлі глянетъ хо-
рошенькое, моподеньков личико, съ лукаво веселыми
глазками, съ задорной улыбкой, онъ говоритъ:

— Здравствуйте, возлюбленная сестра моя, во
свѣ. Бонифаціи, Керулярии и padre Джованни! Имѣю
бесѣду вести съ вами по предмету зѣла назидатель-
ному. Грядите въ келарню!

И такимъ-то образомъ изъ шести келлі извлекаетъ
онъ шесть милосидныхъ джованистокъ.

Собрались онѣ въ келарнѣ, подсмѣиваются, пере-
глядываются, душуются.

— Откуда явился этотъ новый старецъ? Стран-
ный какой-то сѣдой, сгорбленный, а глаза — такъ
и жгутъ, такъ и просятся въ душу. И зубы какъ
бѣлые... и губы красныя... Не походить совсѣмъ на
схимника...

И вдругъ въ чистой, свѣтлой „гарницѣ“ раздался
рѣзкій, суровый голосъ Перуджино:

— А что вы здѣсь дѣлаете, въ сей обители, се-
стры мои?

— Спасаемся, св. отецъ... стараемся... плоть
умерщвляемъ... потупили взоры овечки.

— А что за сіе получаете? — еще грознѣе про-
должалъ Перуджино.

— Надеждѣ на право войти въ рай на томъ
свѣтѣ.

— О, идотки! — загремѣлъ Перуджино. — Неужели
вы на столько глупы и грѣшны, что довольствуетесь
только этимъ? Такъ знайте же: всякій человѣкъ и
на семъ свѣтѣ долженъ что-либо получать за труды
свои. Слушайте же меня: долѣ всякой подвижницѣ...

Панорама русск



и всякого подвижника наставить на свой путь истины какъ можно больше людей, нуждающихся въ сладости истины. Если вы достигаете этого, вы и на сехъ свѣтѣ получаете благодарность за труды свои. О, сестры мои! Есть страна, именуемая Турціей, населенная богомерзскими агарянами, безбожниками. Какъ эти бѣдные, темные люди нуждаются въ „водѣ живой“ чистаго ученія! Кого спасете вы здѣсь за вашими стѣнами?.. Ни кого! а тамъ... тамъ, среди агарянъ, вы могли бы содѣять чудеса святого миссіонерства... Сколькихъ невѣрныхъ вы могли бы привлечь на ваше лоно истинно-монашескаго ученія. „не то оскверняетъ человѣка, что входитъ въ него, а то, что исходитъ“... О, сестры! не пугайтесь дальности пути и невѣдомости страны! тамъ — сладостно живетъ. Въмѣсто этихъ черныхъ флюбуковъ и похо-

роннаго платья вы будете ходить въ золотой одеждѣ. Тамъ монастыри „утѣшенія нуждающимся“, куда я васъ зову и отвезу, блестящи, красивы, какъ рай земной... Тамъ фонтаны, золото, лакомства, утѣхи...

— А за что все сіе? — изумились обрадованныя, разгорѣвшіяся джованистки.

— За то, что вы будете наставлять нечестивыхъ агарянъ на свой путь истины. Что-жъ, согласны вы ѣхать со мной? Только объ этомъ — ни кому ни слова!

— Согласны! — хоромъ отвѣтили монашки-джованистки.

... Ночью, хитроумный Перуджино похитилъ и увезъ въ далекую страну агарянъ шесть очаровательныхъ джованистокъ.

Черезъ мѣсяцъ онѣ были въ роскошныхъ зера-

СКО ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ.



ляхъ-гаремахъ, гдѣ и наставляли на свой путь исти-
ны толстыхъ падишаховъ.

.....
Мать настоятельница джованистской обители
вскорѣ получила посылку.

Въ ней оказались: парикъ и сѣдая борода Перу-
джино съ запиской такого содержанія:

— „Святой Перуджино, обрившись, посылаетъ
достопочтенной матери-настоятельницѣ, на память о
его чудесномъ появленіи въ ея монастырѣ, свои
власы и сзую бороду. Вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ своей
обязанностью поблагодарить мать-настоятельница за
отличную подготовку шести овечекъ на путь наста-
вленія, въ чемъ онѣ оказались весьма искусны“.

(Слѣдующая новелла въ № 8).





Дослужился!

Меж черной сотней и правительством
Онъ юридически былъ сводней;
Гордась его превосходительствомъ,
Ликують черти въ преисподней.
Пусть проклятъ въ Думѣ Государственной
Недавно онъ предъ всей страной,
А угъшенъ благодарственной
Отмѣткой, данной Сатаной...
Гремить въ аду немолчный хоръ:
„Днесъ Павловъ — адскій прокуроръ!“
Ж-ж-ж-бацъ-бацъ.

Діалоги.

Учитель географіи (на экзаменѣ, ученику). Скажите, чѣмъ славится Выборгъ?

Ученикъ. Выборскими кренделями.

Учитель. А еще чѣмъ?

Ученикъ. (ковыряя въ носу) Последнимъ засѣданіемъ Государственной Думы.



Последнія похождения Чичикова.

(Случайно упавшія — отъ сожалѣнія Гоголемъ — страницы его знаменитой поэмы „Мертвыя души“ *).

ГЛАВА III *).

— Да съ, такъ я и говорю вамъ, господа Чичиковъ: охота вамъ возиться съ такой дрянью, съ позволенія сказать, какъ съ мертвыми душами! — пзрядной, но снисходительной октавой рекъ павъ генералъ-губернаторъ.

— Ваше сіятельство... ваше высокопревосходительство... — залепеталъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, обдергивая фракъ пвѣта наварикскаго дыма съ искоркой. — Не по карману живыя души: дороги онѣ, можно сказать, до удивительности. А у меня — жена, пять челоуѣкъ дѣтей...

— Ха-ха-ха! — залился павъ генералъ-губернаторъ. — Это живыя-то души теперь дороги! А знаете — вы ужъ не обезсудьте на добромъ словѣ — ваша матушка, когда васъ пожала, такъ навѣрное была не умнѣе поцовой чухи... Да что-жъ, мошенникъ вы эдакій-сякой, чинче денегте живыхъ душъ? Вангъ кануперъ — а пички! — добрый табакъ! — и тотъ дороже. Такъ вотъ что я вамъ скажу: побалтайте вы въ брничѣ вашей опять и къ Манькову, и къ Коробочкѣ, и къ Ноздреу, и къ Плюшкину и начните покупать у нихъ и живыхъ и мертвыхъ инвентаръ. За гроши отдадутъ: Ну, а потомъ... сюда забѣдиль, мошенникъ... Понимаешь? по-ни-ма-ешь?..

— Ваше высоко-сіятельство... — радостно шлепнулся толстыми ляжками и колѣнями о превосходительный паркетъ Павелъ Ивановичъ.

— А я вотъ тебя, на всякій случай, мандатнымъ листочкомъ снабжу. На, держи!

Чичиковъ взялъ благоговѣйно, прочелъ и захлопалъ глазами.

— То-есть убей Богъ мою душу, — не знаю, на какомъ бисовомъ языкѣ слово сіе значителъ... — началъ лотѣтъ Павелъ Ивановичъ.

* См. № 4 и 5 „Записки“.

* *) Распределение главъ по рукописи Гоголя, а до умерщвленія „презвѣтливой“ цензуры.

А на мандатѣ стояло одно слово:

— Про-во-ка-торъ.

„Хорошо, если онъ меня только мошенникомъ смазалъ, аттестуетъ, а что, если и того хуже?“ — закончилосъ въ его напомаженной головѣ.

...Черезъ часъ, снявъ и упаковавъ фракъ въ чемоданъ, Чичиковъ вызжалъ изъ гостинницы на брничѣ. Селифантъ важно сидѣлъ на облучкѣ.

— Эй, вы, шершавые бисовы дѣти, стеронисе! Ни кого пибудъ везу, а самого пана — провокатора! Егъ, можно сказать, поважите любого генерала будеть... — лихо кричалъ Селифантъ, подбоченясь гоголемъ.

И вотъ — снова поля, поля... родимыя степи. „Ахъ, чортъ васъ возьми, какъ хороши вы, степи!“

IV.

— А могу я видѣть господина Плюшкина? — съ очаровательной граціей, колыхая толстенькимъ брюшкомъ и дѣлая притыный жестъ рукой, обратился Павелъ Ивановичъ къ грязной толстой бабѣ въ посконномъ сарафанѣ, которая чесала мѣсто, не къ почти будъ помянутое.

Баба испуганно шарахнулась въ сторону и почему-то засопѣла.

— Енъ... а енъ на сѣновалѣ схоронился... — отвѣтила наконецъ послѣ долгаго пристраиванія Чичикова, пугливая баба. — А ты кто будешь? а? може — драгунъ, али казакъ?

— О, лѣтъ, очаровательная женщина, — улыбулся Чичиковъ, я не казакъ. Развѣ казаки ходятъ въ партикулярномъ платьѣ? Я — про-во-ка-торъ!

И лишь только Павелъ Ивановичъ произнесъ это важное слово, какъ раздался испуганный плачь и ревъ бабы, устремившейся во дворъ:

— Ховайтесъ, люди добрі, а то же новая бѣда: павъ губернаторъ до насъ прѣхалъ.

Чичиковъ покалъ плечамъ.

— А и необразованность же какая! — сплюнулъ важно съ лозель Селифантъ.

Чичиковъ, слѣзши, пошелъ во дворъ...

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).



НАЧАЛЬСТВО.

Здравомыслящій русскій народъ,
Подчиненный порядку сызмальства,
Съ уваженьемъ глядитъ на господъ
И считаетъ ихъ всѣхъ за начальство.

Онъ къ начальству издревле привыкъ,
Передъ нимъ не достоинъ бахвальства,

И любой согласится мужикъ:
— „Невозможно никакъ безъ начальства!“

Если въ шею ему наладетъ
Предержащая власть изъ нахальства,
Нашъ мужикъ оправданье найдетъ:
— „Что подѣлаешь!—воля начальства!“

Всевозможный чиновничій сбродъ
Практикуетъ надъ нимъ всѣ канальства...

Брѣшко чешетъ затылокъ народъ,
Говорить: „для того и начальство!“

Терпѣливъ-же нашъ русскій народъ,
Подчиненный порядку сызмальства!
Если власть съ него шкуру сдеретъ,—
Говорить онъ: „нельзя безъ начальства!“

Р. Ратомскій.

„Se non e vero, — e ben bréchato“.

I.

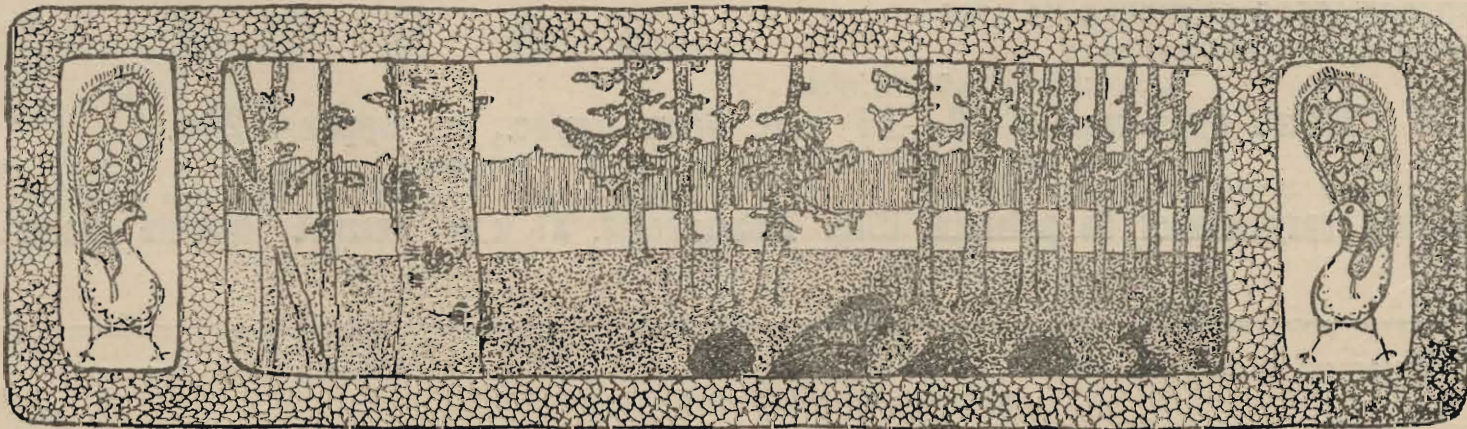
Намъ сообщаютъ, что, бывший во время русско-японской войны, главноуполномоченнымъ Краснаго Креста, нынѣ Екатеринославскій губернаторъ, камергеръ Александровскій, на дняхъ, принимая объѣздъ своей губернии, для ревизии, издалъ приказъ о немедленномъ снятіи и уничтоженіи на всѣхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ, паромныхъ пристаняхъ, въ публичныхъ садахъ и др. мѣстахъ большого скопленія публики, вывѣшенныхъ предохраняющихъ ашлаговъ и плакатовъ съ надписью: „остерегаться карманныхъ воровъ“.

II.

Намъ пишутъ изъ Москвы, что адмиралъ Дубасовъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Петербургъ а затѣмъ за границу, издалъ распоряженіе о снабженіи, какъ чиновъ жандармеріи и полиціи, такъ и войскъ, назначаемыхъ въ карательныя экспедиціи, настоящими „электро-сусеизоріями“, такъ щедро рекламированными его другомъ и приятелемъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Сувориннымъ, въ своей либеральной газетѣ „Нов. Время“. Мотивомъ къ такому распоряженію послужило, по словамъ московскаго побѣдителя, замѣченное имъ и другими начальствующими лицами, сильное переутомленіе и даже полное физическое истощеніе въ рядахъ дѣйствовавшихъ на усмиреніе лицъ и чиновъ, вызванное ретивымъ желаніемъ ихъ создать новое и консервативное поколѣніе въ мѣстностяхъ посланки карательныхъ и слѣдственныхъ экспедицій, взамѣкъ повышенныхъ, разстрѣленныхъ и иными путями убитыхъ крамольниковъ и бунтарей.

Средства на приобрѣтеніе всѣхъ этихъ довольно цѣнныхъ аппаратовъ, должествующихъ сильно послужить увеличенію народонаселенія въ Россіи, сухопутный адмиралъ Дубасовъ приказалъ собрать наложеніемъ особаго налога на всѣхъ женщинъ и дѣвицъ, живущихъ въ районѣ его генералъ-губернаторства, какъ наиболѣе, и нравственно, и физически, заинтересованными въ проведеніи этой, благотворительствующей ихъ, мѣры.

Сообщилъ Дн. Буль.





ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ №№—комплекты (съ 1-го по 5) журнала „Занозы“ можно получить въ конторѣ—редакціи. № 6—увы!—подвергся мучительной операціи: онъ кастрированъ тупыми административными ножницами, вслѣдствіи чего и потерялъ всякую правоспособность *Sit ei terra levis!*

Слѣдующаго № „Новеллы Боккачіо“ будутъ помѣщаться съ иллюстраціями и начнутся печатаніемъ „Послѣдніе похождения и подвиги донъ Кихота Ламанчскаго“ (по рукописи дона Магуэля Сервантесса-да-Сааведра)

Нумера „Занозы“ въ оптовой продажѣ высылаются наложеннымъ платежемъ лишь по полученіи задаточной суммы въ размѣрѣ половинной стоимости заказа.

Пробный № высылается за двѣ 10-ми копѣеч. марки.

Рукописи, не принятыя къ печати, не возвращаются. Редакторъ принимаетъ по вторникамъ и пятницамъ отъ 3 до 4 ч. д.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1906 г.

еженедѣльный журналъ

художественной сатиры

Цѣна отдѣльнаго №—15 коп. безъ перес., съ перес.—20к.

Подъ редакціей и при постоянномъ участіи Р. Л. Антропова.

Подписная цѣна: годъ—4 руб., 1/2 г. —2.; съ пересылкой во всѣ города Россіи—годъ—5 р., г. 1/2 3 руб.

Подписка принимается въ редакціи: Спб. Итальянская, 27 и во многихъ городахъ Россіи

Редакторъ Р. Л. Антроповъ.

Типографія М. Михайловой Фонарный пер. № 9.

Издатель С. Д. Новиковъ.

„З А Н О З А“

ДК262
.R9

№ 8-й

Цѣна 15 к., съ перес 20 к.



ЖУЗЯ
ЖУЗЯ

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САТИРЫ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Р. АНТЮГОВА.



„Не-ждали“ по Рѣпину.



(Роскошный кабинетъ. Ночь. Является тѣнь Плюшкина).

Тѣнь.

Слышишь ли перьевъ скрипучихъ рулады?
Это чиновники пишутъ... доклады,
Въ коихъ, ужъ какъ по традиціи водится,
Все къ одному знаменателю сводится:
Буде, молъ, въ случаѣ мысли появятся,
Каждому мѣры въ обязанность ставятся
Строгія, быстрыя къ ихъ престѣченію,
Дабы не вняли всѣ новоученію...

Голоса студентовъ

Ахъ, безтолковые вы, безголовые!
Мысли полезныя есть, хоть и новыя.

Голосъ Сыра-Прѣснаго

Распорядитесь за эти дерзанія
Всыпать горячихъ имъ всѣмъ въ наказаніе!
(Свѣтаетъ. Утренній гвалтъ).

Фабричный гудокъ.

Тру-у-дно и де-е-шево...
Что ужъ хорошаго!

Зубовный скрежетъ пролетаріевъ.

Безъ работы мы, безъ хлѣба!
Наровимъ, стащить намъ гдѣ-бы...

Окрикъ:

Цапъ-царапъ за шиворотъ
И карманъ на выворотъ!

Приказъ:

Трамъ-тара-рамъ!
Чистить городъ по утрамъ!
Быть при этомъ неотлучно!
Помнить: все благополучно!

Галдѣнье деревенскихъ „авосекъ“

Господи праведный!
Всходъ зерна скаредный!
Денегъ нѣтъ вовсе!

Басъ Держи-Морды

Къ поррркѣ гоговсья!!!

Жиздакхыя новеллы Боккачіо.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями Романа Доброго.

Новелла 10. О томъ, какъ у двадцати женщинъ и дѣвушекъ выросли хвосты.

... Королева и всѣ придворные много смѣялись предыдущей новеллѣ.

— Кому сегодня развлекать насъ? — милостиво обратилась королева.

— Мнѣ ваше величество. Сегодня я расскажу вамъ, какъ у двадцати дѣвушекъ и женщинъ выросли хвосты. Слушайте. Случилось такъ, что вся наша страна была объята неслыханной смутой. Вслѣдствіе различнѣйшихъ политическихъ несогласій и борьбы партій, возгорѣлась всеобщая борьба, настоящая междоусобная война, въ которой наши пейзажи приняли, конечно, большое участіе.

Чтобъ подавлять „мятежъ“, въ различныя мѣстечки и деревни посылались войска.

Такъ какъ солдаты, на получаемое ими жалованье—тридцать центезимовъ въ мѣсяцъ—не могли приобрести ласкъ продажныхъ прелестницъ, — они были очень голодны голодомъ любовныхъ утѣхъ и не мудрено, что, попадая въ деревни и мѣстечки, они, при видѣ пейзажковъ воспалялись страстью и, случалось, насильно овладѣвали ими.

Не избѣгло, дамы и кавалеры, посѣщенія воинскаго отряда и мѣстечко Il Golopurio (Голопупіе), насчитывающее всего сорокъ душъ. Когда вѣсть о приближеніи бравыхъ карабинеровъ достигла его, всѣ обитатели подняли тревогу. Въ особенности были устрашены женщины и дѣвушки.

— Горе намъ!—поднялся ихъ плачъ.—Придутъ и надругаются надъ нами... А развѣ для нихъ блюли мы свою чистоту, невинность?

Уныніе, плачъ, вой и стоны повисли въ воздухѣ.

Мужчины рѣшили собраться и обсудить положеніе вещей.

Первымъ заговорилъ почтенный „старѣйшина“ мѣстечка Голопупіе Vavilio *).

— Я такъ полагаю, **) что бояться намъ нечего за себя, потому что вины за собой мы никакой не знаемъ: мы не бунтовщики, а мирные, но бѣдные земледѣльцы.

— Вѣрно!—согласилось собраніе.

— А вотъ насчетъ, значитъ, бабъ и дѣвокъ нашихъ, это того... опасно...

— Двистительно..

— А какая же за ними вина-то? —выскочилъ впередъ горячій молодой пейзажъ Романіо.

— А и глупъ-же ты, Romanio. —снисходительно сплюнулъ Вавиліо. —Какая за бабами вина? А та, значить, и вина, что онѣ бабы. Чортъ имъ велѣлъ бабами родиться!.. А теперь вотъ ихъ сладость и берегай...

Послѣ долгаго обсужденія было рѣшено прибѣгнуть къ слѣдующей хитроумной комбинаціи ради спасенія „бабей сладости“: всѣхъ красивыхъ бабъ и хорошенькихъ дѣвушекъ переодѣть мужчинами, а всѣхъ молодыхъ парней обрядить бабами. Съ плачемъ и воемъ одѣвали мужскіе штаны бабы и дѣвицы, оскорбленные въ лучшихъ своихъ чувствахъ, и съ улыбкой—юбки и кофточки молодые парни.

*) Рѣдчайшее имя, соответствующее русскому Вавилъ.

**) Такъ какъ у Боккачіо весь этотъ діалогъ ведется на крестьянскомъ жаргонѣ, то и мы будемъ придерживаться престопаго говора.



Дѣдъ Велемудръ. (Трясетъ толстой бородой).
Свѣта! По-больше правдиваго свѣта,—
И неурядица кончится эта!

Отецъ Наврихандритъ.

Отверженцу плаха!!
Въ той жизни мученье,
Бойкотъ! Отлученье!!

Дѣдъ Велемудръ.

Ну, это, братъ, дудки!
Оставимъ мы шулки,
Давайте ка вмѣстѣ
Обсудимъ по чести:
Не будетъ-ли кстати
Свобода печати?

Амбразурный комитетъ.

Его если слушать,—
Намъ некого скушать!!

Селедочная команда.

Ого! Куда мѣтитъ!
Коль гласность освѣтитъ
Всю мутную воду,—
Лишимся доходу!!

Дѣдъ Велемудръ.

Найдутся доходы,
Найдется всѣмъ дѣло,
Лишь мысли свободы
Не ставьте предѣла:
Лишь только начнется
Въ умахъ просвѣтленье,—
Вдругъ совѣсть проснется.
И нѣтъ преступленья!



— До чего довелъ насъ св. Керулярій! — въ ужасѣ шамкали почтенныя старушки. — До какого позора! Дѣвицы — и вдругъ въ мужскіе штаны лѣзутъ!!

Скоро мѣстечко Голопуіе преобразилось: въ ожиданіи карабинерскаго посѣщенія, двадцать дѣвицъ и женщинъ, въ мужскихъ рубахахъ и штанахъ, стояли у вѣзда въ мѣстечко на колѣнахъ, держа въ рукахъ изображенія свв. Керулярія, Бонифація и padre Джованни, а двадцать парней, въ видѣ молодыхъ, сидѣли на заваленкахъ и шелкали орѣхи.

— Тра-тара-та-та та! — загремѣли трубы и показались первые ряды отряда.

Съ суровымъ видомъ подѣхалъ къ коленопреклоненнымъ „пейзанамъ“ начальникъ отряда, молодой хорошенькій офицеръ — карабинеръ.

— А? что? бунтовать? — загремѣлъ онъ.

— Ахъ, signor офицеръ, неправда это: какіе-же мы бунтовщики, если изображеніе padre Джованни чтимъ? — въ голосъ проговорили смиренно „пейзане“.

Робкій, покорный, совсѣмъ не воинственный видъ „бунтовщиковъ“ смутилъ, обезкуражилъ и смягчилъ „грознаго“ усмирителя.

Онъ повернулся къ своему адъютанту и съ улыбкой промолвилъ:

— Кажется, на этотъ разъ почтенный губернаторъ Ротра-Dura забилъ тревогу зря и совершенно напрасно обезпокоилъ насъ. Ну, что дѣлать... Надо намъ здѣсь сдѣлать привалъ, отдохнуть.

И, обратившись къ своимъ солдатамъ, онъ отдалъ приказъ:

— Во-о-ль-но!..

Съ радостнымъ, довольнымъ смѣхомъ спѣшились brave карабинеры, подъ покровомъ надвигающейся ночи.

Они ратовались вдвойнѣ: во-первыхъ, мирное настроеніе бунтовщиковъ не призывало ихъ къ дѣйствію, а во-вторыхъ, и это „главное“ — ихъ рысьи плутоватыя глаза охватили фигуры сидящихъ у своихъ домовъ женщинъ.

— Эхъ, славная будетъ пожива! — шепнулъ одинъ карабинеръ другому.

— Правду говоришь, товарищъ! Смотри: какія все рослыя, сильныя дѣвки и бабы! И должно быть, не очень пугливыя, податливыя. А не удивительно и то: ишь всѣ ихъ мужики какіе слабые, низкорослые, гдѣ-жъ имъ такихъ красавицъ ублаготворить!..

Начальникъ со своимъ адъютантомъ, сопровождаемые низкимъ поклонами „старѣйшины“, направились въ его домикъ.

Карабинеры, по положенію „вольны“ — начали вести себя, дѣйствительно, вольно.

Гурьбами они устремились туда, гдѣ развѣвались подолы цвѣтныхъ юбокъ „пейзанокъ“.

— Ну, молодухи, на помощь къ вамъ явились! Встрѣчайте ласково дорогихъ гостей, не будьте спѣсивы, угощайте насъ, чѣмъ св. Керулярій награди васъ.

— Чѣмъ насъ онъ награди, то про себя бере-

ПАМЯТИ МИХАИЛА ЯКОВЛЕВИЧА



Есть общественные дѣятели, нравственный обликъ которыхъ настолько чистъ, свѣтелъ, обаятеленъ, что въ оцѣнкѣ ихъ сходятся люди различныхъ взглядовъ, убѣжденій, лагерей.

Къ числу такихъ „друзей человѣчества“, безспорно, принадлежалъ и Михаилъ Яковлевичъ Герценштейнъ, этотъ благородный первый ходокъ отъ Москвы въ первый російскій парламентъ, которому пришлось засѣдать если не на вулканѣ, то на цѣлоу, кажется, „пулеметной ротѣ“.

Предательски-подлый выстрѣлъ въ Теріокахъ отнялъ отъ народа прекрасную, многополезную жизнь.

Официально, Герценштейнъ былъ московскимъ депутатомъ, а на дѣлѣ—всеросійско-народнымъ, ибо то, за что онъ ратовалъ, боролся,—есть нужда всего народа.

Эта великая „пужа“—земля. Это—то, по чемъ илachtet кровавыми слезами вся страна, то, что вызываетъ, вкупѣ съ требованіемъ „воли“, кроваво-мрачную нынѣшнюю переоцѣнку цѣнностей.

— Земли! земли! — доносится уже давно жалобно-скорбный, пудный, за душу хватающій стонъ изстрадавшагося голодомъ великаго народа.

И за мирное отвоеваніе для народа земли всталъ во всю величину своего недюжиннаго таланта и знанія благородный, бѣдный Герценштейнъ, за которымъ благодарная память потомства должна сохранить титулъ „пѣвца земли“.

— „Земля для тѣхъ, кто хочетъ работать на ней, кто долженъ трудиться“...—вотъ краеугольный камень его аграрнаго credo.



Горе отъ ума.

Современная трагикомедія.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

(На дачѣ Фамусова въ Ораніенбаумѣ).

Лиза (одна).

Ночь близится; заря ужъ догорѣла...
Надъ сонною водой молчитъ далекій боръ...

Дождусь-ли моего пострѣла?

Махнетъ-ли онъ опять ко мнѣ черезъ заборъ?

Здѣсь пикого не встрѣтивъ при удачѣ,
Въ бесѣдкѣ посидить мой миленькій дружокъ...
Какъ Фамусовъ уснетъ, какъ смолкнетъ все на дачѣ,
Въ открытое окно онъ сдѣлаетъ прыжокъ,
И въ спальнѣ будетъ ждать меня въ постели мягкой.
(На голосъ Фамусова идетъ къ двери, прислушивается).

Вернулся старый пѣсѣ... Постои-ка тамъ, потявкай!
Я потомлю тебя.

Фамусовъ (за дверью).

Пусти скорѣй къ себѣ!

Лиза (про себя).

У, лысая, смѣшная образина!

Фамусовъ (за дверью же).

Журишь? Не привыкать, Лизокъ, къ твоей журьбѣ...

Пусти-же! Съ фруктами корзинка

Въ моихъ рукахъ. Миѣ тяжело

Держать ее. Вѣдь, какъ на зло,

Не отворяешь двери, душка!

(Лиза отворяетъ дверь. Входитъ Фамусовъ, ставитъ корзину на столъ предъ Лизою, оглядывается и нюхаетъ воздухъ).

ЛЕВИЧА ГЕРЦЕНШТЕЙНА



Съ огромнымъ знаніемъ земельного вопроса, во всеоружіи неопровержимой стальной логики, обуреваемый большой тоской по бѣдному темному брату, старался онъ съ депутатской трибуны провести въ жизнь величайшій билль — билль земельный.

На встрѣчу его рѣчамъ, такимъ дѣльнымъ, образнымъ, горячимъ раздавались изъ „министерской логики“ какіе-то мало-связныя, робко-туманныя реплики лицъ, готовыхъ, кажется, всю необъятную Русь обратить въ одну гигантскую канцелярію съ милліонами „входящихъ“ и „исходящихъ“. Тутъ, въ Думѣ, столкнулись двѣ силы: одна — въ лицѣ энтузіаста-борца за землю — Герценштейна и другая — мрачная, темная, и какая-то облызлая — въ лицѣ бюрократическихъ Аристарховъ, доведшихъ Россію до нищеты и неслыханныхъ военныхъ позорищъ.

За послѣднее время бѣдное яркими общественными дѣятелями, фигура покойнаго Герценштейна особенно выдѣляется.

То, за что онъ душу свою положилъ, — святое дѣло: земля. Герценштейнъ, не русскій по происхожденію, хотѣлъ сдѣлать русскому мужику больше, чѣмъ это могъ бы сдѣлать природный русскій.

И кровь его, пролитая убійцами, должна считаться веѣми, кто любитъ свою родину истинной, не фарисейской любовью. Настанетъ, будемъ вѣрить время, когда борцамъ за народное счастье и благо будутъ посылать не пули, а благословенія страны...

Р. А.



Лиза.

Что нюхаешь?

Фамусовъ.

Здѣсь былъ Петрушка!

Ты принимаешь, кажется, его?
Сопровождалъ въ Парижъ онъ Дурново,
Вернулся въ Питеръ... При большомъ умѣньи
Ему-бъ служить въ охранномъ отдѣленіи,
Такъ — нѣтъ! Задумалъ наставлять рога
Съ тобою мнѣ. Смutilась ты? Ага!

Лиза.

Вотъ выдумалъ?

Фамусовъ.

О! знаю шашни эти.

Я въ Государственномъ Совѣтѣ
Не даромъ же всезнающимъ слыву...

Хоть въ засѣданьяхъ сплю, сны вижу на яву...

Радѣю Трепову, какъ кумъ радѣть куму.

Мы Государственную Думу

Не нынче — завтра сокрушимъ.

Мой Дмитрій Ѳедорычъ съ умомъ хоть небольшимъ,
Но, какъ гласятъ враги, съ огромнѣйшимъ бахвальствомъ,

Сталъ даже здѣсь теперь надъ многими начальствомъ.

Онъ властнымъ тономъ говоритъ,

И передъ нимъ тамъ на корточкахъ

Иные ползаютъ, мечтая о подачкахъ...

Диктаторомъ онъ будетъ. Важный видъ,

Глаза на-выкатъ... Поведетъ глазами,

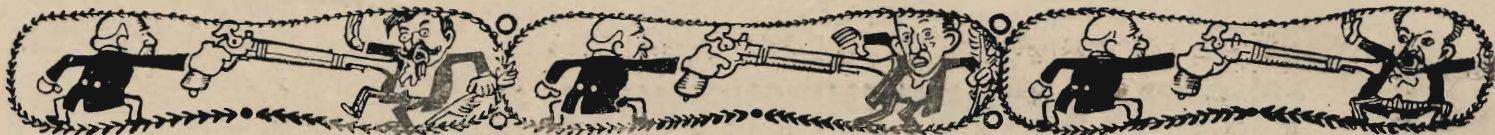
Да шевельнетъ кручеными усами...

Лиза.

Столоверченъемъ занять, норовить

Чертей перехитрить

Людоедовъ.



Бюрократическій хоралъ.

(Въ минорно-мажорномъ тонѣ).

1.

Артель «ненужныхъ дѣлъ».

Гей, вы, ну-ли,
Что заснули!
Всѣхъ по стрункѣ подтянули.
Если дальше такъ пойдетъ,
Животы всѣмъ подведетъ!..

2.

Артель «Шемякина».

Еле-еле духъ нашъ въ тѣлѣ:
Сводъ законовъ мыши съѣли!

3.

Артель «пропавшихъ шансовъ».

Долгу!.. Долгу!.. Милліоны!..
Скоро спустимъ панталоны!

4.

Артель «надменная».

Маршъ впередъ! Маршъ впередъ! —
Храбрая команда.
А кто къ рюмкѣ подойдетъ,
Тому выпить надо!

5.

Артель „приморская“.

„Нелюдимо наше море,
День и ночь шумитъ оно...“
А у насъ большое горе:
Мы безъ лодокъ всѣ давно!

6.

Артель «народнаго потемнѣнія».

Черезъ пень вали колоду!
Не до грамоты народу...

Н. Р.

Status presens.

Реакція захлопнула
Капканъ прогрессу ярому:
Беззвучно Дума лопнула,
И все пошло по—старому.

Цитаты изъ Некрасова.

Прочь! Гнушаюсь вашихъ узъ!
Проклинаю процвѣтающій,
Всеберущій, всехватающій,
„Русско-истинный“ союзъ!

2.

Лишь слово „воспрещается“,
Что на столбахъ встрѣчается,
Да вывѣски питейныя
Осталось читать!

Поэтъ.

жемъ!—съ хохотомъ отвѣчали „очаровательныя пейзажи“.

— Да будетъ... чего ломаться... Коли добромъ не далеге, силой возьмемъ! — лихо покручивая усы, заигрывали и приставали бравые карабинеры.

Огни ужъ зажглись... Темная ночь уже спустилась...

То здѣсь, то тамъ раздавался подавленный шопотъ любовныхъ голосовъ карабинеровъ:

— Да брось... Не томи... Полно мучить... Отдайся..

— Ахъ, не могу... И рада-бы, да боюсь...

— А чего боишься-то, дура?..

— Своего боюсь... Охъ, не трогай, не щекоти..

— А коли такъ, такъ я силой...



И вдругъ въ разныхъ мѣстахъ послышались улюлюканья, свистъ и промелькнуло нѣсколько фигуръ мчащихся „пейзанокъ“, за которыми неслись погоней бравые карабинеры.

— Не убъжишь, стой, догонимъ... — раздавалось въ ночномъ воздухѣ

Черезъ нѣсколько минутъ въ мѣстечкѣ Голопупіе происходило нѣчто по истинѣ удивительное. Съ разныхъ сторонъ, съ околицы, бѣжало нѣсколько бравыхъ карабинеровъ съ перекошенными отъ страха лицами.

— Хвостъ! хвостъ! — неся ихъ испуганный крикъ.

Опрометью добѣжали они до „квартиры“ своего начальника и, забывъ правила воинской дисциплины, ворвались въ нее.

— Спасайтесь, господинъ офицеръ: дѣвольское мѣсто это, здѣсь живетъ нечистая сила!

— Что такое!? — грянулъ военачальникъ карабинеровъ. — Что за дѣвольщину вы порете?!

— Имѣемъ честь доложить, что здѣсь у всѣхъ бабъ хвосты. Мы стало-быть, съ карательной цѣлью освидѣтельствовать ихъ пожелали, а у нихъ — хвосты...

Начальникъ карабинеровъ почему-то сконфузился и поглядѣлъ съ сожалѣніемъ и злостью на разостланную и смятую перину

Тра-та-рата-та... — гремѣли трубы поспѣшно уходящаго отряда усмирителей..

(Слѣдующая новелла въ № 9).



Послѣдкія походекія Чичикова.

(Случайно уцѣлѣвшія—отъ сожженія Гоголемъ—страницы его знаменитой поэмы „Мертвыя души“ *).

ГЛАВА V.

* Очутившись во дворѣ, Павелъ Ивановичъ Чичиковъ не безъ неудовольствія дрыгнулъ ножкой:

— А и придетъ же человѣку такая поносная мысль, что онъ вдругъ возьметъ да и спрячется на сѣноваль! И гдѣ только я его—да будетъ легко его матушкѣ—найду?

— Отзовитесь, достоуважаемый господинъ Плюшкинъ! Я же все равно знаю, что вы спрятались на сѣноваль!—закричалъ Чичиковъ, стараясь придать своему голосу напесладчайшую нѣжность.

На дворѣ—ни звука, тишина... Слышно было, какъ чесался боровъ о собачью будку и какъ сопѣла баба въ грязномъ сарафанѣ.

— И съ чего вамъ, достолюбезнѣйшій, пришла охота играть въ прятки?—надсаживался Павелъ Ивановичъ.—Мы точно дурни дѣти разыгрались...

— А вѣнъ тамъ...—указала заскорузлой рукой баба на высокій амбаръ.

Чичиковъ обрадовался. Замѣтивъ лѣстницу, онъ моментально схватилъ ее, и приставивъ ее къ амбару, отважно полѣзъ по ней, колыхая толстымъ брюшкомъ.

— Сдавайтесь же, господинъ Плюшкинъ, теперь вы отъ меня не уйдете!—кричалъ Павелъ Ивановичъ.

Достигнувъ крохотной дверцы, похожей на заслонку, Чичиковъ храбро пихнулъ ее своей толстой ножкой, махнулся въ отверстіе дыру и сейчасъ же получилъ два удара: одинъ въ лобъ, другой—въ атласно-пробритый подбородокъ.

На него грозно были устремлены ухватъ и длинная кочерга.

Держа эти страшныя оружія въ обѣихъ рукахъ, стоялъ Плюшкинъ съ перекошеннымъ отъ страха лицомъ, трясущійся, въ засаженномъ балахонѣ-халатѣ и въ высокомъ колпакѣ.

— А то чтобъ васъ чортъ такъ же поцѣловалъ!—вскричалъ Павелъ Ивановичъ, вскочившій на сѣноваль, потирая ушибленные мѣста.

— Не подходи... убью!.. разбойники!.. проклятые... душегубы!..—грозно потрясая трясущейся рукой ржавую кочергу, шамкалъ Плюшкинъ.

Чичиковъ захопалъ глазами.

— Это я-то разбойникъ? И „душегубъ“? И, Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, которому вчера еще панъ генералъ-губернаторъ ручку подалъ и въ чинъ провокатора произвелъ? Да Богъ съ вами, достопочтеннѣйшій, не скушали ли вы на ночь чего нибудь обременительнаго? Такъ вы возьмите—ахъ, хорошее средство!—пять листовъ сушеной крушины...

— А-а-а... а зачѣмъ вы сюда ко мнѣ забрались?—немного отошелъ Плюшкинъ, подозрительно вперея свои глазки въ брюшко Павла Ивановича.

— А дозвольте васъ спросить, вы зачѣмъ достоуважаемый, сюда залѣзли?—заколыхался, пріятно ослабившись, Чичиковъ.

— А во первыхъ, сударь мой, вамъ какое до сего дѣло, а потомъ, батюшка, по нынѣшнимъ временамъ не только на сѣноваль, а и къ бабѣ подѣ подолѣ залѣзешь!

Чичиковъ разсмѣялся дробнымъ смѣхомъ.

— А признаюсь, достоуважаемый, сіе послѣднее было бы пріятнѣе: не надо бы такъ высоко лѣзть ни вамъ, ни мнѣ. Однако, я имѣю съ вами объясниться по разговору весьма важному и пріятному. Но согласитесь, достоуважаемый, что тутъ объясняться, какъ будто, не по чину и благородству двухъ почтенныхъ столбовыхъ дворянъ... Не спустимся ли мы пониже?

— А... а тамъ никого нѣтъ?..—чрезвычайно опасливо и подозрительно просипѣлъ Плюшкинъ.

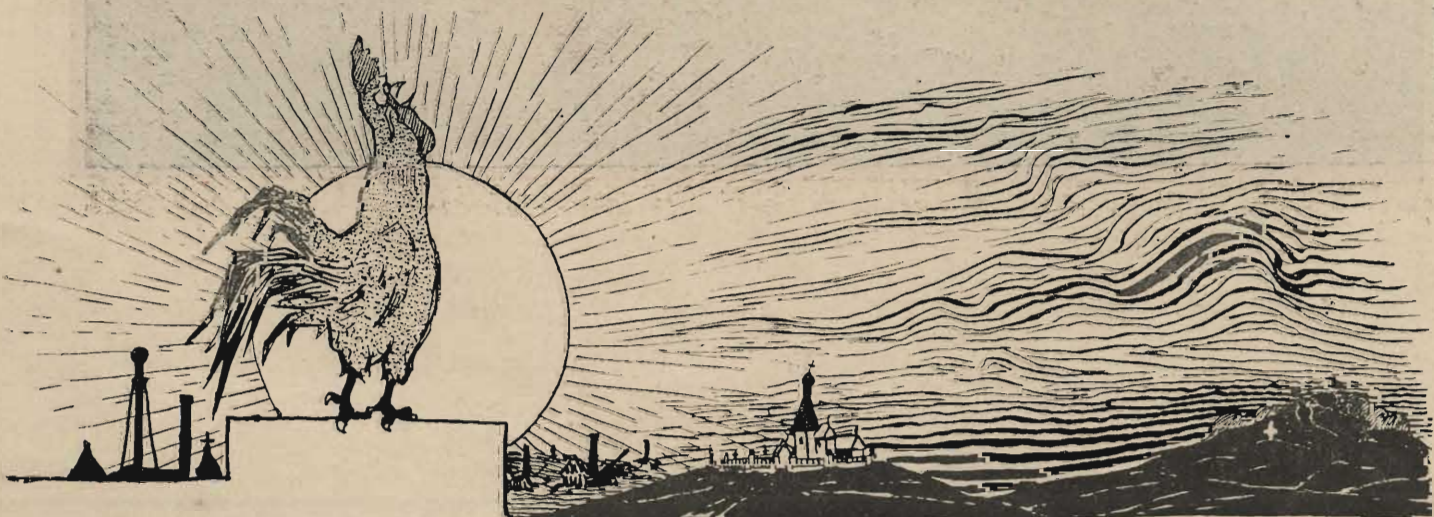
— Никого кромѣ вашей очаровательной домогравительницы... Да вотъ неугодно ли: удостовѣрьтесь!

Чичиковъ и Плюшкинъ высунули свои головы изъ дверцы сѣновальни, при чемъ Плюшкинъ судорожно ухватился за задъ Павла Ивановича. На дворѣ продолжала стоять баба и все такъ же сосредоточенно чесала одно мѣсто.

— Баба! баба!—закричалъ Плюшкинъ.—Гаскрой пошире подолѣ своей поневы, чтобъ со стороны злой человѣкъ не увидѣлъ, какъ мы спускаться будемъ...

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).

*) См. №№ 4, 5 и 7 „Занозы“.



„Разгромъ усадьбы“.

Картина ответственность редакцій.



№ 9-й

Цѣна 15 к., съ перес. 20 к.



Хлѣба, безъ зрѣлищъ!!





Много знатнаго пароду
 Пришлелося на совѣтъ:
 Дать-ли полную свободу,
 Какъ обѣщано? Иль нѣтъ?
 Не собрать-ли снова Думу
 Изъ довѣренныхъ людей?
 — Что въ нихъ толку? Словопреня
 Заведутъ они опять...
 — Вотъ, мечать отъ „усмотрѣнья“
 Посторонняго изъять!
 — Что вы! Это невозможно:
 Везъ того вся пресса вретъ:

Съ прессой надо осторожно,
 Чтобъ не „думалъ“ зря народъ...
 — Все равно, онъ жжетъ помѣстья,
 Лучше-жъ „думаетъ“, пускай!
 — Да, со всѣхъ сторонъ извѣстья,
 Что въ волненіи цѣлый край!
 — Ну, такъ вотъ, что: надо мѣры
 Энергичныя принять—
 Пулеметы, револьверы,
 Чтобъ аграрниковъ унять!
 — Вона! Экъ куда хватили!
 Тутъ совѣмъ другой фасонъ...

Жизненные новеллы Ёоккаіо.

(Подъ редакціей и съ примѣчаніями Романа Добраго).

Новелла 11. О томъ, какъ губернаторъ Ротра-Dura попался самъ въ сѣти, разставленныя имъ для другихъ.

... Королева и всѣ придворные много смѣялись предыдущей новеллѣ о двадцати женщинахъ съ хвостами.

— Кому сегодня развлекать насъ? — милостиво обратилась королева.

— Мнѣ, ваше величество. Сегодня я расскажу вамъ о томъ, какъ губернаторъ Ротра-Dura попался въ сѣти, разставленныя для другихъ. Слушайте. Случилось такъ, что въ городъ Пизу, охваченную междоусобными смутами и волненіями, губернаторомъ былъ назначенъ Ротра-Dura.

Что сказать вамъ о немъ, дамы и кавалеры? По знѣшности, по характеру, по глубокомысленно-административнымъ мысленіямъ онъ какъ двѣ капли воды походилъ на всѣхъ иныхъ губернаторовъ. Былъ изященъ, упитанъ, благообразенъ, носилъ бѣлыя штаны и трехъуголку съ плюмажемъ и непоколебимо вѣрилъ, что стоитъ ему издать какой-либо эдиктъ, какъ сейчасъ же въ его провинціи возстановится полнѣйшій порядокъ и вся страна будетъ спасена.

Была, правда, одна черта въ его характерѣ, которая отличала его если не отъ всѣхъ, то отъ иныхъ губернаторовъ: онъ не могъ равнодушно видѣть ни одной хорошенькой женщины. Бѣлаго женолюбца, какъ Ротра-Dura, трудно было сыскать. Это-то обстоятельство и погубило бѣднаго Ротра-Dura.

Явившись въ Пизу, онъ буквально засыпалъ ее новеллами и эдиктами. На стѣнахъ домовъ, на заборахъ, на крышахъ и даже на трубахъ забѣлѣли печатныя ротра-дур'овскія воззванія къ населенію, въ которыхъ онъ дошелъ до такой отеческой заботливости, что приказывалъ гражданамъ ложиться въ постель со своими женами ровно въ 8 ч. вечера и послѣ этого часа не смѣть показывать носа на улицу.

Начальнику карабинеровъ было предписано зорко слѣдить за точнымъ исполненіемъ этого эдикта.

Несмотря на столь кипучую дѣятельность, Ротра-Dura скучалъ и тосковалъ. Днем и ночью ему мерещился образъ какой-нибудь черноокой красавицы, съ крошечными ножками, съ атласной, горячей грудью, съ плутоватой улыбкой на пурпурныхъ устахъ.

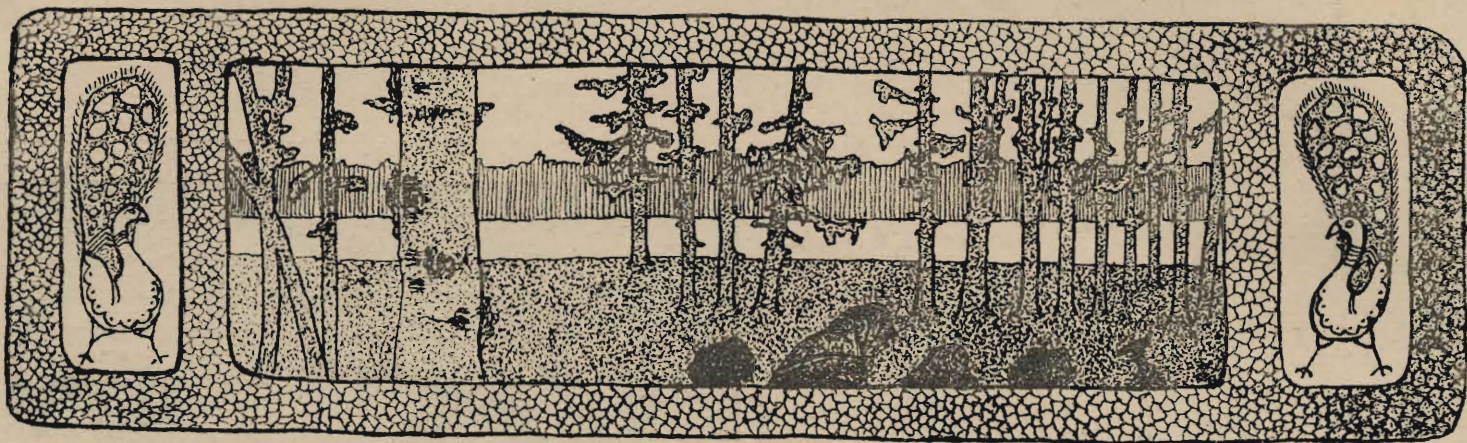
— Гм...—вырывалось у Ротра Dur'a.—Новеллы и эдикты напрасно селятся возстановить порядокъ... въ мсемъ сердцѣ.

Какъ быть? обратиться къ помощи и услугамъ своихъ молодыхъ совѣтниковъ для особыхъ, секретныхъ порученій? Конечно, они сейчасъ бы розыскали для него первѣйшую пизанскую красавицу. Но.. но будетъ ли это ловко? Такое тревожное, чуть не осадное положеніе, и вдругъ порученіе столь щекотливаго свойства...

Ротра-Dura даже аппетитъ потерялъ.

Но скоро, дамы и кавалеры, счастливый случай пришелъ на помощь къ изнывающему губернатору.

Однажды, на приѣмѣ горожанъ, приносящихъ ему свои петиціи, къ Ротра Dur'у подошла стройная, очаровательная женщина. Обдавая его взглядомъ черныхъ, жгучихъ глазъ, съ робко почтительной улыбкой она представилась ему.



Много-ль этимъ укротили?
Потеряли лишь персонъ!
— Какъ идти напротивъ вѣка,
Противъ всѣхъ разумныхъ нормъ.
Противъ права человѣка?—
Невозможно безъ реформъ!!!
— Но, позвольте-ка, иначе,
Возразилъ ему Удавъ,
Можно какъ нибудь иначе,
Безъ особенныхъ тамъ правъ...
— Либераловъ безобразныхъ
Сжать на первыхъ же порахъ,

Чтобы мыслей этихъ разныхъ
Не являлось о правахъ!
— Плохо то, что эти мысли—
Какъ ужъ тамъ ни говори—
Словно въ воздухѣ повисли
Повсемѣстно, чортъ дерн!..

Такъ они поговорили,
Не рѣшивъ ни да, ни нѣтъ,
Но сигаркѣ закурили,
И... окончили Совѣтъ.

Гусь лапчатый.

— Я—вдова, Фульвія Галли. Мой мужъ недавно умеръ. Обстоятельства дѣла, о которомъ я ходатайствую, изложены вотъ въ этой петиціи. Я прошу вашей защиты и вашего покровительства, ваша еччеленція.

Ротра-Dur'a даже въ жаръ бросило. Какая красота! вотъ она, его греза!

— О, signora Фульвія!—вскричалъ губернаторъ.— Вы говорите о защитѣ. Но развѣ мои карабинеры плохо защищаютъ горожанъ и въ особенности горожанокъ? Что касается моего покровительства, то это... это зависитъ всецѣло отъ вашего желанія. Съ своей стороны я — счастливъ... Я... я сейчасъ же лично рассмотрю ваше дѣло. А адресъ вашъ здѣсь указанъ? — съ особымъ удареніемъ спросилъ ликующій губернаторъ.

— О, да...—еще задорнѣе улыбнулась очаровательная вдова.

...Весь день Ротра-Dur'a былъ самъ не свой и даже—о, чудо padre Джованни!—не издалъ ни одного эдикта.

Лишь только наступилъ поздній вечеръ, Ротра-Dura призвалъ къ себѣ начальника карабинеровъ и кратко приказалъ ему:

— Вотъ что, любезнѣйшій: сегодняшней ночью могутъ быть волненія на главной площади. Поэтому стяните туда со всѣхъ улицъ всѣ охранные патрули. Главнымъ образомъ снимите карабинеровъ съ улицы св. Керулярія: тамъ все спокойно, увѣряю васъ.

— Слушаю-съ... — отвѣчалъ удивленный начальникъ карабинеровъ.

— „Ну, теперь я могу попасть къ очаровательной Фульвіи никѣмъ не замѣченный“... — радостно пронеслось въ головѣ губернатора.

Онъ облачился въ широкій черный плащъ, и тай.

комъ, крадучись, вышелъ съ задняго хода своего дворца, попалъ въ садъ, перелѣзъ черезъ рѣшетку и, оглядываясь пугливо по сторонамъ, поспѣшно направился въ улицу св. Керулярія, къ дому очаровательной вдовы.

— Клянусь шляпой padre Джованни, а вѣдь безъ этихъ милыхъ карабинеровъ гораздо пріятнѣе, тише и безопаснѣе!—шепталъ про себя Ротра-Dura.

...Что происходило въ хорошенькомъ домикѣ вдовы Фульвіи,—неизвѣстно, дамы и кавалеры. Это, безусловно, была губернаторско-вдовья тайна, но судя по тому, что Ротра-Dura возвратился раннимъ утромъ, можно предположить, что свиданіе было продолжительнымъ, что Ротра-Dura, очевидно, обстоятельно старался удовлетворить желанія очаровательной вдовы; если же принять во вниманіе, что Ротра-Dura довольно посмѣивался, дрыгалъ ножкой, а утромъ великолѣпно позавтракалъ, то станетъ ужъ несомнѣнно что дѣло со вдовой было окончено успѣшно.

...Такъ продолжалось нѣсколько вечеровъ и ночей. Ротра-Dura каждый вечеръ мѣнялъ диспозицію охранныхъ патрулей, всегда, однако, съ такимъ расчетомъ, что улица св. Керулярія оставалась свободной отъ карабинеровъ.

Однажды (это было въ шестой вечеръ таинственныхъ путешествій губернатора) Ротра-Dura безпечно шагаль по направленію къ домику вдовы.

Бѣдный, бѣдный Ротра-Dura! Онъ не замѣчалъ, что слѣдомъ за нимъ, изъ-за угла, зашагала огромная, мрачная тѣнь.

Шагъ за шагомъ, она слѣдовала за женолюбивымъ губернаторомъ.

Вотъ Ротра-Dura вошелъ въ домъ. Прошло съ полъ-часа и вдругъ улица св. Керулярія огласилась грозными звуками военныхъ трубъ.



Таинственная тѣнь сбросила съ себя плащъ. Теперь стоялъ во всемъ великолѣпнѣи, грозный начальникъ карабинеровъ. Моментъ,—и раздалась его грозная команда спѣшившимъ со всѣхъ сторонъ карабинерамъ:

— Эй,-эй! Со всѣхъ сторонъ окружить этотъ кварталъ! Занять всѣ выходы и входы этого преступнаго, страшнаго дома! Здѣсь находится опаснѣйшій инсургентъ!!!

— Тра-та-ра-ра-та!—загремѣли трубы, зафыркали лошади, зазвенѣло оружіе.

Изъ оконъ высунулись головы въ колпакахъ уstraшенныхъ мирныхъ горожанъ.

— Св. Бонифацій, опять облава! Это — хорошо: вотъ какъ заботится о нашемъ покоѣ и безопасности нашъ мудрый Pompa-Dura.

— Ломать двери!! — гремѣлъ начальникъ карабинеровъ.—Рразъ! два! оружіе—тотъ-о-овъ! Изъ оконъ не выпускать! охранять окна!:



Трахъ!! дверь съ шумомъ разлетѣлась подъ прикладами ружей и огромная толпа карабинеровъ ворвалась въ комнаты вдовы Фульви.

— Сдавайтесь! спасенія нѣтъ! если не сдадитесь мирно, откроемъ огонь!—ревѣлъ начальникъ, пробѣгая комнату за комнатой.

Вотъ и послѣдняя.

На порогѣ, трясаясь отъ страха и злобы стоялъ въ одной рубашкѣ, но съ треуголкой на головѣ „страшный инсургентъ“ — губернаторъ Ротра-Dura. Вдали виднѣлась легкомысленно одѣтая фигура плачущей вдовы.

— Ав... ва ва... Нѣтъ, что вы со мной сдѣлали?!!! —прохрипѣлъ Ротра-Dura.

(Слѣдующая новелла въ № 9).



Здравый смысл.

Здравый смысл на гастроляхъ.

Шутка въ 1-мъ дѣйстви.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Здравый Смыслъ — молодой энергичный человекъ, держитъ себя серьезно и смѣло.

Умъ — отецъ его, бритый старикъ въ хрылаткѣ и ветхой шляпѣ à la Пушкинъ.

Наука — мать Здравыхъ Смысла, эффектная, „бальзаковская“ барыня.

Прогрессъ — оригиналь съ расчесанною на двѣ стороны бородой; хромаетъ, одѣтъ англійскимъ велосипедистомъ, въ глазу монокль, черезъ плечо надѣта сумка съ аппаратами.

Цивилизація — блестящая красавица, остроумная, наглаватая. Сильно декольтирована.

Совѣсть — прелестная блондинка, скромная, серьезная одѣта въ бѣдное черное платье.

Крестьянинъ — сильный цвѣтущій мужчина въ сѣрой свиткѣ и въ лаптяхъ.

Анархистъ — въ блузѣ и ботфортахъ, выраженіе лица грозное.

Реданторъ газеты — сѣдая борода клиномъ, злые глаза, общее выраженіе пельмовское.

Муръ-Подлевичъ — тучный, высокій, носъ горбомъ, сѣдая борода на двѣ стороны.

Сотрудники, актрисы, писательницы, архаровцы, Лопни Рыло, ихъ предводитель, студенты, босяки и рабочіе.

Дѣйствіе происходитъ лѣтомъ.

Городская улица. Прямо скверъ. Направо кофейная, на троуарѣ подъ тентомъ столики, занятые публикой. Съ лѣвой стороны выходятъ Здравый Смыслъ рядомъ съ Умомъ).

Умъ.

Вотъ, погляди, сыночекъ, какъ у насъ живутъ. Совѣмъ не такъ, какъ у васъ въ Америкѣ!

Здравый Смыслъ.

Что это за каналы здѣсь сидятъ подъ тентомъ?

Умъ.

Да разные... А что?

Здравый Смыслъ.

Какія рожи богомерскія! Подсядемъ къ нимъ, послушаемъ, что они говорятъ.

(Оба садятся къ свободному столику).

Читающій газету.

Ну опять аграрники, забастовщики и неурожайники... Все это скверно!

Сидящій vis-à-vis.

Напротивъ, хорошо: нажива вѣрная! Намъ стоитъ только запасти зерномъ!

(Трое студентовъ подходятъ къ столикамъ и, увидавъ стараго профессора, высоко поднимаютъ фуражки).

1-й студентъ.

Vivat!

2-й студентъ.

Маститый профессоръ!

3-й студентъ.

Vivat academia!

Vivant professores!

Умъ.

Здравствуйте... тише, господа! Не дѣлайте овацій. Вотъ, познакомьтесь съ моимъ сыномъ Здравымъ Смысломъ, онъ пріѣхалъ изъ Америки.

(Студенты пожимаютъ ему руку).

1-й студентъ.

Какъ тамъ студенты поживаютъ?

2-й студентъ.

Сходки не запрещаются?

Здравый Смыслъ.

Конечно, кѣтъ. Студенты живутъ полной жизнью: учатся, мыслятъ, совѣщаются; участвуютъ въ общественныхъ дѣлахъ и издають свою газету

3-й студентъ.

У насъ не такъ. Здѣсь и наука-то у насъ не настоящая... Не правда-ль, господинъ профессоръ?

Умъ. (Нюхалъ табакъ).

Эхъ, юный другъ, за то я и попалъ въ заштатные, что проводилъ критическіе взгляды съ кафедры. Читалъ я по исторіи, предметъ обширный, — какъ-же тутъ безъ критики? Но наша бюрократія не любитъ критики: ей и науку подавай, но ея вкусу, шаблонную...

(За столиками непріязненное движеніе. Многіе уходятъ въ кафе).

(Черезъ скверъ проходитъ группа студентовъ, махая фуражками. Въ серединѣ группы Наука полъ руку съ франтоватымъ профессоромъ въ ринсе-нез и бакенбардахъ. Трое студентовъ торопливо присоединяются къ группѣ).

Студенты (поютъ).

Друзья, дадимъ другъ другу руки

И смѣло двинемся впередъ!

И пусть подъ знаменемъ науки

Союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ!

За кулисами раздаются свистки. Въ группу кидаются два архаровца).

Архаровцы.

Разойдитесь, господа! Честью просимъ: разойдитесь!

Студенты.

Да что вы? Мы выходимъ съ лекціи. Нельзя-же намъ сейчасъ, какъ зайцамъ, въ разсыпную!

(За кулисами стукъ колесъ и топотъ лошадиныхъ ногъ).

Архаровцы.

Нельзя, нельзя! Все равно разойдитесь! Слышите: пугалы пріѣхали...

Студенты.

Что за-безсмыслица? Изъ-за чего переполохъ? Фальшивая тревога!

(Появляются спѣшавшіеся пугалы бѣгомъ. Лопни-Рыло (очень тучный), выхлп и отдуваясь, спѣшатъ на мѣсто происшествія).

Лопни-Рыло.

Господа! Прекратите сходку!

Студенты.

У насъ не сходка: мы провожаемъ съ лекціи профессора, и больше ничего.

Лопни-Рыло.

Ага! Вы оказываете сопротивленіе? Да я васъ всѣхъ въ бараній рогъ согну!!

Наука.

(Торжественно подходитъ къ Лопни-Рылу).

Позвольте, господинъ! Мѣшать студентамъ проявлять ихъ энтузіазмъ мы нѣтъ никакого снованія!

Лопни-Рыло.

Сударыня! Я Лопни-Рыло, и у меня есть основаніе!

Гей! Справа-слѣва заходи!

(Пугалы цѣные обходятъ студентовъ).

А васъ сударыня, прошу покорно: уходите!

Наука. (Съ презрительнымъ сожалѣніемъ).

Вы знаете-ли, съ кѣмъ вы говорите? — Передъ вами Наука, которую нельзя отнять отъ студентовъ!

Н. Ратомскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Похожденія и подвиги Донъ-Кихота Ламакчскаго.

(Переводъ съ рукописи Мигуэля Сервантеса).

... Величественный, но элегически грустный, проѣзжалъ по улицамъ главнаго города острова Донъ-Кихотъ въ сопровожденіи своего вѣрнаго оруженосца Санхо Панса.

Душа рыцаря Печальнаго Образа была мрачна и уныла: прошло уже нѣсколько дней его пребыванія въ этомъ городѣ удивительныхъ чудесъ, а онъ не совершилъ еще ни одного подвига.

— Клянусь Дульциней Тобозской, это—поразительно! — обратился благородный Донъ-Кихотъ къ Панса.—Скажи, Санхо, неужели всѣ жители этого города такъ счастливы, что никто не нуждается въ моей помощи?

— А знаете, мой благородный господинъ, это и лучше—отвѣтилъ Санхо, кряхтя и потирая шею и бока.—Не во грѣвъ вашей милости будь сказано, послѣ каждаго вашего подвига у меня вскакиваетъ нѣсколько лишнихъ снѣжковъ и шишекъ.

— О, мой вѣрный Панса, ты несправимо мелоченъ и малодушенъ! Ну что такое снѣжки и шишки въ сравненіи съ высокими задачами и цѣлями орденскаго рыцарства? Ты знаешь, у меня осталось всего четыре ребра. Но что-жъ изъ того? развѣ я плачу и хнычу?

— Великій Боже!—вскричалъ въ ужасѣ оруженосецъ.—Такъ неужели вы хотите, мой добрый господинъ, сражаться до послѣдняго ребра?

— До послѣдняго! — гордо отвѣтилъ Донъ-Кихотъ.

Лишь только Донъ-Кихотъ успѣлъ произнести эти слова, какъ изъ за угла улицы послышался шумъ, отдѣльные выкрики, возгласы, заглушаемые пропѣвательнымъ свистомъ.

Донъ-Кихотъ вдрогнулъ и моментально преобразился. Гордо закинувъ назадъ голову, такъ что шлемъ его чуть-чуть не свалился, выхвативъ свой страшный мечъ и потрясая имъ, онъ ринулся туда, гдѣ слышались крики.

— За мной, Санхо! Ты видишь, само небо посылаетъ мнѣ случай придти на помощь какому-нибудь бѣдняку.

— „Охъ, Santa Maria, не на долго хватитъ ему его четырехъ реберъ!“ — пронеслось въ головѣ бѣднаго толстяка Панса, котораго отъ страха уже начиналъ прошибать потъ.

Рыцарь Печальнаго Образа прищипывалъ бока Россинанта, отчего тотъ галлопировалъ еще удивительнѣе.

Завернувъ за уголъ, Донъ-Кихотъ столкнулся съ удивительнымъ шествіемъ.

Толпа, человѣкъ въ десять, жмѣхъ-то необыкновенно страшныхъ альгвазилъ съ длиннѣйшими усами, вооруженныхъ съ головы до ногъ, окружили и насильно тащили высокаго человѣка въ рваной одеждѣ, почти полуголаго. Онъ упирался, и чтобъ его повудить идти, два альгвазила презрѣнно тузили его саблями плання по спинѣ.

При видѣ этой картины, необъяснимое бѣшенство овладѣло благороднымъ рыцаремъ.

Громовымъ голосомъ, перехваченнымъ негодо-

ваніемъ, онъ загремѣлъ, преграждая путь этой странной процессіи:

— Стой! ни шагу дальше! Или клянусь Дульциней Тобозской, я раскрошу васъ въ куски, негодяи...

Неожиданный натискъ, необычайный видъ и грозный крикъ Донъ-Кихота въ первую минуту ошеломили страшныхъ альгвазилъ. Они глупо захлопали своими свирѣпыми глазами, а одинъ изъ нихъ даже отсалютовалъ саблей благородному рыцарю Печальнаго Образа.

— Кто вы? и куда вы ведете этого почтеннаго, добраго человѣка?

И какъ вы смѣете наносить ему побои! — продолжалъ гремѣть Донъ-Кихотъ.

Прежде, чѣмъ страшные альгвазили успѣли придти въ себя и что-либо отвѣтить Донъ-Кихоту, онъ съ рыцарской почтительностью обратился къ полу-голому человѣку.

— Кто вы, мой благородный гидальго? Какъ вы попали въ лапы этихъ чудовищныхъ уродовъ? Знайте, что мой мечъ къ вашимъ услугамъ. Клянусь, я васъ освобожу отъ этихъ исчадіевъ ада. Услышавъ обращенныя къ себѣ слова „благородный гидальго“, неизвѣстный полу-голый человѣкъ сначала громко фыркнулъ, а потомъ, вдругъ разразился громкимъ хохотомъ.

— Ха-ха-ха! Я—гидальго! ха-ха-ха!

— О, Санхо, гляди, что сдѣлалъ съ этимъ добрымъ человѣкомъ чудовища! Онъ—смѣется! — Онъ сошелъ съума, бѣдняга!

Альгвазили, между тѣмъ оправившись и тѣснимъ кольцомъ окружили храбраго рыцаря.

— А ты кто, гнусная, смѣшная образина?! А? Какъ ты смѣешь вмѣшиваться въ дѣйствія альгвазилъ?

— Я—кто? Я—Донъ-Кихотъ Ламакчскій, рыцарь Печальнаго Образа, защитникъ всѣхъ угнетенныхъ и невинныхъ. Сейчасъ-же освободить этого человѣка, или я предлагаю вамъ каждому сразиться со мной по одиночкѣ на мечяхъ!

— По-одиночкѣ? ну, это, братъ дудки! Мы лучше всѣ скономъ, такъ-то будетъ вѣрнѣе и чувствительнѣе для тебя—въ голосъ отвѣчали чудовища.

— Прочь!—загремѣлъ Донъ-Кихотъ.—Клянусь моимъ шлемомъ...

При словѣ шлемъ, альгвазили въ ужасѣ шарахнулись.

Но на несчастіе храбраго рыцаря, страшный шлемъ слетѣлъ съ его головы и тихо, безъ всякаго треска шлепнулся на мостовую. Увидѣвъ, что въ шлемѣ нѣтъ ничего страшнаго, альгвазили бросились на Донъ-Кихота и черезъ минуту храбрый рыцарь безпомощно барахтался въ ихъ дюжыхъ объятіяхъ.

— Трусъ! подлые трусы! — хрипѣлъ Донъ-Кихотъ.

— Ладно, ладно... идемъ-ка теперь. Тамъ у насъ въ альгвазилѣ, все разберемъ. Мы покажемъ тебѣ...

Въ то время, какъ рыцаря Печальнаго Образа влекли альгвазили, „благородный“ полу-голый „гидальго“ улетѣвалъ, хохоча, какъ сумасшедшій...

(Продолженіе слѣдуетъ).





Редакторъ Р. Л. Антроповъ.

Издатель С. Д. Новиковъ.

Типографія М. Михайловой. Фонарный пер. № 9.